

16+

НА СУШЕ И НА МОРЕ

ТОМ I

Коган Лазарь Иоханинович

Лазарь Коган

На суше и на море. Том 1

«Автор»

2020

Коган Л. И.

На суше и на море. Том 1 / Л. И. Коган — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99024-1

Здесь представлена не автобиография, а художественная автобиографическая повесть о становлении и жизни человека от раннего детства и до преклонного возраста, 85 лет. В этой, первой книге трилогии, дано описание жизни главного героя ЛИКа, полной приключений и невероятных событий, от 1938 до 1967 годов 20 века. Все изложенное базируется на реальных фактах и в реальном масштабе времени. Приятного чтения!

ISBN 978-5-532-99024-1

© Коган Л. И., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Введение (Справка об авторе)	10
Глава 1. Детство	12
1.1. Первое открытие	12
1.2. Первая заграникомандировка	14
1.3. Возвращение. Война	37
Глава 2. Школьные годы	60
Глава 3. Отрочество	87
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Лазарь Коган

На суше и на море. Том 1

*ПУСТЬ КАЖДЫЙ КАК НАЙДЕННУЮ ПОДКОВУ
СЕБЕ ЭТО СЛОВО НА ПАМЯТЬ ВОЗЬМЕТ.
СУРОВОЕ СЛОВО, ВЕСЕЛОЕ СЛОВО,
ЕДИНСТВЕННО ВЕРНОЕ СЛОВО ВПЕРЕД!*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ АВТОРА

Внимание, это не автобиография, хотя большинство изложенных здесь событий, люди и временной интервал **РЕАЛЬНЫ**. Однако есть существенное искажение фактов, вымышленные истории и личности, изменены некоторые фамилии и места действия.

Главный герой ЛИК – автор, Лазарь Иоханинович Коган.

Принятые сокращения

АИИС – автоматизированная информационно – измерительная система.

АРК – Аркадий Калинин, профессор, зав. кафедры геофизики геолфака МГУ.

АРТ – Аркадий Тушманов, лучший друг автора в детстве и юности.

АН – Академия наук.

Аз. НИИ по ДН – Азербайджанский НИИ по добыче нефти.

АЗ. ССР – Азербайджанская Советская Социалистическая Республика.

Ар. – ССР – Армянская Советская Социалистическая Республика.

А. Х. – Арон Харитонович Балабан, отец жены автора Людмилы.

А. П. – Алексей Петрович Милашин д. г-м. н. Директор ОМГР ВНИИГеофизики, зам. Директора ВНИИМОРГЕО.

БАД – пищевые добавки.

ВНИИГЕОФИЗИКА – Всесоюзный научно – исследовательский институт геофизических методов разведки полезных ископаемых.

ВНИИМОРГЕО – Всесоюзный научно – исследовательский институт морской геологии и геофизики.

ВОВ – великая отечественная (вторая мировая) война.

В. В. – Всеволод Владимирович Федынский – профессор, зав. Отделом геофизики геолфака МГУ, начальник управления геофизических работ МинГЕО СССР.

ВУЗ – высшее учебное заведение.

ГЕО – науки и разведочные методы недр Земли.

Геолфак – геологический факультет.

Геофак – географический факультет.

ГКНТ СССР – Государственный комитет по науке и технике.

ГНЦ – Государственный научный центр.

ГР 12–52 ГФ – группа № 12, 1952 года формирования физического факультета МГУ.

Е. К. – Елена Константиновна Гарбуз, соседка по дому на Красногвардейской 75 в Геленджике.

ЛИК – Лазарь Иоханинович Коган (автор книги).

МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

НИМГЭ – Научно – исследовательская морская геофизическая экспедиция.

ОМГР – Отделение морских геофизических работ.

МИНГЕО – Министерство Геологии.

ОАСУ – отраслевая автоматизированная система управления.

ИВЦ – информационно – вычислительный центр.

ЮО ИО АН – Южное отделение института океанологии Академии наук СССР.

ВМНК – Всесоюзный межотраслевой научный коллектив.

ШГСР – широкоугольное глубинное сейсмическое профилирование.

ГСР – глубинное сейсмическое профилирование.

ФГУП – федеральное государственное унитарное предприятие.

СЕВМОРГЕОЛОГИЯ – Северное морское геолого – геофизическое ФГУП.

ЮЖМОРГЕОЛОГИЯ – Южное морское геолого – геофизическое ФГУП.

МНР РФ – Министерство природных ресурсов Российской Федерации.

НИИПИ – Научно – исследовательский и проектный институт.

Океангеофизика – геофизический институт разведки недр Мирового океана.

М. К. – Михаил Константинович Полшков, профессор, зав. Кафедрой сейсморазведки МГУ, директор ВНИИГЕОФИЗИКИ.

т/х – теплоход.

э/с – экспедиционное судно.

НИС – научно – исследовательское судно.

НКВД – наркомат внутренних дел СССР.

С° – температура в градусах цельсия.

ФЭД – фотоаппарат фабрики им. Феликса Эдмундовича Дзержинского.

ВИП – Виктор Петрович Ломакин мастер спорта СССР, тренер по баскетболу и преподаватель физкультуры.

СКА – спортивный клуб армии.

Ю. П. – Юрий Павлович Непрочнов, профессор, зав. лабораторией сейсмометрии ИО РАН.

САГУ – Средне Азиатский Государственный университет в г. Ташкент.

Ю. Н. – Юрий Николаевич Годин, профессор, доктор геолого минералогических наук, академик АН ТССР, главный инженер комплексной туркменской геолого – геофизической экспедиции (ТКГГЭ) в 1951, директор геологического института АН ТССР.

САЗПИ – Средне Азиатский Политехнический институт в Ташкенте.

- ЗЕК – заключенный, человек, лишенный свободы по решению суда.
ВУЗ – высшее учебное заведение.
ОК – отдел кадров.
ОТ и ТБ – отдел труда и техники безопасности.
ВЭЗ – вертикальное электрическое профилирование.
ГАЗ – горьковский автозавод.
ЗИС – автозавод имени Сталина.
ИТР – инженерно – технические работники.
ВДНХ – выставка достижений народного хозяйства.
ЦК КПСС – центральный комитет коммунистической партии Советского Союза.
ЗАГС – законодательный акт регистрации гражданского состояния.
КГБ – Кара Бугаз Гол – залив в Каспийском море.
ИФЗ – институт Физики Земли АН СССР, РАН.
РАН – Российская Академия Наук.
ВВ – взрывчатые вещества.
СВМ – скользящая взрывная магистраль.
ССЗ – направление на (от) Север – Севера – Запад.
ГСЗ – глубинное сейсмическое зондирование.
КМПВ – корреляционный метод преломленных волн.
СКБ – специальное конструкторское бюро.
АПМЗ-ЧМ – аппаратура промежуточной магнитной записи с частотной модуляцией.
ОВ – отраженные волны.
ПВ – преломленные волны.
КФС – комитет физкультуры и спорта.
ОДО – окружной дом офицеров.
Г. В. – Гурген Варганович Габриелян.
РГС – радио – геодезическая система.
МОВ – метод отраженных волн.
ЧН – объединение «Челекен нефть».
ПВМ – плавающая взрывная магистраль.
ЦК КПСС – центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза.
° – градус.
С° – градус по шкале Цельсия.
Р° – градус по шкале Реомюра.
Ф° – градус по шкале Фаренгейта.
Им. – имени, имя.
А. Е. – Анна Евсеевна Балабан.
с/п – сейсмическая партия.
МПВ – метод преломленных волн.
Т. Л. – Тамара Лазаревна, Главтетя ЛИКа.
ОМР – опытно – методические работы.
КГУ – Красноярское геологическое управление.
НТС – научно – технический совет.
Д. Д. – Дмитрий Дмитриевич Тальвирский, начальник экспедиции на Енисее.
Л. А. – Лев Александрович Уманский, начальник Северной партии НИМГЭ.
КПП – контрольно-пропускной пункт.
СРБ – сейсмический радио – буй.
ОМЭР – отдел морских экспедиционных работ.
О. – остров.

ССЗ – Северо-северо-запад.
Пр. – профиль, линия наблюдений.
д. н. э. – до новой эры.
ОАРЕ – Объединенная Арабская республика Египет.
в. – век (100 лет).
г. – год (360 дней).
МОВ – метод отраженных волн.
МПВ – метод преломленных волн.
ГСП – глубинное сейсмическое профилирование.
ССЗ – Северо-северо-западный.
ЮЮВ – Юго-юго-восточный.
Ак. – академик.
Нач. – начальник.
ВСВ – Восток северо-восток.
т. – тонна (1000 кг)
Св. – святой.
д/о – дом отдыха.
НЭЛ – судовой эхолот.
ГЭЛ – глубоководный исследовательский эхолот.
ФАК – регистратор фото – телеграфного аппарата.
ЮЮЗ – Юго-юго-западный.
ЧС – чрезвычайная ситуация.
р. т. – регистровых тонн.
ССЗ – судостроительный завод.
НИИГА – Институт геологии Арктики, г. Ленинград.
ГИН – Геологический институт АН СССР.
АКИН – Акустический институт АН СССР.
ВМФ – военно-морской флот.
ИВЦ – информационно-вычислительный центр.
ЭЦВМ – электронная цифровая вычислительная машина.
АВЭМ – аналоговая электронная вычислительная машина.
БЭСМ – большая электронная счетная машина.
К.т.н. – кандидат технических наук.
Д.т.н. – доктор технических наук.
ВАК – высшая академическая комиссия по присуждению научных степеней.
ТК – Татьяна Канцлер, балерина, студентка филфака МГУ.
ТашМИ – Ташкентский медицинский институт.
ВФДМиС – Всемирный фестиваль демократической молодежи и студентов.
СРВ – Социалистическая республика Вьетнам.

Введение (Справка об авторе)

Коган Лазарь Иоханинович.

Родился 12.09.1935 г. в СССР.

Закончил полную среднюю школу в г. Ташкенте в 1953 г.

Закончил ВУЗ, Горный инженер – геофизик с 1958 г.

Работал с 1958 г. по 2015 г. морским геофизиком:

1958 г. – 1973 г. – НИМГЭ (г. Челекен ТССР) – ОМГР ВНИИГЕОФИЗИКИ (г. Геленджик РСФСР) – ВНИИМОРГЕО (г. Геленджик, г. РИГА Лат. ССР) Коган МИНГЕО СССР.

Морской геофизик – разведчик залежей нефти под дном морей и океанов, разработчик отраслевой системы управления ОАСУ МОРГЕО МИНГЕО СССР. Пройден путь от рабочего 4 разряда до начальника Научно Методического ИВЦ – отдела ВНИИМОРГЕО. Участник 15 многомесячных экспедиций на судах МИНГЕО СССР и АН СССР.

Кандидат технических наук с 1967 г.

1974–1995 г. – Южное отделение Института Океанологии АН СССР (г. Геленджик), ВМНК «ШГСП» (г. Мурманск, РФ).

Геофизик – океанолог. Исследователь строения недр под дном морей и океанов, разработка Глубинного и Широкоугольного глубинного сейсмического профилирования (ГСП – МОВ, ШГСП). Разработчик судовых автоматизированных систем сбора и обработки информации и береговых ИВЦ. Пройден путь от заведующего лабораторией Геофизических исследований до и.о. директора ЮО ИО РАН, руководитель ВМНК ШГСП. Доктор геолого – минералогических наук с 1986 г. Участник 17 экспедиций в Мировой океан на судах АН СССР и МИНГЕО СССР.

Коган Л. И. 2019 год.

1995–2005 г. НИИПИ Океангеофизика, ГНЦ ЮЖМОРГеология МПР РФ. Зав отделом сейсморазведки. Разработка автоматизированных сейсмо – акустических систем для исследования недр и разведки месторождений полезных ископаемых под дном морей и океанов. Участник 5 экспедиций в окраинные моря и Мировой океан.

2005–2008 г. ФГУП СЕВМОРГЕО. Главный Геофизик по выполнению сейсмических работ ШГСП в Охотском и Беринговом морях. Участник 2 экспедиций.

2008–2015 г. консультант государственных и частных морских сервисных геолого – геофизических компаний и нефтедобывающих предприятий на шельфе СРВ, Вьетнам. 10 экспедиций на судах РФ, СРВ, Малайзии, США, Франции. Консультант – супервайзер по выполнению сейсмических и инженерных геолого – геофизических работ.

2015–2020 г. – настоящее время, ПЕНСИОНЕР. Проживаю в РФ и СРВ.

Женат. В браке имею дочь и сына. Третий раз женат с 2003 г. по настоящее время – жена Елена Ивановна Левковская, художник, фотограф, дизайнер, специалист по ТАРО.

ЛЕВКОВСКАЯ ЕЛЕНА ИВАНОВНА, вдохновившая меня написание этой книги.

Глава 1. Детство

1.1. Первое открытие

Мальш трех лет упорно карабкался по высоким ступеням крыльца родного дома, который казался ему огромной крепостью, затерявшейся в горах Памира. Высота над уровнем моря 3000 м. Ближайший город Хорог в 720 км. Ближайший поселок рудник Бекташ в 5 км. Погранзаства в горах Памира. Яркое майское горное солнце освещает ослепительно белые вершины, высотой до 7 тысяч метров, которые вздымаются над крупнейшими на Памире ледниками Шунганского и Ишкашимского хребтов, отрезающих заставу от большой Земли. Вокруг яркая зелень майских трав альпийских лугов. Насыщенный их терпким запахом хрустально чистый разряженный горный воздух. Шум бурной горной реки Коксу, притока Пянджа, с ледяной, прозрачной голубой водой, бьющейся о скальные берега, заглушает все другие звуки. В этом шуме можно услышать все, что создаст воображение, или его нет, как не замечает всю эту великую красоту ребенок, родившейся здесь и еще не знающий другого мира.

Ближайшая цель, которую малыш хочет достичь, забраться в дом, где сейчас нет никого, кто способен помешать его дерзкому плану – залезть в спальню, в высоченный темный мамин шкаф. Там хранится множество загадочных, запретных и потому особенно интересных вещей, которые его старшие братья и родители ему не дают.

Интенсивно работая руками и ногами, он взбирается на крыльцо и с огромным усилием отворяет тяжеленую входную дверь в дом, которая к его большой радости оказалась приоткрытой.

Теперь знакомой дорогой, через темную прихожую в светлую столовую, где круглый раздвижной стол в центре, всегда покрытый белой скатертью украшенный вазой с букетом цветов, был местом и вкусного угощения, и убежищем при желании спрятаться от взрослых. Теперь прямо к винтовой лестнице на второй этаж. Это вторая полоса препятствий, которую взрослые ему одному преодолевать запрещают.

Но сейчас все можно, дорога наверх открыта. Чувство пьянящей радости предстоящего открытия и свободы преодолевает страх, и малыш быстро карабкается по крутой лестнице наверх к заветной цели – загадочному шкафу в спальне родителей, допуск в которую был большим подарком. Наконец, трудная дорога к заветной цели преодолена. УРА!!!

Но шкаф закрыт, а дверная ручка так высоко. Что делать?!

Любопытный и оригинальный детский ум, еще не знающий ни запретов, ни правил, и руководимый одними лишь инстинктами и желаниями, быстро находит решение. На глаза малышу попадаются большие портняжные ножницы, забытые матерью в «недоступной» ребенку комнате. Подсознательно, действуя ими как рычагом и просовывая их между створками двери шкафа, ему удается его открыть.

Долгожданные вещи перед глазами. Это по-восточному яркие платья, такие гладенькие и так нежно и знакомо пахнущие мамой. Они ласкают малыша, забравшегося внутрь шкафа, и поднимаются куда-то далеко вверх.

Одно из них, гладенькое белое, особенно привлекает внимание ребенка. Нужно его обследовать, но как? В руках страшное оружие – огромные ножницы, которые становятся орудием познания. Двумя руками с большим трудом он раздвигает и сжимает их лезвия и направляет ножницы вдоль платья снизу вверх, насколько позволяет его рост, разрезая нижнюю часть платья на полосы, как хвост у воздушного змея. Радости нет границ! Но она не долговременна. Ветром распахивает входную дверь дома, и от сквозняка дверцы шкафа захлопываются, запи-

рая малыша внутри этого темного и страшного пространства. Ножницы открыть дверцы не помогают и превращаются в орудие опасное для ребенка.

После нескольких безуспешных попыток вырваться из плена напуганный малыш плачет и взывает к маме о помощи. Но дома никого. Радость свободы, полученной благодаря одиночеству, обернулась страхом заточения. Убедившись, что помощи ждать не приходится, вдоволь наплакавшись и натерпевшись страха, мальчик засыпает в закрытом шкафу.

Только через два часа непрерывных поисков, страшно обеспокоенная мать обнаружила в собственном шкафу мирно спящего сыночка с ужасными ножницами в ручонках и разрезанное на полосы выходное атласное белое платье – результат его исследований.

Вероятно, именно с этих ранних лет малыш впервые ощутил пьянящую радость свободы и высокую цену, которую приходится за нее платить не только самому, но и своим самым близким людям.

1.2. Первая заграничная командировка

В горах, на лоне природы, время летит быстро. Три года пролетели для нашего героя незаметно. Он рос в кругу своих сверстников с заставы и из ближайшего поселка – рудника Бекташ, находящегося в 5-и км ниже по течению быстрой горной реки Коксу, притока Пянджа, самой крупной реки Памира. К 6-ти годам он заметно подрос и поздоровел.

Соседские мальчишки по заставе и поселку были пестрой многонациональной ватагой ребят: светловолосые, но до черноты загоревшие, в основном, дети русских офицеров, черноволосые с огромными глазами, худощавые – дети таджиков, коренных жителей и с монголоидными лицами – дети узбеков и киргизов. Никто из них в это время и не подозревал о существовании рас и национальностей. Все они говорили одинаково хорошо на русском, фарси (таджикском) и узбекском языках.

Мир окруженной горами заставы казался мальчику бесконечно большим, интересным и веселым, как само счастливое детство для здоровых детей, растущих на лоне природы.

С утра и до позднего вечера ватага 5–7-летних мальчишек носилась по заставе и ее окрестностям до поселка Бекташ, выдумывая всевозможные игры и развлечения. Взрослым до них не было никакого дела, или так детям казалось, ибо их никто ни в чем не ограничивал. Но на самом деле за ними всегда наблюдали добрые и мудрые глаза кого-либо из родителей или предков – бабушек и дедушек, которые, как это принято в Средней Азии, всегда были рядом, но делали это незаметно для детей, чтобы не мешать развитию их самостоятельности и самостоятельности. Дети им за это были благодарны на всю жизнь и сохраняли почтение к взрослым (старшим) до собственной старости. Прекрасный обычай востока.

В 1939 году по пакту СССР и Германии восточная Польша была присоединена к западной Белоруссии и стала частью Советского Союза. Это позволило воссоединиться семьям, разделенным еще в первую Мировую войну и Октябрьскую революцию, в результате которой Польша отделилась от Российской империи. К такой семье относилась мать нашего героя, Елена Стрелец, родившаяся в 1902 г. в городе Гродно, который принадлежал в начале 20 века Польскому королевству, входившему в состав Российской империи.

Теперь, в начале 41 года, после долгой разлуки, ей представилась возможность вновь повидаться со своей большой семьей, по-прежнему проживавшей в городе Гродно. Ее, любимую старшую дочь, в семье ждали родители и шестеро братьев и сестер.

В 1915 году Елена Стрелец, достигшая 13-летнего возраста, оказалась в эвакуации в России, где и осталась на всю свою долгую жизнь, связав ее с отцом нашего героя, революцией, гражданской войной и затем строительством светлого социалистического будущего в Средней Азии.

И вот теперь, 26 лет спустя, мать четверых сыновей, жена советского офицера-пограничника, участник революции и гражданской войны, профессор она возвращалась домой в Польшу, в типичную «буржуазную» семью.

Ее отец, проработавший всю свою жизнь на табачной фабрике еще с царских времен, и мать, известная в окрестности Гродно модистка, с нетерпением ждали приезда своей старшей дочери Эльки (Элькиле). Они не подозревали, что к ним возвращается совершенно другой человек, очень сильный, закаленный в боях и социалистических буднях Советского Союза.

Отъезд вместе с матерью в Польшу был для шестилетнего парнишки грандиозным событием. Ведь до этого момента дальше Бекташа он от дома не отъезжал.

Выехали они в конце февраля в составе конного отряда.

Дорога от заставы до Хорога шла вдоль берегов Пянджа и в те времена представляла собой широкую караванную тропу, местами буквально висящую, над глубочайшими пропастями пересекаемых ущелий. В таких местах выстраивались авринги, т. е. вбивались колья в

отвесной стене и на них укладывались доски или бревна, по которым коней вели под уздцы, а наездники спешили. Не обходилось и без ЧП, когда кони, испугавшись высоты, вставали на дыбы, их было трудно успокоить. Иногда, это кончалось трагически. Мостки не выдерживали вздыбившихся коней, и все летело в пропасть. Поэтому опытные проводники, таджики и киргизы, задолго до сложных участков брали лошадей под уздцы и закрывали им глаза специально подготовленными повязками так, чтобы кони не могли смотреть вниз и не пугались.

Но самое безопасное было ездить на ишаках. Они не только не боялись аврингов, но и как-то чувствуют их прочность и никогда не шли на шаткие мостки. А ишачье упрямство (здесь полностью оправданное) всем хорошо известно. Поэтому для безопасности во главе каравана всегда шел старый ишак (ослик), за ним проводник и уже потом все остальные.

Это правило уже хорошо было известно нашему шестилетнему герою, который вместе с мальчишками участвовал в «экспедициях» на ишачках за дровами и за дикими фруктами в тугай вблизи заставы, по дороге, на которой было множество аврингов.

Опасных троп он не боялся... Но мама волновалась основательно, хотя и тщательно старалась это скрыть. Сын видел это или, вернее сказать, чувствовал и всячески старался успокоить маму. Перед каждым висячим мостком он приговаривал: «Мамочка не бойся, ничего плохого не будет. Видишь, ишачок уже прошел».

Путь от заставы до Хорога занял пять дней. Пять дней среди февральских заснеженных гор. Ночевали в пересекаемых дорогой горных кишлаках, населенных таджиками. Их радушие и вкусные угощения скрашивали трудности зимнего перехода. И теснота, и убогость их жилищ не замечались неприветливыми путниками, которые в дороге за день так изматывались и так промерзали, что утлые домики приютивших их хозяев казались им барскими хоромами.

Наконец, горы расступились, и перед глазами изумленного мальчика на месте слияния двух крупных рек Шахдара и Гент предстал «огромный» одноэтажный город из глинобитных домов, разбросанных по обе стороны ущелья, переходящего в долину.

Был конец февраля 1941 года. Уже ощущалось дыхание весны, но зеленели только причудливо искривленные ветрами горные сосны – арчи, покрытые шапками снега.

Горный поселок, каким был Хорог в то время, казался шестилетнему мальчишке огромным. Ведь сразу сосчитать все видимые дома ему не удалось.

Это был его первый город. Здесь, в доме дальних родственников отца, их уже ждали. Теплая встреча, горячая банька с мороза и вкусный ужин сразу же позволили забыть о трудностях зимнего перехода в высоких горах. А на утро снова в путь.

Но дорога от Хорога до Оша хотя и была высокогорной, с крутыми поворотами и местами очень узкой, однако здесь уже ходили караваны автомобилей. Но лошади, ишаки, овцы, бараны, яки часто преграждали путь машинам.

В крытой полупортке, в теплой кабине, наши путешественники быстро спускались вниз, в широкую Вахшскую долину, к большому, по тем временам, городу Ош. От Оша уже была проложена ветка железной дороги к столице Таджикистана городу (Душанбе).

На тракте Хорог-Ош не обошлось без приключений. На скользкой дороге, не смотря на цепи на колесах, газик несколько раз зависал над обрывами. Приходилось пассажирам выходить, водителю отработывать назад и вновь вырубивать на дорогу, прижимаясь к стене над пропастью. У пассажиров и водителя сердце замирало, и дух захватывало, но самому маленькому из них, еще не знавшему опасности, было очень интересно и весело.

На многие километры вокруг были видны покрытые глубоким снегом горы. Автомобильное движение в этих местах разрешалось только в светлое время суток.

На узких участках дороги автомашины не могли разъехаться, и приходилось обоим добираться до специальных расширительных площадок. Преимущество было у водителя,двигающегося вверх. В такие минуты наш малыш особенно торжествовал. Ведь на заставе автомобилей еще не было, а тут сразу два или больше, да еще сложно маневрируют. Красота!

Ночевали в сторожках, специально расставленных через каждые десять километров дороги. В день проходили не больше 50–60 км. Все путешествие по Памирскому зимнему тракту заняло 6 суток. Повезло, что снежный буран в начале пути длился не долго, а стратегическая трасса хорошо расчищалась солдатами Туркестанского горного округа.

В Оше уже бушевала весна. Все фруктовые деревья и прежде всех урюк – цвели. Было тепло днем так, что пришлось одеться по-весеннему. Сладкий аромат цветущих деревьев пьянил и кружил головы. Но долго бродить в этом цветущем раю, не было времени. Вечером сели на поезд на Сталинабад. Билеты уже были предварительно взяты по просьбе отца местными пограничниками. Связь у них была хорошо налажена.

Посадка на поезд в 22–30. Тесные пассажирские вагоны общего назначения – плацкартные места. В вагоне тускло горят лампочки. Очень душно. Тесно от множества людей, говорящих на русском, таджикском и узбекском языках.

Суতোлка посадки, шум громких голосов прощающихся и обилие впечатлений переезда от Хорога до Оша утомили героя нашего романа.

Едва он прилег на отведенную ему плацкартную полку, как мгновенно уснул сном праведника.

А мама, оберегающая сон ребенка, еще долго беседовала с соседями по купе, чередуя, русский, узбекский и фарси. Она всегда любила общение с коренными жителями Средней Азии, знала их нравы и обычаи. Поэтому с ней охотно беседовали, особенно местные женщины, которые совсем недавно избавились от паранджи, в чем была и мамина заслуга.

В Сталинабад прибыл поезд без опоздания в 11–30 утра.

Это дало возможность прогуляться по городу, где бушевала весна. Солнечный теплый день. В центральном сквере поют во всю птицы. Цветет урюк, алыча, кизил и расцветают маки.

Широкий проспект в центре столицы Таджикистана с центральной аллеей для пешеходов и цветочными клумбами по бокам, большие «высотные» трехэтажные здания из кирпича, произвели на мальчика неизгладимое впечатление. Но главное открытие – легковые автомобили, которые гордо проезжали по центральным улицам этого солнечного города, окруженного снежными горами. Красота, вот только очень много людей вокруг.

Поезд на Ташкент уходил в 21–00 вечера, и это позволило нашим путешественникам побродить по Сталинабаду. Оказалось, что рядом с поразившим воображение мальчика центром находится старый город, где узкие улочки и глинобитные одноэтажные дома без окон, выходящих на улицы, были уже хорошо знакомы мальчику по поселку Бекташ.

Поезд на Ташкент был скорым и разместились сын с матерью в купейном вагоне со всеми удобствами, каждый на своей полке, и мальчику казалось, что он совсем большой. Его невозможно было оторвать от окна, хотя стемнело, и за окном почти ничего не было видно.

Утром показались пограничные столбы с Афганистаном. На станции Термез в вагоны и на вагонные площадки поднялись пограничники. Мальчик встретил их как родных, что суровых воинов сперва озадачило, но затем, после разъяснений матери, рассмешило и позабавило. Они «приняли» мальчонку в свой отряд, и в качестве особого отличия старшина надел на него свою пограничную фуражку, что привело его в полный восторг. Он теперь не сомневался, что здесь свои родные пограничники, без которых он и не мыслил возможности безопасного и уверенного существования. Чем ближе подъезжали к Ташкенту, столице Узбекистана и всей Средней Азии, тем больше становились проезжаемые города и тем больший интерес они вызывали у мальчика. Он буквально впивался глазами в каждый минарет, в каждую крепость, каждый большой дом. С интересом рассматривал их из вагонного окна, и требовал от мамы и соседей по купе и даже проводников вагона разъяснений. Такое любопытство не могло остаться незамеченным матерью и вызывало в ней одновременно радостные и тревожные чувства. Ведь совсем недавно, прошлой осенью, она проводила из дома своего самого младшего из троих своих старших сыновей Геночку, который вслед за своими старшими братьями Семеном и

Леонидом уехал учиться в Ленинград, в военно-химическую академию. Семен закончил бронетанковую академию, Леонид служил на границе с Польшей, в Либаве. Трое старших сынов пошли по отцовской дороге – служить советской родине. И чуткое материнское сердце обеспокоилось, что и этот столь любимый и столь поздний ребенок долго дома не засидится.

Рано утром следующего дня поезд приближался к Ташкенту. Лил сильный дождь, но было тепло по сравнению с зимней погодой конца февраля на Памире. На вокзале, вооружившись зонтиками и плащами, наших путешественников встречали родственники отца, его братья и сестры и их дети, т. е. родные дяди и тети и многочисленные двоюродные братья и сестры нашего героя, как это принято в азиатских семьях.

Их дома находились недалеко от вокзала, и все они знали о существовании и с интересом ждали своего горного братца и его маму, так навсегда и остававшуюся для них очень уважаемой, но далекой и странной тетей из Европы. Они были одеты в яркие восточные наряды и были очень похожи на таджиков, но говорили на каком-то непонятном гортанном языке?

Встречающие бросились обнимать приехавших «из-под небес». Все что-то бурно говорили. Но когда встречающие поняли, что их родной язык не понимают ни мать, ни сын, слегка смутившись, перешли на очень правильный, сохранившийся в Средней Азии еще со времен ее завоеваний Скобелевым, чистейший русский язык, хотя и узбекский, и фарси они все знали прекрасно.

Домой к старшей тете Тамаре отправились пешком, распределив весь багаж среди многочисленных родственников. Там, умывшись с дороги и отдохнув, сели за длинный стол, который украшали ляганы с волнующе пахнущим бухарским сладким пловом.

Большой одноэтажный с мансардой дом «Главтети» (как с уважением и любовью ее называли и взрослые, и дети), старшей дочери многодетной семьи деда Лазаря Когана (Кагана), стоял на берегу большого полноводного арыка Салар, среди цветущего фруктового сада. Рядом, через забор располагался городской живописный парк с искусственным озером, парк имени Тельмана, знаменитого немецкого коммуниста – интернационалиста.

Это место, как и сама высокая и по-восточному строго-красивая Глав тётя, мальчику очень понравились. Оно чем-то напоминало ему родной дом на заставе, а строгая красота Главтети была сродни красоте матери, хотя совершенно другого типа. И хотя он еще этого не понимал, но Глав тётю сразу же признал как свою родную, что осталось на всю жизнь.

Все семейство за столом шумно разговаривало на русском, но иногда хозяйева, позабывшись, особенно дети, переходили на свой гортанный язык.

Это был древний еврейский язык – иврит, свято хранимый тысячелетиями изгнанниками из Израиля, рассеянными их Господом среди молодых и древних народов Азии.

Разговаривать публично на этом древнем языке в советской Средней Азии запрещалось, а в царские времена его вообще считали одним из среднеазиатских наречий. В царской России людей, говоривших на этом языке, считали сартами, азиатами, и в отличие от европейских евреев в правах не ограничивали, в том числе и в праве оседлости и военной службы. Но все это наш герой узнал только 60 лет спустя, когда начал интересоваться своими корнями.

А сейчас, сидя здесь, в доме Главтети, за праздничным столом, он сделал еще одно важное открытие, что его маленькие двоюродные братья и сестры чем-то отличаются и от него, и от его друзей из шумной многонациональной ватаги на заставе в горах.

Плов оказался очень вкусным. На заставе такой сладкий плов не готовили ни узбеки, ни таджики. Вообще здесь на столе отсутствовали мясо и жиры, а красовались ляганы и кайсы со свежей зеленью, сухими и свежими фруктами. Но что было самым удивительным, на столе стояло сухое красное вино, которое разрешали пить даже детям, как сок. Вероятно, это была еще одна древняя восточная мудрость, которая исключала пьянство в восточных семьях.

День пролетел незаметно, а вечерний поезд на Москву отправлялся в 23–00. В 22–00 вся шумная компания родственников поднялась из-за стола. Младшие дети уже давно спали, т. к.

в короткие февральские дни солнце рано садится. Но взрослая половина родни легко подняла весьма скромный багаж наших путешественников и отправилась на вокзал в «пешем строю». Уже выпавшийся наш мальчик бодро шагал со всеми. Не смотря на свои шесть лет, он уже был неутомимым и опытным ходоком, как и все жители гор.

Прощания должны быть не долгими, как при очень кратковременной разлуке. Этой мудрости следуют многие народы и люди, которым приходится часто разъезжать по свету. Поэтому прощание было теплым и очень коротким. Посадив гостей в купейный вагон, наскоро попрощавшись, родственники ушли, не дожидаясь отхода поезда, который был битком набит пассажирами всех возрастов и национальностей. В Москву из них ехали далеко не все. Для этого нужно было иметь особый пропуск. Но до Москвы 3500 км. Множество городов пересекал Турксиб на этом пути.

Устроившись в уютном вагоне, в теплом и просторном купе, сын и мать быстро уснули после бурных эмоций, пережитых при встрече с родственниками. Мерно застучали по рельсам колеса. Впереди трое суток езды до столицы их великой родины СССР – златоглавой Москвы.

От окна мальчика было трудно оторвать. Пейзажи за окном менялись быстро. Уже зеленевшие хлопковые поля и цветущие сады долин Узбекистана сменяли сухие степи казахской полупустыни Арала, где на станциях предлагали всевозможную вяленую и сушеную рыбу, в том числе и балыки знаменитой белой (осетров, севрюг и даже огромных белуг) рыбы и черную икру. Мама накупила всего впрок, учитывая и прекрасный аппетит сына, и желание угостить редкими для них восточными яствами ждущих ее родных в Польше и родных отца в Москве. Здесь наш герой впервые увидел море, вернее Аральское озеро, которое тогда было полноводным и ему показалось огромным. Вода подходила почти прямо к железнодорожным путям. Такой голубовато-зеленой массы воды до горизонта он еще никогда не видел. Местный язык он хорошо понимал, хотя и говорили местные «киргизы» (казахи) с каким-то странным акцентом. И когда он у них спросил, указывая на водную гладь: «Бу нема? (это что?)», впервые услышал тюркское слово ДЕНГИЗ – МОРЕ. Он хорошо запомнил это новое слово, не подозревая, что всего через 17 лет свяжет с ним всю свою жизнь.

Долго еще после отхода поезда со станции из вагонного окна было видно море, от которого мальчик не мог оторвать взгляд. Своей широтой и красотой оно было под стать его родным горам.

А поезд летит и летит, стучат по рельсам колеса, слегка раскачиваются вагоны. И вечером, когда за окном вагона темно, приятно слушать мамино чтение о Синдбаде – мореходе или «Гулливер в стране лилипутов». Да и сам он уже мог читать, хотя и очень медленно. Поэтому ленился и предпочитал слушать, что рассказывают или читают другие.

Еще одним ярким событием, которое мальчик запомнил на всю жизнь, были рассказы матери, навеянные дорогой, о том, как они с отцом в теплушках воинского эшелона ехали из Украины на Туркестанский фронт, воевать с басмачами и устанавливать в Средней Азии власть советов. Как их обстреливали белогвардейские и басмаческие банды, как приходилось браться за винтовку, а то и за пулемет. Как теряли друзей и встречали новых. «Не в барском купе, как сейчас, а в теплушках военного поезда, ехали мы в Среднюю Азию – родину отца, только что поженившись. Это было нашим свадебным путешествием», – рассказывала мама. Шел 1918 год, маме 16 лет. А сейчас, 23 года спустя, мама сама ехала «как барыня, а сын как барчук», в отдельном купе. Трудно было понять, радуется она или сожалеет об этом.

В районе Куйбышева железная дорога пересекала Волгу. Здесь еще стоял лед. С высоты железнодорожного моста было видно множество разбросанных по белоснежному льду черных точек, рыбаков, занятых подводным ловом рыбы. Эта картина огромного моста и замерзшей широченной реки вызвала восторг и недоумение мальчика. Как может замерзнуть такая широченная река? Ведь на Памире даже в суровый мороз и малые речки не замерзают! Куда же девается поток воды в замерзшей реке? Как можно удить рыбу во льду? Ведь она должна

там замерзнуть, и как ее вытащить удочкой из льда? Пришлось маме, красному профессору физики и теоретической электротехники, а ныне из-за жизни на заставе, учителю математики и физики в сельской школе, разъяснить сыну, что большая и глубокая река течет медленно и поэтому замерзает, но не промерзает до дна. Толщина льда не более двух метров. Что подо льдом река продолжает течь, и в ней живет живая рыба, т. к. температура воды в реке подо льдом больше точки ее замерзания. А рыбаки пробуривают лунку во льду и ловят рыбу на удочку, как в обычной не замерзшей реке. Все оказалось очень просто.

«Вот какая у меня умная мама», подумал сын. И в этом он убеждался еще множество раз в течение долгих лет жизни, пока мама была жива.

Москва 1

«Москва, столица нашей родины, Союза Советских Социалистических Республик», торжественно объявил диктор по вагонному радио. Из окна вагона виднелось множество пересекающихся и параллельных рельсов. На некоторых из них стояли и двигались пассажирские и товарные поезда. Чувствовалось во всем и в торжественном тоне диктора, и в звучащих по вагонной сети песням: «Москва моя! Страна моя! Ты самая любимая!», и во взволнованных лицах пассажиров, что поезд уже едет по Москве. Очень плавно минута в минуту по расписанию поезд после трех суток пути останавливается на Казанском вокзале Москвы. Рядом, на параллельных путях стоят и отправляются пассажирские поезда других направлений. Множество суетящихся людей. Идет снег, холодно -21°C .

Вещи уже собраны. Одежда теплая наготове. Нетерпению мальчика нет предела. Но мама что-то ждет. Постепенно вагон пустеет. В этот момент в купе входят два статных офицера и заключают маму и сына в крепкие мужские объятия, вручая маме красные розы. Невиданная вещь зимой на Памире. Живые розы!!!

Так встретили наших путешественников в Москве, двоюродный брат отца Лазарь и мамин старший сын, и брат мальчика Семен. Конечно, это был сюрприз.

Старший на 16 лет брат, уже боевой офицер танкист, высокий и по-спортивному стройный, легко поднял своего младшенького к потолку вагона, приговаривая:

«Как ты вырос, Кебан, такой сильный и смелый, что добрался до Москвы». Это для мальчика было высшей похвалой. И он сиял от восторга от слов старшего брата и встречи с таким могучим и красивым офицером, каким был его новый дядя.

Дядя Лазарь, двоюродный брат отца, действительно был могуч телом и очень красив собой в свои 50 лет. С мамой они были хорошо знакомы еще с гражданской войны, когда Лазарь служил в Средней Азии. Он уже давно жил и служил в Москве, в наркомате обороны и с Еленой (Елей) не виделся много лет. Его дом в Москве служил пристанищем всех родных и сослуживцев, разбросанных по огромной стране, когда они заезжали в Москву. Так было и сейчас.

Выбравшись из вокзальной толпы на привокзальную площадь, все четверо сели в черную легковую машину, поджидавшую дядю, и поехали по широченным улицам и Садовому кольцу к дяде домой, на Поклонную гору. Там стоял трехэтажный деревянный бревенчатый дом, где у дяди была своя трехкомнатная отдельная квартира. Неслыханная роскошь по тем временам.

Кебан, так звали мальчика брата, был оглушен шумными улицами Москвы, полными автомобилей и толпами людей, стоящими у переходов и движущимися по тротуарам вдоль улиц, не смотря на мороз. Такая суета сует его пугала и отталкивала. В легковой «эмочке» он ехал впервые вообще, и по Москве, в частности, и это ему нравилось. Но когда они поднялись в квартиру дяди, он почувствовал облегчение и защищенность, которой так не хватало в бурном потоке московских улиц, несмотря на присутствие мамы, старшего брата и атлетического

генерала-дяди. Толпа ему была враждебна. И он воспринимал ее как единое многоголовое, многоликое, много хвостатое чудовище.

Дядя жил один, без семьи, и мама, быстро умывшись и переодевшись с дороги, приготовила наспех завтрак для всех мужчин, с нетерпением ждавших его появления на столе, за которым они дружно расселись. В центре стола букет из роз и красивая бутылка красного вина со странной непонятной надписью. Дядя налил взрослым в высокие фужеры это пенящееся вино, а мальчику в такой же фужер налил красный гранатный сок, и, встав, провозгласил тост: «За столь долгожданную встречу!».

Завтрак длился не долго. Чувствовалось, что офицеры торопятся. И действительно, вскоре они встали из стола и, извинившись, попрощались до вечера. Мама была огорчена столь краткой встречей со старшим сыном и дядей. Но жена военнослужащего привыкла к таким кратким встречам и быстрым расставаниям. Это удел военнослужащих и их семей. Темп бурной московской жизни сразу же дал себя знать. Несмотря на мороз, мама решила посмотреть центр Москвы и показать его сыну. Ведь о Кремле и Красной площади он был хорошо наслышан.

Тепло, одевшись, они вышли на улицу и спустились к ближайшей трамвайной остановке.

«Красная Аннушка» (трамвай А) не заставила себя долго ждать. Они оба быстро поднялись в теплый и переполненный вагон, и трамвай с шумом и грохотом поехал к Киевскому вокзалу. Мальчик на все это смотрел с интересом и опаской. Трамваев он никогда не видел, но о них читал. Грохот вагонов, толпа пассажиров, теснота были ужасной пыткой для свободного горного жителя. И он не видел высоких домов и широких улиц, зажатый в толпе взрослых пассажиров. Наконец, эта мука закончилась. Когда они вышли из вагона трамвая на привокзальной площади, он попросил маму наклониться и прошептал ей на ухо: «Смотри, мама, только меня не потеряй. Здесь никто и никогда меня не найдет». Мама удивилась и поняла состояние сына. Она крепко взяла его за руку, и они пошли ко входу в метро, крупнейшую его станции «Киевская». Опять толпа застилала красоту станции метро. Только на бегущей лестнице эскалатора мальчик заулыбался, взглянув на длинную вереницу лестничных ступеней, уходящих глубоко вниз. В вагоне метро опять толпа. И только на станции «Площадь революции», выйдя из душного вагона в зал, мальчик с облегчением вздохнул и обратил восхищенный взгляд на бронзовые скульптуры героев – революционеров, которыми был украшен этот зал из гранита и красного мрамора.

Выйдя на площадь Революции, остановились у стен музея революции и любовались огромным зданием гостиницы «Москва». Затем пошли на Красную площадь к мавзолею В. И. Ленина, по площади к памятнику Минину и Пожарскому, к Казанскому собору.

Издали любовались рубиновыми звездами Спасской и других башнях Кремля, золотыми куполами колокольни Ивана Великого и других внутренних кремлевских храмов. Конечно, попасть в Кремль и не мечтали. Там великий вождь и учитель всех народов Иосиф Виссарионович Сталин. Совсем рядом этот великий человек – друг и защитник детей.

Даже шестилетний мальчишка уже хорошо это знал. На заставе висели портреты и плакаты с фото Сталина, а его имя повторялось в лозунгах и призывах везде и всюду. Гремели песни: «Сталин – наша слава боевая, Сталин – нашей юности полет, с песнями борясь и побеждая, наш народ за Сталиным идет!». Конечно и мать, и сын были крайне взволнованы грандиозностью увиденного, своей причастностью и близостью к великому Сталину, Кремлю, мавзолею В. И. Ленина – учителя и соратника Сталина. На площади было холодно и, к счастью, мало людей. Можно было совсем близко подойти к мавзолею и Спасским воротам, в которые въезжали и выезжали легковые автомобили.

В феврале в Москве темнеет рано. Бегом припустились в метро, в эту ужасную толпу, которая к вечеру стала еще больше и агрессивнее. Скорее, скорее домой, прочь от этой давки и духоты. Мальчик, привыкший к бескрайним просторам далекой заставы, не мог понять, как

Сталин может жить в этой тесноте и жуткой толпе людей. И как вообще могут люди здесь жить? На эти вопросы его мудрая мама ответила, что москвичи все очень сильные, жесткие люди, привыкшие к такой бурной (жуткой) жизни.

К дому дяди Лазаря добрались в сумерках. На входе в дом их остановил часовой, но мама показала ему документы, он отдал ей честь и пропустил к лестнице на третий этаж, где находилась квартира дяди. Наконец, они вдвоем в теплой квартире вдали от шума бушующего городского потока.

Чай, горячий и терпкий из памирских трав быстро восстановил их силы. Наш герой по просьбе мамы прилег отдохнуть и крепко уснул после такого обилия впечатлений, которых в его обычной жизни хватило бы на годы.

Проснулся он от прекрасной мелодии и высокого голоса мамы, поющей незнакомую песню на каком-то странном языке, очень похожем на русский, но более певучем и мягком со многими неизвестными ему словами. Мама любила и умела петь. Ее высокий, очень сильный и приятный голос знали и ценили все ее родные и сослуживцы. Всегда в компании ее просили спеть, и долго просить не приходилось. Как узнал Кебан гораздо позже, маму очень серьезно приглашали учиться в консерваторию, но папа был против, и она стала не певицей, а красным профессором физики.

В большой комнате своей холостяцкой квартиры дядя собрал старых сослуживцев по Средней – Азии по случаю приезда Елены Стрелец, которую хорошо помнили и уважали.

И вот она пела, как много лет назад, в компании старых друзей – однополчан любимую ими украинскую песню «Распрягайтэ хлопци коней». Вся веселая компания дружно подпевала. На заставе мама эту песню не пела, или он ее не слышал, а здесь она звучала как-то особенно торжественно. Выходить из спальни не хотелось. Он знал, что взрослые начнут его обнимать и подымать к потолку. Но ему было приятно тихо лежать в постели дяди и слушать мамино пение. Пусть взрослые думают, что он спит. А он... и снова заснул улыбаясь.

Рано утром его разбудил мамин строгий голос. «Пора вставать, сын». Мама, когда хотела подчеркнуть значимость своих слов, называла его как взрослого – сын. А, вообще, она обращалась к нему по – разному, в зависимости от значимости и темы разговора, от ласкательно уменьшительного сынок, до почтительно – комичного: «Ваше величество, высочество, превосходительство, благородие» и т. п. странные обращения.

Обращение «сын» значило, что нежиться не придется. Мама была уже красиво и торжественно одета в костюм с галстуком и с красной косынкой на голове, памятке гражданской войны. «Мы едем в Кремль на встречу участников революции и гражданской войны. Возможно, там будет товарищ Сталин», торжественно сказала мама. «Быстро вставай и одевайся». Тут уж не до сна. Увидеть товарища Сталина! Что может быть важнее и интереснее!?

Дядина «эмка» уже ждала внизу. Поехали в Кремль к Алтуфьевской башне. Сегодня 23 февраля, день Красной армии. Большой праздник. По этому поводу и была организована правительством встреча ветеранов революции и гражданской войны, на которую сейчас и ехали. У северного (?) въезда в Кремль выстроилась вереница легковых автомобилей, приглашенных на встречу. У ворот пассажиры выходили из автомобилей и шли в проходную, где их тщательно досматривали и проверяли документы. Затем по широкому кремлевскому двору, где снег был убран, по черной брусчатке шли к Кремлевскому большому залу. Среди взрослых гостей были и дети. Их пригласили в отдельное помещение. Наш герой, не ожидавший разлуки с мамой, сперва расстроился. Но вокруг были только дети и сопровождавшие их высокие офицеры, мужчины и женщины, в синих красивых формах, со звездами на шапках. Это мгновенно успокоило мальчика. К военной форме он привык с раннего детства. От нее веяло уверенностью в защите и безопасности.

Ребят повели на экскурсию по кремлевскому двору, рассказали об истории постройки кремлевской стены, дворцовых зданий и церквей. Показали главное здание Кремля, над кото-

рым развивался красный флаг со звездой, серпом и молотом, символами единства военных, рабочих и крестьян. В нем, совсем рядом, кабинет товарища Сталина.

Затем детей привели к огромным размерам Царь пушке и Царь колоколу, и рассказали историю их создания и жизни. После осмотра кремлевского двора, все вошли в грандиозный зал, где разделись и слушали концерт лучших артистов Москвы. В основном исполнялись народные песни и танцы. Наконец, поднялись на верхний этаж, где детей ждали вкуснейшие угощения, уже выставленные на столах. Здесь было все, что только могло нашему памирцу присниться. Многих из выставленных яств он никогда до этого момента не видел. Всего было вдоволь и можно было есть без ограничений. Хотелось дивными конфетами набить карманы брюк, но было стыдно. Никто из присутствующих здесь детей этого не делал. Ведь большинство из них на таких приемах бывали и раньше, и хорошо знали, что после угощения, перед прощаньем, выдадут подарки с множеством вкусных вещей. Так оно и было.

Время пролетело мгновенно, как в сказке наяву. Одевшихся детей вывели на свежий морозный воздух кремлевского двора, где их уже ждали родители. Сказка заканчивалась, но самого главного чуда не произошло. Товарища Сталина он так и не увидел, хотя был совсем близко. Сталин встречался с взрослыми, его соратниками по революции и гражданской войне. Мама его видела, и не в первый раз.

Когда возвратились к дяде на квартиру, уже темнело. Там их ждал Семен. Сегодня последний вечер в Москве. В 23–00 поезд с Белорусского вокзала уходил на Минск, и в его составе специальные вагоны следовали в бывшие польские, а ныне западно-белорусские земли городов Белосток и Гродно, конечные пункты назначения наших путешественников.

До отхода поезда оставалось еще много времени. Взрослые чинно уселись вокруг стола с мамиными розами и чашками крепкого чая на памирских травах, и о чем-то очень серьезно разговаривали. Часто в их разговоре звучали тревожные слова: «фашизм, немцы, Германия, война». После сказочной встречи в Кремле, мальчик и думать не мог о какой-то войне, о которой сейчас говорили его самые близкие люди. Но ему хорошо запомнились слова дяди: «К сожалению, война будет и очень скоро». Он вскочил с глубокого дядино кресла, подбежал к дяде, схватил его за руку и спросил: «Когда?»

Дядя, не ожидавший такой бурной реакции ребенка, который, казалось, совсем не слушал разговор взрослых, пристально посмотрел племяннику в глаза и серьезно ответил: «НЕ завтра». Спокойный и уверенный голос дяди, большого командира Красной армии, успокоил мальчика, и он вновь погрузился в свои детские мысли о празднике в Кремле.

Когда они начали собирать вещи, мама попросила сына особо осторожно упаковать кремлевский подарок и сберечь его для детей своих братьев и сестер в Гродно, где она знала, живется не сытно. Мальчик вспомнил об ожидающих его приезда двоюродных братьях и сестрах и мысленно сравнил их со встреченными в Ташкенте. Но он очень ошибался. В Гродно его ждали совсем другие встречи.

До Белорусского вокзала дядин автомобиль доставил всех четверых очень быстро. Быстрой была и посадка в теплый и очень удобный вагон, где в отдельном купе они и расположились. Брат и дядя внесли слегка располневший от подарков и покупок багаж. Обнялись и расцеловались. Им казалось, что прощаются они совсем ненадолго, ведь обратная дорога проходила опять через Москву. И никто не предполагал, что с сыном, братом и дядей, такими родными молодыми и красивыми, они прощаются навсегда.

Поезд тронулся с перрона очень плавно. Брат и дядя, высокие и статные офицеры, шли рядом с окном, к которому прижались мать и сын, но потом стали отставать, прощально махая руками, и исчезли из вида.

Поезд набирал скорость, двигаясь параллельно улицам Москвы, очень хорошо освещенным. Затем освещение становилось слабее, по мере того как поезд удалялся от центра столицы.

И быстро огни за окном сменила густая ночная февральская тьма, разрываемая иногда тусклыми огнями малых станций, сквозь которые экспресс пронесся, даже не сбавляя скорость.

После такого насыщенного бурными событиями и глубокими переживаниями дня и проведений вечером, наши путешественники, выпив принесенный проводником чай с лимоном, немедленно отправились спать на свои полки мягкого купе генеральского вагона, билеты в который приготовил дядя Лазарь. Мальчик и не подозревал, сколько смертельной опасности, тяжких трудов и лишений лихих лет революции и гражданской войны, (а дядя и отец еще и китайской, и финской войн), испытали его старшие родные, чтобы он мог так интересно и комфортно путешествовать.

В Минск поезд прибыл строго по расписанию в 11–00 утра. Здесь их вагон от состава отцепили и подсоединили к другому составу, Минск-Варшава-Берлин. Публика в вагоне изменилась, теперь здесь почти не осталось гражданских лиц, которых и в Москве было не много. Перед отправкой из Минска в вагон вошел молодой офицер пограничник, отдал честь и попросил предъявить документы. Внимательно изучив их, сверив лица, поблагодарил и уже хотел выйти из купе, но был остановлен неожиданным вопросом мальчика: «Товарищ командир, вы здесь тоже нарушителей границы ищите?». Удивившись такому уставному обращению шестилетнего ребенка, и, вероятно, догадавшись по документам, с кем имеет дело, строго ответил: «Так точно, пограничный досмотр, товарищ!». Мальчик вспыхнул от радости и вытянулся по струнке, как не раз делал на заставе при «официальных» обстоятельствах. Офицер взглянул на радостно и широко улыбающуюся мать и тепло сказал: «Хорошую вы нам смену готовите, Елена Моисеевна, спасибо вам». Имя и отчество мамы он запомнил мгновенно, профессионально. Но если бы он знал, какой глубокой болью в мамином сердце отразились эти хорошие слова. «Хватит вам моих троих старших!», – подумала мама, а для этого младшенького она мечтала о другой судьбе – физика, ученого энергетика, но не военного, несмотря на то что военных любила и уважала, да и сама от них была неотделима.

Поезд тронулся, впереди новые старые – польские земли, как в Российской империи, королевство Польское. Как и раньше в России, теперь в СССР, для въезда в новые теперь западно-белорусские земли требовался специальный пропуск, как за границу. Ехать предстояло сутки. Мама в Москве набегалась и наволновалась так, что у нее разболелся троичный нерв. Боли ужасные. Мама закуталась в азиатский шерстяной платок, легла на диван и отключилась, предоставив сыну полную свободу.

В вагоне шторами был приглушен свет. Мальчик пытался себя занять. Долго смотрел в окно, любуясь высокими, стройными, покрытыми снегом соснами и елями, которые пролетали за окном вагона. Но однообразный суровый зимний лесной пейзаж не мог долго удерживать бурную энергию здорового мальчишки, привыкшего к простору и движению. Книга о Синдбаде-мореходе так же ненадолго задержала его внимание. Он посмотрел с сочувствием на лежащую и пытающуюся уснуть маму, затем очень тихо открыл дверь купе и вышел в коридор вагона, пол которого устилала ковровая дорожка со знакомым азиатским орнаментом.

Двери некоторых купе были приоткрыты и или открыты. Мальчик с не скрываемым интересом заглядывал в них. В купе сидели солидные мужчины и очень изредка женщины. Большинство в военной форме. Детей не было. Прогуливаясь по вагонному коридору, он столкнулся с пожилым и очень полным мужчиной в штатском. Заметив любопытного, но скукающего в одиночестве мальчика, «толстый дядя» дружелюбно улыбнулся и спросил: «Скукаешь, дружище?». Так запросто к нашему герою никто из незнакомых людей не обращался. И он насторожился. Ведь на заставе его учили не разговаривать с незнакомыми людьми, а сразу же сообщать о них пограничникам или взрослым. Но к кому обращаться сейчас? Мама больна, знакомых нет. Он быстро пробежался по коридору, заглядывая в открытые купе. В одном из них увидел высокого военного в пограничной хорошо ему знакомой форме. Решение было мгновенным. Мальчик вошел в купе, подошел к пограничнику, вытянулся по стойке смирно и

выпалил: «Товарищ командир, там, в коридоре чужой и мне незнакомый человек». В первое мгновение офицер хотел рассмеяться, но вероятно сообразил о серьезных мыслях мальчика и встал. «Спасибо боец, пойдем, посмотрим», сказал он, и вместе они вышли из купе в коридор, где у окна стоял толстый дядя в штатском. Завидев приближающуюся пару, дядя пошел к ней навстречу и спросил: «Что же ваш сын скучает?». К удивлению мальчика, пограничник не стал спрашивать у толстяка документы, но сказал: «Он не скучает, а занят важным делом. Проявляет бдительность».

Взрослые рассмеялись, а наш герой не понял над чем они смеются, но почувствовал уверенность, что толстый дядя не нарушитель. Пограничник пригласил его и дядю в свое купе, где был еще один пассажир, угостил мальчика морсом и разговорил его, «выпытав» все военные тайны, которые хотел услышать. Когда же «боец» рассказал о Москве, кремлевском званом приеме, о заставе на Памире, отце и маме, старших братьях, дяде и Ташкентских родичах, то толстый дядя спросил: «Маму зовут Елена (ЭЛЬКА) Стрелец?» Мальчуган удивленно кивнул головой, что означало: «Да!».

Толстый дядя преобразился. «Веди меня к ней скорее», быстро и взволновано попросил он. «Сейчас мама очень болеет и к ней нельзя», – ответил мальчик. «Мне можно и даже очень можно», – парировал напористый толстяк. Мальчик взглянул за поддержкой на пограничника, но тот с любопытством следил за их беседой и не поддержал мальчугана. Но мальчик не сдавался. Он хорошо уже знал, что во время приступа тройчного нерва маму беспокоить нельзя. «Нет, позже», – твердо ответил он.

Словесная дуэль прекратилась, мальчик победил. Но тут вмешался пограничник.

«Вот что, герой» – сказал он, – «Этот неизвестный – знаменитый нейрохирург Соломон Яковлевич Гордон, земляк твоей мамы и очень хорошо ее знает. Наверное, он сможет ей помочь прямо сейчас. Веди его к ней!». Аргументы в устах командира пограничника были вескими, и дальше сопротивляться было глупо. Все втроем пошли к маме. Она дремала на своем диване, крепко укутав голову в шерстяной платок. Ее тело расслабилось, и было видно, что острая боль отступила. Доктор, как его теперь мысленно назвал мальчик, приложил палец к губам и жестом поманил всех вернуться в коридор вагона. Мальчик вышел последним, осторожно закрыв дверь купе. «Приступ проходит, боль спала, сейчас нужен покой и сон. Вы правы, коллега», – обратился он к мальчику.

Вернулись все в купе пограничника, чтобы не беспокоить маму. Доктор рассказал, что они с мамой «с одного гнезда», из Гродно. Обоих первая мировая война заставила эмигрировать вглубь России, на Украину. Затем революция и гражданская война разбросали их в разные края огромной России – СССР, в том числе и в Ташкент, где он познакомился с родителями «коллеги», и конечно сдружился с ними, особенно с мамой, которой, как и ему самому, было нелегко привыкать к Средней Азии. Тогда он был начинающим полевым хирургом, а не знаменитым ученым с мировым именем.

Несколько лет они жили рядом в одном доме в Ташкенте. Много помогли ему в те трудные голодные годы отец и мать мальчика. Знал он и ташкентскую родню отца...

За морсом, чаем и рассказами время пролетело быстро. Дверь в купе была открыта, и увлеченные рассказом доктора мужчины не заметили, что в дверях стоит стройная, красивая молодая женщина, которая внимательно прислушивается к их разговору.

Когда же они ее заметили, то быстро поднялись в приветствии. Наступила пауза, которую нарушил возглас мамы: «СОЛ!», и ответ доктора: «ЭЛЬКА!», и они крепко по-родственному обнялись и расцеловались.

«Вот так нарушитель», подумал мальчик.

Доктор Сол, теперь так называл его мальчик, мама и сын прошли в свое купе, где мама не смогла удержать слезы радости. Она долго разговаривала с Солом на странном непонятном мальчику картавом языке. Он внимательно прислушивался, стараясь уловить знакомые ему

слова из трех известных ему языков, но безуспешно. Это был родной язык маминого детства – идиш, адаптированный европейскими евреями немецкий язык. В доме мальчика на нем не говорили, так как его не знал отец. Не говорили и на иврите, т. к. его не знала мать. Вот и получилось, что своих родных языков мальчик и не знал.

Казалось, что мама и доктор Сол никогда не наговорятся. Они вспоминали детство в Гродно в далекие предвоенные годы, еврейскую гимназию, ее учителей, праздники: польские, православные, еврейские, приезд Царя в Гродно в начале. Первой мировой войны, польских друзей детства, эвакуацию, революцию, разоружение городских, гражданскую войну в Средней Азии, голодную жизнь в Ташкенте в начале 20-х годов.

Нашему новоиспеченному «коллеге» надоело сидеть тихо одному. Очень хотелось пить, но беспокоить маму он не стал, понимая, что разговор с доктором Солом ей очень важен.

Мальчик отправился к командиру – пограничнику. «Беседуют?», спросил командир у мальчика. Он понимал, что маме с доктором есть о чем поговорить. Уже смеркалось, и когда «боец» попросил воды, пограничник решил выйти с мальчиком из вагона в привокзальный буфет, т. к. в поезде морса не оказалось.

Поезд остановился на станции Белосток. Это была пограничная станция между Белоруссией и вновь возвращенными землями – Западной Белоруссией. Наш доблестный боец и его командир пограничник решили сделать вылазку на Белостокский вокзал и попить морс. Как только поезд остановился, они выскочили из вагона на перрон и отправились за морсом в ресторан, ничего не говоря маме. Стоянка была очень короткой, и когда они, наконец, выпили желанный напиток и купили пару бутылочек с собой, поезд уже начал движение. Бросились вдогонку. Успели заскочить в последний вагон, на последнюю подножку. Помогла пограничная форма. Проводник, стоящий на подножке без лишней суеты, принял мальчика из рук пограничника, который сам ловко запрыгнул на подножку уже набравшего приличную скорость вагона. Все были возбуждены и, пройдя в вагон, зашли в купе проводника объясниться.

Командир предъявил документы и билет, а вот с ребенком пришлось разбираться.

Когда прошли в свой вагон, проводник последнего вагона и начальник поезда зашли в мамино купе и попросили ее предъявить документы. Мама ничего не зная о приключении своего героя несколько удивилась, немедленно предъявила все требуемые документы. Внимательно просмотрев их, начальник поезда поблагодарил маму, вернул документы и ушел. Мама вопросительно взглянула на сына и пограничника. Но они только заговорщически улыбались. Однако командиру пришлось рассказать маме о случившемся, и извиняться за свою неосторожность. Все обошлось, укрепив в сознании мальчика всемогущество пограничников.

А тем временем поезд приближался к конечной точке долгого путешествия, к городу Гродно. Рано утром мама, которая от предвкушения встречи и остатков приступа головной боли почти не спала, разбудила сына. Нужно было подготовить его к не простой для понимания советского шестилетнего мальчика встрече с родными.

Гродно

Для торжественного момента мама принарядилась сама, причесала свои длинные локоны и даже подкрасила губы, что никогда раньше не делала и чем очень удивила сына.

Мальчика одели в непривычный для него костюм и даже повязали галстук. Прическа тоже перетерпела изменения. Очень жесткие черные волосы, торчащие во все стороны как иглы у ежа, смазали бриолином и расчесали на гладкий пробор. Когда мальчик взглянул в зеркальную дверь вагона, то себя не узнал. На него смотрел не вольный обитатель гор, а какой-то прилизанный мальчишка с галстуком, буржуйский сынок. Да и мама с помадой на губах, с рассыпанными пышными локонами, спадающими на ее плечи, в длинном платье, выглядела

совершенно необычно. Это уже не была героиня революции и гражданской войны в узкой юбке, кожанке и революционной красной косынке на голове.

И наш герой понял, что надвигаются совершенно невероятные события, которые не могли быть у него на родине в СССР. Тепло, одевшись в шубки и меховые шапки, наши путешественники в сопровождении командира – пограничника и «доктора Сола» последними вышли из вагона, медленно остановившегося поезда. К ним на встречу чинно и спокойно приближалась группа людей, во главе со статным, высоким и совершенно седым стариком, с пышной седой бородой. У всех в руках были цветы. Мама, взяв сына за руку, медленно пошла к ним навстречу, как бы сомневаясь, что это ее родные и вообще, что все это наяву, а не во сне. И чем ближе она подходила, тем быстрее и увереннее становились ее шаги. Наконец, напряжение достигло предела, и мама бросилась в объятия отца, которого очень любила и не видела много лет. «Элька, май таере Элька», повторял высокий старик, обнимая старшую любимую дочь. Все плакали и взрослые, и дети. Мама из рук деда, Моисея, перешла в объятия своей матери, невысокой, тоже благородно седоволосой и очень аккуратно и гармонично одетой женщине 59 лет, которая как ни старалась, но не могла сдержать слез. И затем по – старшинству объятия с братьями и сестрами, Залменом и Лизой, и еще тремя младшими. На это время о мальчике забыли. Он стоял рядом и был так далек от всех этих людей, самых дорогих и близких для мамы, но которым до него, как ему казалось, и не было никакого дела так же, как до командира – пограничника и «доктора Сола».

Мама смутно помнила Залмена и Лизу, а младших сестер и брата пришлось разгадывать, но они сами называли свои имена при объятиях. Все сдерживали слезы и бурные эмоции, охватившие всю семью, Стрелец. Наконец, маме представили детей – ее племянников и племянниц, в возрасте от 16 и до 4-х лет. Всего 8-мь человек, которые родились после отъезда мамы. Каждый из детей, празднично одетый, представлялся сам. Мальчики кланялись, гордо сгибая шею в выразительном поклоне, девочки слегка приседали, прижимая руки к полам пальто. Церемония встречи продолжалась довольно долго. И вот настал торжественный момент. Мама представила сына деду, бабушке, его родным тетям и дядям, двоюродным сестрам и братьям. Все они обнимали мальчика и что-то говорили, но понять он ничего не мог. Сам же твердо повторял выученное «Здравствуйте!» Ни кланяться, ни присесть он не умел и поначалу отнесся к этому ритуалу не серьезно, смех его разрывал. Он на минуту вообразил такое у себя дома, на заставе или даже в Бекташе, и звонко, задорно, по-детски искренне расхохотался, чем озадачил своих чинных родственников. Мама удивленно поглядела на своего Зорюшку, как она его часто звала, догадалась, в чем дело и тоже счастливо рассмеялась. Напряженность и строгая радость встречи, ее чопорная ритуальность, сменились легкой радостью и счастьем родных людей, встретившихся после долгих 26 лет разлуки. Теперь наступила очередь представить родителям доктора Гордона и командира – пограничника. «Доктор Сол» легко вписался в церемонию встречи, поздоровавшись первым с дедом, бабушкой и всеми остальными членами семьи Стрелец на идиш. Мама кратко его представила как соотечественника и друга. А вот с пограничником было сложно. Он не знал ни идиш, ни польский, спокойно стоял в стороне «на страже» вещей приехавших. Мама представила и его, одновременно исполняя роль переводчика. После встречи вся публика с перрона прошла в чистенькое здание вокзала, где опять прошли спец контроль. И вот теперь настало время проститься с командиром – пограничником и доктором Солом, которого никто не встречал. Мама дала им адрес родного дома, который за все эти годы не изменился, и они распрощались. Пограничник прощался с мамой по – военному, отдав ей честь в знак уважения, как жене командира – пограничника. О ее боевой биографии он и не догадывался.

Семейство Стрелец в полном составе, во главе с дедом, который взял за руку младшего внука, вышло из уютного и чистенького вокзала на широкую площадь, ровно вымощенную булыжником. У выхода росли голубые елки. Было прохладно, но снега не было видно ни на

деревьях, ни на мостовой. Дедушка помахал рукой извозчику, стоявшему недалеко от выхода из вокзала. В одну коляску все не уместились, пришлось нанимать еще одну. По широкой мостовой въехали в город. Небольшие аккуратные одноэтажные, как правило, с мансардой, дома растянулись вдоль чистеньких улиц. Изредка встречались дома двухэтажные, огражденные красивыми деревянными заборами. Контраст белым стенам кирпичных домов составляли крыши из красной черепицы. Зелень хвойных деревьев вдоль улиц чередовалась с темными стволами лиственных. Очень чисто и аккуратно все это выглядело, как на картинках в книжке «Сказки Андерсена».

Мирный пейзаж этого города дополняли шпили католических соборов и купола православных церквей и синагог. Проехали почти весь город пока добрались до родного дома мамы, где проживало все семейство Стрелец. Большой, но одноэтажный дом с мансардой стоял у самого берега реки Неман. Он был отгорожен от улицы аккуратно подстриженным кустарником, служившим зеленым забором для просторного двора, выходящего дальним концом прямо к крутому спуску к реке. Река еще не проснулась от зимнего сна и была покрыта буробелым льдом. Соседние дома находились на большом расстоянии друг от друга, что создавало впечатление индивидуальности каждого дома и каждой семьи в нем проживающей. Кроме зеленых оград и расстояния дома ничто не разделяло.

Экипажи остановились у широкой вымощенной дорожки к парадному входу в дом. Первым вышел из коляски дед Моисей, галантно подавший руку бабушке и потом маме, чтобы помочь им спуститься вниз. Наш герой, ехавший с дедом, бабушкой, мамой и ее сестрой Лизой и братом Залменом, ловко выпрыгнул сам, не дожидаясь торжественного спуска старших. Он смело подошел к лошадям, дотянулся до их морд и угостил конфетками, которыми его щедро одарили родные при встрече. Лошади, как и собаки, для него были своими на заставе. Громко и привычно сказал лошадям: «Спасибо!», – чем вызвал одобрительную улыбку ямщиков и недоумевающие взгляды родственников, которые чинно выходили из своих экипажей.

У входа их ждала пожилая женщина, одетая в черное длинное платье, которая с особым вниманием вглядывалась в маму. Когда они поравнялись, женщина и мама обнялись и расцеловались. «Прошу пани до дому», сказала с волнением пожилая женщина. Это была неизменная няня – горничная семьи Стрелец на протяжении 40 лет, на руках которой выросли все шестеро детей и восемь внуков старших Стрельцов. Обняла она и нашего мальчика, что-то ласково говоря по-польски. Все один за другим, по старшинству, вошли в просторную прихожую, обставленную высоченными встроенными шкафами светло-коричневого цвета, с зеркалами в полный рост человека. Прихожую освещала люстра из такого же дерева, с четырьмя лампочками в абажурах розового цвета. Такой красоты мальчик нигде прежде не видел. Он стоял в оцепенении и внимательно разглядывал все вокруг. Его никто не торопил, давая возможность привыкнуть к новой обстановке. Уже все разделись и прошли в гостиную, когда к нему подошла мать и горничная, тетя Поля, и помогли раздеться. Затем провели нашего героя в ванную, где он был не менее удивлен ранее невиданным огромным белым корытом – ванной и большим зеркалом. Здесь не было привычного рукомойника, из блестящего крана текла холодная или горячая вода. Такое он уже видел у дяди в Москве. А дома, на заставе, в туалете, висел рукомойник, в который наливали из кувшина воду холодную или подогретую.

Умывшись, дорогие гости, и хозяйева сели к празднично накрытому столу во всю большую комнату – гостиную. Во главе стола сел дедушка. Он рядом с собой посадил маму и сына – почетных гостей. Потом села за стол бабушка и все остальные члены семьи по старшинству. Дедушка Моисей выглядел почти библейским патриархом. С длинными пепельно-седыми волосами и седой пышной бородой, в черной шляпе, высокий и солидный, он произнес какие-то очень серьезные слова, как объяснила мама, молитвы, и все принялись за трапезу, сильно проголодавшись на свежем, холодном воздухе.

По сравнению с обедом у Главтети, еда была скромная. Борщ постный, отварная рыба с картошкой, салат из кислых и маринованных овощей. В качестве десерта – печеные яблоки, слегка посыпанные сахаром. К рыбе подали красное вино, но детям его пить не разрешалось. Для них была приготовлена очень вкусная настойка из клюквы. Старшие произносили тосты, и, хотя мама их переводила, все равно они были сыну непонятны.

Непонятны были и сами люди, взрослые и дети, говорившие на неизвестном ему языке и странно ведущие себя. Но дом и обстановка в нем очень понравились. Предстояло еще обследовать большую часть дома и главное, большой двор со спуском к реке.

Когда обед закончился, дети, одевшись, вышли во двор погулять к крутому берегу Немана. Наш герой пошел вместе с ними. Они вели себя очень спокойно, тихо беседовали и казались взрослыми в своих «парадных» одеждах. Ни разговаривать, ни чинно с ними вести мальчик не умел. Он шел последним по дорожке к берегу реки. Лед на реке еще стоял, и хорошо видны были рыбаки, сидящие на скамеечках с удочками у пробуренных лунок.

Памятуя о пояснениях мамы, полученных при пересечении Волги, он решил проверить их на практике. Когда подошли к краю крутого берега, он увидел тропинку, спускавшуюся вниз к реке. Тропа была крутой и местами скользкой, там, где образовались проталины. Однако нашего героя это ничуть не смутило. Ведь в горах на заставе он бегал с мальчишками по тропам и круче, и много выше над быстрой Коксу, и летом, и зимой. Для него было это естественно и буднично.

Ничего не говоря занятым беседой детям, он свернул с дорожки на тропу, ведущую вниз к реке, и начал бегом спускаться. Когда его кузены и кузины (как их представляли) обнаружили отсутствие гостя, он уже был далеко внизу, спускаясь по круче к реке. Они начали что-то кричать, но мальчик не обращал на них никакого внимания, весь поглощенный движением по крутому спуску и желанием увидеть воду подо льдом.

Последние несколько метров, по скользкому спуску он проехал на ногах, как на лыжах, и оказался на льду замерзшей реки. Попрыгав по льду, проверив его прочность, направился к ближайшему рыбаку, находившемуся в 100 м от него. Он и не подозревал, какой опасности подвергался. На реке глубокий снег покрывал лед, но это не смутило мальчика. И такие препятствия для него были вполне естественны. Но шел он медленно. И когда добрался до рыбака и стал за его спиной, наверху за ним наблюдало все семейство Стрельцов, взрослые и дети. По совету мамы никто не звал его и старался не нервничать. Мама это все взяла на себя, зная о хорошей выучке сына к таким ситуациям. Когда мальчик спросил рыбака о воде и рыбе, тот не ответил. Он не ждал кого-либо в гости. Рыбаки это не любят. Тогда мальчик дернул его за рукав. Рыбак оглянулся и побледнел. Ребенок на льду реки, на котором и взрослым находиться запрещалось, да еще в последние дни февраля, когда вот-вот начнутся ледовые подвижки.

«Ты чей?», спросил он мальчика по-польски. Конечно, мальчик его не понял и начал по-русски расспрашивать рыбака о рыбе и воде подо льдом. Дедушка, рыбачивший на льду, старой, еще царской «закалки», знал по-русски, хотя за годы свободной Польши многое позабыл. Он крепко выругался, выдернул из лунки леску, на крючке которой билась живая рыбка, и тем самым сразу же развеял все сомнения мальчика, громко рассмеявшегося от радости очередного открытия.

Живой и звонкий смех мальчика смягчил гнев старика. Он взял мальчишку за руку, свернул все свое рыбацкое имущество, и вместе они пошли к берегу, к ступеням на круче по протоптанной дорожке на льду. Наблюдавшее за мальчиком семейство Стрельцов несколько успокоилось и отправилось к месту, где лестница выходила наверх к мостовой на берегу Немана. Через час мальчик был вручен в целости и сохранности в руки матери и всей встревоженной родни. Дед – рыбак, приведший мальчика к родным, был одарен бутылкой самогона, о чем, конечно, ребенок не знал.

Первыми словами мальчика было: «Мама, рыбка действительно живая, и вода подо льдом есть. Ты совершенно права!» Никто из окружающих так и не понял, о чем они говорят. Ни мать, ни, тем более, никто другой не ругали мальчика. Только дед внимательно оглядел его с головы до пят и тихо что-то сказал своей старшей дочери.

Вечерело, когда вся взволнованная компания вернулась домой. Там их ждали бабушка и тетя Поля. На столе все было накрыто к ужину. В центре стола возвышался цветной самовар с большим красным чайником наверху. У самовара хлопотала бабушка. Все расселись на свои места, оживленно обсуждая приключения маленького гостя.

«Теперь держи ухо остро», думали взрослые, «с этим, сорви головой, не соскучишься».

К чаю подали пирожки с ежевичным вареньем и маленькие тарелочки с медом. Неслыханное лакомство для гостей. А вот сахара на столе не было. Перед едой дедушка опять встал, прочел молитву, и только потом вся семья приступила к еде.

Это озадачило мальчика. О Боге он ничего не знал, кроме того, что это сказочный герой, в реальной жизни не существующий. А здесь? Такой серьезный и важный дедушка молится Богу перед едой? Но вопросов он задавать не стал. Столько много событий произошло за один только сегодняшний день, что на заставе хватило бы на месяц. Еще предстояло раздать московский кремлевский подарок детям. Мама произнесла какую-то фразу и все за столом посмотрели в его сторону. Мальчик понял, пора начинать. Он встал из-за стола, прошел в прихожую, где на маленьком столике лежал кремлевский пакет. С трудом приподнял его и принес в столовую. Но сам распределить подарок не мог. Он только догадывался о его содержимом. Решил просить помощи мамы, но она взглядом адресовала его к деду. Тяжелый пакет он положил на стол перед дедом и сказал: «Теперь ты и раздавай». Дедушка раскрыл пакет, покачал головой и попросил Полю принести большое блюдо. Когда красивое фарфоровое блюдо, расписанное цветами, принесли, дедушка высыпал в него содержимое пакета. Все с интересом рассматривали кремлевский подарок: большие конфеты трюфели Красный октябрь, плитки шоколада Мокко, длинные леденцы, круглые шарики шоколада с изюмом, румяные яблоки и бело-зеленые крупные груши, гроздь черного винограда без косточек, и два банана. Это была для того времени неслыханная роскошь. Дед призывно развел руками: «Берите и ешьте, что больше нравится», сказал он. К блюду потянулись нетерпеливые детские руки, и оно быстро опустело. А наш герой был рад, что доставил своим новым двоюродным братьям и сестрам удовольствие. Сам к кремлевским угощениям и не прикоснулся. Для него это было нелегко сделать, такие прелести ему доводилось есть только однажды в Москве по большому празднику.

После ужина и вечерней прогулки по двору вместе со старшим двоюродным братом, которому тайно было поручено, глаз не спускать с сорванца, наконец, удалось искупаться в ванне (в белом большом корыте). Удовольствие и благодать от пахучей чистой воды, от большого махрового полотенца и выданного белого мягкого махрового халатика привели мальчика в восторг. Все эти роскошные вещи он видел впервые.

Но пик удивления мальчик испытал, когда его отвели в маленькую спальню в мансарде.

Широкая кровать с жестким пружинным матрасом и двумя огромными подушками, легким и очень теплым одеялом, предназначенная ему, привели его в восторг. Он немедленно испытал упругость матраса, прыгая на нем. Но мама его резко отдернула, объяснив, что не прыгать, а лежать и спать нужно на таком матрасе. В комнате пахло хвоей. Мансарда была сделана из сосновых бревен, округлые контуры которых, были видны по стенам. Высокий желтый потолок подпирали толстенные арки тоже из сосновых, но струганных досок. Под потолком горели три лампочки в деревянном абажуре, такого же цвета, что и потолок. Над кроватью на стенке горела маленькая лампочка, ночник, розового цвета. В углу комнаты стол, небольшой шкаф, два стула и два табурета, рядом с кроватью тумбочка. Вся мебель из светлой карельской березы. Все сверкало чистотой и излучало приятный запах, тепло и уют. На полу, во всю длину кровати, установленной вдоль стены у большого окна, задернутого разовой шторой, лежала

шкура бурого мишки, что вызвало очередной восторг мальчика. Он лег в эту сказочную кровать в сказочной комнате под самой крышей дома и долго не мог уснуть, после того как мама ушла, пожелав ему доброй ночи и, выключив люстру, оставила гореть уютный огонек ночника.

Теперь он ясно понял, что попал в другой мир, и что началась другая жизнь, совсем не похожая на прежнюю, на заставе в горах Памира.

Утром наш герой проснулся поздно. Его никто не будил, было очень тихо. В первое мгновение он не мог понять, где находится. Однако постепенно вспомнил весь вчерашний день и все связанные с ним приключения. Встать не хотелось. Еще раз внимательно оглядел свою чудесную спальню и окружающую его обстановку. Привлекла его внимание медвежья шкура. Как было устоять перед соблазном пройтись по ней босым. Он встал, накинул мягкий халат на светло-желтую пижаму, в которую мама обрядила его перед сном. В комнате было прохладно. Мальчик подошел к окну и оттянул розовую штору.

В глаза ударил яркий солнечный свет первого весеннего дня. Окно выходило на восток. Из него открывался чудесный вид на Неман, припорошенный свежим ночным снежком и освещенный взошедшим утренним солнцем. Красота замерзшей реки, белизна припорошенных свежим снежком улиц и домов города, зеленых хвойных и белых лиственных деревьев, а главное сани, запряженные парой лошадей, ехавшие вдоль улицы, приковали внимание мальчика. Он стоял у окна, любуясь этим мирным пейзажем весеннего субботнего утра первого дня марта 1941 года. Дома никого не было. Почтенное семейство Стрелец в полном составе, включая и маму, отправилось в синагогу, где по старой традиции в субботу собиралась вся еврейская община города. Отдельно мужчины, отдельно женщины, каждая на своей половине. Елена Стрелец, давно уже утратившая в войну и революцию веру в Господа, все же пошла в синагогу, во-первых, чтобы не огорчить отца, который очень гордился приездом старшей дочери из России, а во-вторых, очень хотелось повидаться со старыми подругами из гимназии. И это ей удалось. В синагогах Европы традиционные богослужения не отличались ортодоксальной строгостью. Они после обычно коротких обязательных молитв переходили в гражданскую мирную беседу законопослушных горожан. Элька, в платье своей сестры Лизы, внешне ничем не отличалась от собравшихся здесь молодых женщин. Она не забыла языки идиш и польский, на которых они разговаривали, и только легкий акцент, появившийся за долгие годы жизни в России, отдельные интонации и тонкие штрихи поведения в синагоге выдавали ее длительное отсутствие в родных местах. С помощью своей мамы она узнавала гимназических подруг, теперь уже солидных молодых женщин, матерей семейств. Всеми была приглашена в гости, со всеми вела себя радостно и весело, но острое чувство одиночества не покидало ее во время этих встреч.

Здесь, в синагоге, она была совершенно чужой, не смотря на сильное желание вспомнить былые счастливые детские годы с этими же подругами, в этих же стенах. Она много раз мечтала об этой встрече за долгие годы скитаний по России, СССР, Средней Азии, и не находила сейчас свершения своих чаяний даже частично.

От маленькой Эльки не осталось почти ничего, в синагоге была Елена Моисеевна Стрелец, взрослая много повидавшая женщина, убежденный атеист, революционер, коммунист-интернационалист, гражданин Советского Союза – теперь ее истинной родины, которую она сама создавала и страстно любила.

А в это время в ее отчем доме ее шестилетний младший сын Зорюшка любовался у окна незнакомым, но очень красивым пейзажем утреннего Гродно, берегами Немана.

Он замерз, стоя босым на медвежьей шкуре, но этого не замечал, наблюдая необычную картину за окном. В комнату тихо вошла тетя Поля и окликнула мальчика. Он обернулся, открытая улыбка озарила его лицо, и, показывая на окно, сказал: «Красиво, почти как в горах».

Тетя Поля не знала по-русски, но по лицу мальчика все поняла и рассмеялась.

«Пора умываться и завтракать», – сказала тетя Поля по-польски. Теперь настала пора догадываться мальчику. Он последовал за горничной вниз в ванную комнату, умылся, переоделся в свое будничное платье и в кухне сел к столу. Здесь его ожидало еще одно открытие – керогаз, на котором тетя Поля быстро разогрела гречневую кашу с молоком и поставила ее в тарелочке перед мальчиком. Его превосходный аппетит порадовал горничную. Каша была буквально сметена, пришлось дать добавку. Затем чай с молоком и гренками. Такой завтрак ему мама часто готовила, и он удивился, что тетя Поля готовит точно так же. Ему и в голову не пришло, что мама копировала тетю Полю, которая в мамином детстве готовила именно такие же завтраки: каша и гренки.

Поев все с аппетитом, быстро без всяких уговоров, мальчик начал надевать верхнюю одежду для выхода на улицу, чем озадачил горничную. Она хорошо помнила вчерашнее ЧП с мальчиком и не знала, что делать. Но в этот момент вернулась мама, которая раньше всех покинула синагогу. Поблагодарив тетю Полю, мама взяла сына за руку, и они пошли обозревать Гродно.

Прежде всего, направились к центру. Здесь возвышалось двухэтажное здание бывшей мэрии, а ныне размещался городской совет депутатов трудящихся. Над зданием развивался красный флаг СССР. Мама вспомнила, как здесь на городской площади встречали в 1914 году царя Николая II. Тогда над зданием мэрии развивался царский триколор и двуглавый орел Российской империи. Странное чувство охватило маму перед знакомым зданием: и сожаление об ушедшем детстве, и гордость за участие в создании новой большой родины СССР, флаг которой гордо развивался теперь здесь, на ее малой родине. Она попыталась это объяснить сыну, но понял он ее чувства гораздо позже, много лет спустя, когда уже совершенно взрослым человеком вновь посетил эти места.

С городской центральной площади направились к зданию гимназии, где мама училась. Там и сейчас находилась школа. Мама с волнением, а сын с интересом вошли в школу.

Мальчику этот визит был особенно важен. В сентябре ему предстояло идти в первый класс. В хорошо знакомом здании маминой школы все сохранилось как 26 лет назад.

Но никого из старых преподавателей мама не нашла. Пыталась получить справки о них в учительской, но почувствовала очень прохладный прием сегодняшних учителей. И только когда она настоятельно обратилась к директору по-русски, тот заулыбался и на чисто новгородском русском объяснил ситуацию. Местная интеллигенция не признала новую власть. Весь состав учителей во главе с директором был отправлен в отставку и заменен поляками, проживавшими долгие годы или родившимися в России, безусловно, лояльными советской власти. О судьбе своих коллег-предшественников он ничего не знал. Мама прекрасно поняла, в чем дело, она ясно могла представить судьбу своих старых учителей. Ей было их искренне жаль. Но, «Лес рубят, щепки летят», – мысленно повторила она жестокие, крылатые слова товарища Сталина.

С сыном, в сопровождении директора они обошли здание школы. Мама показала классную комнату на втором этаже, в которой она училась в последний год перед эвакуацией. В коридорах висели на стенах огромные портреты Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, хорошо известные мальчику.

После осмотра школы директор пригласил их в свой кабинет, угостил чаем. Они с мамой о чем-то долго разговаривали, пока сын был занят осмотром плодов детского творчества, выставленных в этом же кабинете. Когда мама рассказала директору, что и она учитель математики и физики, то немедленно получила приглашение поработать в школе, хотя бы временно, до отъезда в Союз. Учителей, да еще математики и физики, катастрофически не хватало. Мама дала согласие помочь становлению новой жизни у себя на родине, в своей родной школе. Ведь им предстояло прожить в Гродно до сентября.

После школы пошли к рядом стоящему католическому собору, остроконечный шпиль которого упирался ввысь. Шпиль украшал прямой католический крест. Величественное здание

собора привлекло внимание мальчика. Высокие обитые бронзовыми листами ворота входа в собор были открыты. Он потянул маму внутрь храма. Мама на минуту задумалась и хотела сказать, по прежней привычке, что им туда нельзя. Но после паузы решительно повела мальчика внутрь. Она решила, что теперь можно посещать и католический, и православный, и иудейский храмы, как музеи. Ведь они атеисты.

В храме было полутемно, пусто. Скамьи для молящихся в центре зала, красивые картины из жизни и страданий Христа вдоль стен. На полу у стен надгробные плиты основателей собора и рядом их бронзовые изваяния. Но главное, что поразило мальчика, было в центре собора, под самым куполом. Оттуда, с высоты, на него смотрел грозный лик Бога-отца, излучающий свет.

Свет падал на образ Господа сверху, сквозь мозаичные узкие окна шпиля, освещая лик Господа так, что казалось, будто ОН излучает вечерний красноватый свет на очарованного ребенка. Мальчик долго не мог оторвать взгляд от лика Господа, пока мама не взяла его за руку и повела к алтарю, где стояли огромные подсвечники с горящими свечами. На мальчика здесь смотрело множество образов апостолов и святых, и каждый подсвечивался горевшими свечами. Было красиво и тепло. Его согревал какой-то внутренний свет, и мальчик, пораженный всем увиденным, блаженно улыбался. Мама не могла понять, что с ним происходит. Сын выглядел совершенно необычно, тихим, задумчивым и счастливым.

Но буйная энергия растущего организма взяла вверх над блаженным оцепенением. Мальчик пришел в себя и потянул мать к выходу. Когда они вышли из собора, мальчик спросил:

«Мама, а кто там светил мне с высоченного потолка?».

И получил неожиданный ответ.

«Сам Господь Бог», ответила мама неожиданно для себя самой.

«А разве Он есть?», опять спросил сын.

«Да. У них есть», ответила мать...

Домой пришли к обеду. Их уже ждали. Традиционно, после похода в синагогу все семейство собиралось за столом. Иногда приходили близкие и дальние родственники, друзья. Беседовали, пили чай, чинно обсуждая события за истекшую неделю. Дети развлекались по-своему, в своих детских комнатах. Сегодня к обеду пришло много гостей посмотреть на Эльку и ее сына, приехавших из Союза. Мама беседовала с родными и близкими, иногда представляла сына, которому вся эта чопорная публика порядком надоела. Он рвался скорее поесть и пойти погулять во двор к Неману, утренний вид которого его пленил. Но все что-то ждали и к столу не садились. Наконец, дедушка пригласил всех занять места за столом и уселся сам во главе.

Произнеся традиционную молитву, он представил вернувшуюся в отчий дом старшую дочь и ее сына всем собравшимся и попросил их помочь приехавшим адаптироваться к новой, для них, обстановке. Но велико было его удивление, когда в ответном слове приветствия собравшимся мама сообщила, что в понедельник она выходит на работу в школу, учителем математики и физики. Наступила напряженная тишина. Ведь собравшиеся взрослые хорошо знали об участии, постигшей старых преподавателей гимназии.

Затем мамин кузен дерзко спросил:

«Эля, ты послана из Союза на смену старым учителям гимназии?»

«Нет, я это делаю по доброй воле, пользуясь возможностью у себя дома помочь детям понять новую жизнь!» последовал твердый ответ в наступившей напряженной тишине.

Всем собравшимся стало ясно, что в помощи Элька не нуждается.

Она вернулась «не блудным сыном», а хозяином новой жизни, которую большинство из присутствующих не принимало.

Опять наступило напряженное молчание, которое нарушил глава семьи.

«Каждому человеку Господь Бог уготовил свой путь, и нам нужно уважать этот выбор», сказал библейского вида старый и мудрый дед Моисей.

Обстановка была разряжена этими словами.

Вновь наступила непринужденная атмосфера радостной встречи родных и близких людей.

Все это время словесной перепалки наш герой ждал, когда же, наконец, разрешат есть. Мама еще в поезде его строго наставляла, что в ее семье раньше самого старшего нельзя начинать есть. Вот он и ждал. И дождался. Субботний праздничный обед бабушке и тете Поле удался. На столе дымилась огромная фаршированная рыба, окруженная печеной картошкой. Мальчик знал и любил это блюдо. Мама его всегда готовила по праздникам.

Он быстро поел и вместе с другими детьми поднялся на второй этаж, в большую детскую комнату мансарды. Здесь в кругу своих старших кузенов и кузин он чувствовал себя стесненно. Языковый барьер и совершенно разное воспитание мешали быстро установить дружбу с этими аккуратными, спокойными и интеллигентными детьми. Мальчик не знал как ему с ними вести. Помогла Ривка, восьмилетняя дочь маминой самой младшей сестры Иды. Она сразу же решила взять опеку над своим младшим кузеном, особенно после его безумной выходки у реки, спуск к которой был детям категорически запрещен даже летом. Ривка была крупной девочкой на вид лет 11, с пышными светлыми волосами, сплетенными в толстую косу. Отец ее был поляк, от него она унаследовала голубые глаза и светлые волосы.

Когда Ривка увидела своего младшего кузена стоящим в растерянности в детской комнате, решительно подошла к нему и что-то убедительно стала ему говорить по-польски. Конечно, наш герой ничего не понял, но решительный вид большой девочки, с добрым смеющимся лицом, громко и прямо обратившейся к нему с незнакомыми словами, вызвал у него доверие. Мальчик попросил ее пойти вместе на улицу погулять.

Но на, сей раз, ничего не поняла Ривка, и они оба громко засмеялись.

К этому заразительному смеху присоединились все дети, находившиеся в детской комнате. И мальчик почувствовал себя легко и радостно. Так непринужденно и просто он вошел в мир детей своей новой родни.

С понедельника начались трудовые будни всей большой семьи Стрелец. Кроме дедушки, бабушки и тети Поли с раннего утра и до вечера из взрослых дома никого не оставалось. Дети все вместе в 8–30 уходили в школу, где трудилась теперь их новая учительница Елена Моисеевна, или тетя Эля.

Наш герой оставался один с дедом, бабушкой и тетей Полей. Утром после завтрака с кем-либо из них он шел гулять в город. Чаще всего гуляли с дедом. Дед всегда ходил очень прямо, высоко держа голову в традиционной широкополой черной шляпе, которую приподнимал, когда здоровался со встречными знакомыми. Иногда он останавливался побеседовать и с гордостью представлял своего внука от старшей дочери Эльки. Всегда в таких случаях нашему герою приходилось напрягаться, т. к. на приветливые вопросы встреченных знакомых деда он не знал, что нужно отвечать, не понимая их вопросов. Выход оказался простым. Мальчик громко и отчетливо здоровался по-русски, а все остальное объяснял дед.

Походы с дедом ему нравились, и казалось, что он понимал его рассказы об окружающих их домах, площадях, парках, о встреченных экипажах и людях, хотя дед говорил то на идиш, то по-польски. И когда дед говорил по-польски, мальчик лучше понимал. Этот язык был более близок к русскому, чем идиш. С каждым днем мальчику становилось проще и понятнее в новом городе, в новой стране.

К обеду возвращались из школы его кузены и кузины, и вся веселая компания детей усаживалась за стол, накрытый к обеду заботливыми руками бабушки и тети Поли.

Вторая послеобеденная прогулка совершалась с кем-либо из кузенов и кузин.

Если это был старший брат Давид, то они отправлялись в дальнейшее путешествие к маминой школе. Иногда встречали маму с тяжеленным портфелем полным тетрадок, который почти взрослый и сильный Давид всегда брал из рук тети, помогая донести его до дома.

Уже чувствовалось дыхание весны, хотя и бывали морозные ночи.

Но особенно веселыми для мальчика были прогулки с младшей кузиной Ривкой. Они дальше своего двора или дальше своей улицы не ходили, везде и каждый раз находили что-то новое и интересное. Поняв, что кузен немного понимает по-польски, Ривка старалась его научить говорить, как следует, и не коверкать польские слова на русский манер. Она всегда высмеивала его произношение и весело учила «пшекать». Кажется, ей это удавалось. Веселились и смеялись они от души по поводу и без него.

Вечерами мама часто до поздней ночи сидела за тетрадками, так же как дома на заставе.

Но иногда, они усаживались вдвоем, в комнате сына, и тогда он с глубоким вниманием слушал ее рассказы или чтение книг. Мама всегда была занята важными делами, и когда могла провести время с сыном, для него это был праздник.

Быстро летели дни и месяцы насыщенной жизни в гостях. Даже начали уходить куда-то в дальние уголки памяти воспоминания о родном домике на пограничной заставе в горах Памира, об отце и родных братьях, которых он плохо знал, так как они мало бывали дома, о детской многонациональной компании друзей по двору (заставе). Мальчик не заметил, как почти бегло начал говорить по-польски и понимать элементарные слова и фразы на идиш, как начал растягивать русские слова на западный манер.

В доме Стрельцов, как он их называл, ему все нравилось. Красивая однотонная мебель и полосатые разноцветные обои гостиной и спальни, кухни и детской. Мансарда с бревенчатыми стенами и высоким брусчатым потолком, ванная и туалетная комнаты с горячей и холодной водой, прихожая со встроенными шкафами с зеркалами. Он и не заметил, как привык к этой комфортной обстановке, о которой еще не знали у него на родине подавляющее большинство людей. И однажды он спросил у мамы: «Мы здесь живем как буржуи?».

«Да, сын», – ответила мама, погруженная в проверку тетрадей.

«А мне здесь нравится, только очень тесно и гор нет».

Мама взглянула на него пристально и пояснила:

«Живем хорошо, как буржуи, потому что буржув здесь нет. Мы их выгнали».

Мальчик ничего не понял. Как можно жить хорошо, как буржуи, выгнав буржув?

С раннего детства ему внушили, что «буржуи» – это плохо. С ними воевали мальчиш-Кибальчиш, папа и мама, но здесь, в этом доме ему было хорошо.

«И дедушка, и бабушка, и все его дяди и тети, и его кузены и кузины живут как буржуазины, а буржуями не являются?», – думал мальчик. Пока понять все это было трудно. Основ Марксизма-Ленинизма он еще не изучал. Но буржуйская жизнь ему явно нравилась.

Наступила весна. Все вокруг украсилось свежей молодой зеленью. Река освободилась ото льда и плавно несла свои полные темно-коричневые воды в Балтийское море. Стало очень красиво в укрывшемся свежей листвой городе белых домов с красными и оранжевыми черепичными крышами и куполами соборов.

С каждым днем становилось теплее и теплее. Уже все ходили в костюмах, сбросив зимние пальто и шубы, а самые смелые одевались совсем легко в рубашки и платья. Его прогулки с дедом, бабушкой и кузенами продолжались ежедневно с завидной точностью и пунктуальностью. Он уже понимал и прислушивался к разговорам на улицах и дома, взрослых и детей. Все чаще звучали тревожные слова: немцы, фашисты, война.

Однажды, во время прогулки по городу с дедом, в субботу, они зашли в странный храм, куда мама его еще не приводила. Купола этого коричневого храма не были украшены крестами. Перед входом в собор дедушка поцеловал какую-то золотую табличку с надписью и попросил сделать тоже внука. После небольшой паузы мальчик согласился.

Они вошли в темный, после яркого весеннего солнца зал, освещенный свечами.

В зале не было никаких украшений, картин, скульптур. На возвышении выделялась только кафедра, за которой стоял священник в черной одежде и в черной шляпе на голове, как у деда. На кафедре лежала большая толстая раскрытая книга. Его окружали одни муж-

чины. Женщин не было видно. Все были в темных одеждах с галстуками, в черных шляпах или в странных черных маленьких тюбетейках, как у узбеков, только поменьше и, сплошь черные. Все мужчины стояли в центре зала рядами вдоль скамей и с очень серьезным видом читали вслух на каком-то гортанном языке черные маленькие книжечки, которые они держали в руках. Язык, на котором читали мужчины, очень напоминал язык его родных в Ташкенте. Это бал древний еврейский язык иврит, забытый большинством западных евреев, говоривших на идише – плохом немецком.

Только еврейские священники, раввины, знали и говорили на иврите. На нем читали молитвы.

После яркого солнечного майского дня в этом мрачном соборе (синагоге) мальчику было тесно, душно и страшно. Хотелось поскорее выбежать на улицу. Однако дед не торопился уходить. В мальчике назревал протест. Свободный от всех условностей и религий наш герой громко крикнул:

«Эй, вы, зачем вы здесь молитесь, ведь Бога нет! А на дворе светит ярко солнце. Все идите на двор!».

Все обернулись к входу на звук звонкого детского голоса. Дед Моисей стоял на входе, держа за руку своего младшего внука. Хорошо, что внук свой страстный призыв прокричал по-русски. Почти никто и не понял его крамольных слов. Все сочли это за милую детскую шалость и улыбались симпатичному мальчику, пришедшему в храм с дедом Моисеем, которого все здесь знали и уважали.

Все обошлось мирно. Воистину, мальчик не знал, что творил. И суровый и милостивый Господь Израиля его простил. И потом, в течение долгой жизни мальчика, много раз ОН спасал его от больших бед и даже самой смерти.

Пролетел май, закончились занятия в школе. Стало очень тепло. Наступило лето, июнь 1941 года. Дети часто сами, под руководством Давида, или с кем-либо из взрослых ходили купаться на реку, на песчаную отмель. Вода в Немане была необычно теплой для мальчика, привыкшего к обжигающей ледяной воде горной реки. Он подолгу находился в воде, наслаждаясь ее ласкающей теплотой и песчаным пляжем.

В один из таких солнечных дней, когда дети баловались в воде и загорали на песке пляжа, неожиданно на пляже появилась очень взволнованная мама. В белом платье и туфлях на каблуках она не походила на пляжных отдыхающих, а ее деловая и быстрая походка выдавала напряженное волнение. Когда сын заметил маму, быстро приближавшуюся к ним, он сразу почувствовал ее волнение и побежал на встречу. Мама обняла его и строго сказала по-русски: «Немедленно собирайся, и идем домой». Он знал, что в таких случаях спорить с мамой бесполезно. Мама подошла к детям, обняла и расцеловала каждого из них, сын последовал ее примеру, вызвав недоумение у кузенов и кузин, особенно Ривки, которая сильно расстроилась. Но мама всем приветливо улыбнулась, помахала рукой и, наскоро попрощавшись, они очень быстро направились к дому Стрельцов. По дороге домой мама молчала и сказала только одну фразу: «Мы немедленно уезжаем домой. Папа зовет».

У дома стояла военная защитного цвета эмка. Большая редкость для Гродно того времени.

Все вещи были упакованы и погружены в автомобиль. Их ждал командир пограничник, знакомый им по поезду, и водитель. В доме были только дедушка, бабушка и тетя Поля, вся в слезах. Мальчику помогли переодеться в его комнате, и они с мамой спустились в гостиную, где стояли бледные и взволнованные старики. Мама и сын крепко обняли их, поцеловались. Тетя Поля наскоро вручила им сумку с едой. Все вышли в прихожую и через парадную дверь во двор. Мама взяла сына за руку, и они быстро пошли к машине. Но потом она остановилась, бросилась назад к неподвижно стоящим у входа деду, бабушке и тете Поли, еще раз их крепко, крепко обняла, расцеловала, и пошла к автомобилю, не оглядываясь, стараясь скрыть бегущие

по ее щекам слезы. Эту сцену прощания, стоящих у входа дома стариков и обнимающую их мать, мальчик сохранил в памяти на всю жизнь.

«Эмка» рванулась с места и помчалась на вокзал. Все происходило так быстро, что мальчик даже не успел оглянуться и помахать рукой бабушке и дедушке, которых он видел в последний раз.

1.3. Возвращение. Война

На вокзал прибыли за 15 минут до отхода поезда. При входе на вокзал, перрон и в вагон у них тщательно проверяли документы несмотря на то, что везде сопровождал их знакомый командир пограничник. Он передал маме какую-то особенно важную бумагу, которую она предъявляла дополнительно к документам, и тогда их быстро пропускали часовые и отдавали честь, как командирам. У входа в вагон, после того как пограничник помог внести вещи в купе, они попрощались с ним. Мама его поблагодарила особенно тепло, обняла и поцеловала в лоб, как своего старшего сына Семена, с которым пограничный командир был, вероятно, ровесником. Поезд тронулся ровно 18–00 21 июня 1941 года, почти за сутки до начала Великой Отечественной войны СССР против фашистской Германии.

Началась долгая дорога домой. Мимо окон поезда пролетели домики и соборы уютного Гродно, мост через Неман. В этот момент они увидели в окне дом Стрельцов, который и мальчику уже стал близким, а маме он был и оставался родным всю ее долгую жизнь, где бы она ни находилась.

В вагоне почти не было штатских, одни военные, большинство в пограничной форме и форме войск НКВД. Зеленые и голубые, как в шутку их называла мама. Поезд быстро мчался на восток. Навстречу, на запад двигались, в основном, грузовые составы.

В купе мама и сын немного успокоились после неожиданной скоропалительной гонки с отъездом. Умывшись, сели ужинать, попросив у проводника чай с сахаром, печенье и морс – любимый напиток мальчика. Открыли сумку, заботливо собранную бабушкой и тетей Полей, где обнаружили множество вкусных вещей.

После ужина, мама показала сыну телеграмму – молнию от отца. Телеграмма была предельно краткой и категоричной. Ее текст:

«Немедленно выезжайте домой. Жду. Целую, отец».

Одновременно с отправкой телеграммы по своим каналам погранвойск он просил коллег содействия в оказании помощи жене и сыну по возвращению домой. И такую помощь они получил на самом высоком уровне. Бумага, которую передал маме командир-пограничник, была всесильной, в чем они убедились очень скоро. Это было письмо, напечатанное на бланке наркома внутренних дел, и оно гласило:

«Всем подразделениям и службам НКВД предписывается оказывать полное содействие возвращению тов. Стрелец Елены Моисеевны с сыном к месту постоянного проживания».

Подпись: Народный комиссар СССР Л. П. Берия

Печать.

А поезд мчался на восток, домой. Ночью проехали Белосток, прошли КПП и таможенный контроль, далее путь шел на Минск – Москву. Все спали, когда поезд резко затормозил и остановился. Ранее утро, уже светало. И вдруг совсем рядом раздались взрывы. Бомбили железнодорожные пути и мост. Это не было учением, мост рухнул сразу же. Военные, находившиеся в поезде, мигом выскочили из вагонов, помогли выбраться мальчику и маме, и враспынную бросились в лес, прямо у железной дороги. Несколько бомб попало в соседние составы, и вагоны опрокинулись и загорелись. Налет был молниеносным. Мальчик не успел ни испугаться, ни что-либо понять. Но мама и военные из поезда поняли все сразу. Страшное слово «Война» звучало у всех на устах. Мальчику показалось, что самолеты были с красными звездами. И это действительно было так. Впервые минуты налета все сомневались в его реальности, предполагая, что это учения, пока ни рухнул мост и загорелись вагоны.

Для состава, в котором ехали наши путешественники, все закончилось относительно благополучно. Паровоз и все вагоны были целы. Но путь был поврежден, а мост разрушен. Вперед продвигаться было нельзя. Но и возвращаться назад на ближайшую станцию было опасно. Машинист и начальник поезда пытались связаться со станцией по телефону, но пока это не удавалось. Поезд стоял в лесу. Ждали указаний, что делать дальше.

После совещания с ответственными военными пассажирами, начальник поезда принял решение возвращаться на ближайшую узловую станцию. Пути, к счастью, не были повреждены, и через несколько часов поезд прибыл на станцию.

Здесь собралось несколько составов, все пути были забиты. Суматоха и напряженность царили в атмосфере. Слово война звучало многократно из репродукторов и не сходило с уст озабоченных и взволнованных людей. Разрушенный мост через реку Нарва восстанавливали, а пока было принято решение направлять поезда на север через Вильнюс на Минск – Москву. Опасаясь бомбежки, поезд отправили поздно вечером. Пройдя через Белосток – Гродно и мост через Неман, поезд прибыл в Вильнюс.

Странно, но немцы Вильнюс не бомбили, и здесь обстановка была спокойной.

Ночью поезд направился на Минск. Столица Белоруссии уже подверглась бомбежкам.

Вокзал и часть путей были разрушены. Утром опять маршрут поезда был изменен, и его направили не на Москву, а на Киев. Изменения маршрута, военная напряженная обстановка, бомбежки не пугали мальчика, а даже увлекали его. По ночам часто в небе были видны не только звезды, но и разноцветные лучи трассирующих пуль обстреливающих поезд фашистских самолетов и защищающих его зенитных пулеметов, установленных на крышах вагонов. И как мама не старалась оттащить сына от окна, он находил способы посмотреть на ночное небо, полное ярких звезд, разрезаемое цветными линиями трассирующих пуль.

Быстрое продвижение немецких войск по территории Белоруссии и Украины на восток к Москве, вынудило наших путешественников, превратившихся в беженцев, изменить маршрут и добираться домой в Среднюю Азию южным путем, через южную Украину, Ростовскую область, Краснодарский край, Дагестан, Азербайджан к Каспийскому морю.

Такому интересному путешествию можно было бы только позавидовать, если бы не обстоятельство его вызвавшее. Огненное дыхание войны уже охватило все европейскую часть СССР. Бомбили города Белоруссии, Украины, Прибалтики и России.

Потянулись на восток длинные колонны отступающих советских войск и беженцев.

Потоки людей, подвод, автомашин из окна поезда казались мальчику длинными хвостами многоголового чудовища, медленно ползущего на восток в сторону его дома. Это вызывало тревогу и подсознательное чувство страха оказаться в этой жуткой толпе.

До Киева добрались благополучно, хотя поезд трижды обстреливали.

В вагоне полностью поменялись пассажиры. Большую часть из них теперь составляли женщины с детьми. Стало шумно и тесно в переполненном вагоне. При каждой остановке поезда все пассажиры старались попасть на перрон или на открытый воздух. Остановки были частыми. Расписание поездов нарушилось из-за налетов немецкой авиации. При налетах, как правило, поезд останавливался, пассажиры разбежались прочь от железнодорожных путей, и старались укрыться в поле или в лесных полосах, прилегающих к полотну.

В таких случаях бежали все, понимая, что медлить смертельно опасно. Даже дети, которые были еще лишены чувства страха, старались не медлить, не капризничать.

Наши герои тоже были настороже, и бежали прочь от поезда, как только он останавливался в «чистом поле». Продвижение поезда на юго-восток замедлилось и стало очень опасным...

До Днепропетровска добрались только 27 июня. Город бомбили огромные бомбардировщики Хенкель и днем, и ночью. Мост через Днепр был разрушен. Пути забиты эшелонами с

беженцами и войсками, направляющимися в противоположные стороны. Железнодорожные линии интенсивно бомбили.

К вагону, где находились мать с сыном, сквозь возбужденную толпу пассажиров пробился плотный военный в синей фуражке НКВД. Лицо его было усталым и напряженным. Он обошел весь вагон, внимательно оглядел всех пассажиров и остановился у купе, где находились наши путешественники.

«Вы Елена Моисеевна Стрелец?», – обратился он к матери. Получив положительный ответ и проверив документы, военный представился и протянул пакет матери.

В пакете лежали деньги и письмо от отца. Отец сообщал, что он направляется из заставы в действующую армию, и советовал, при необходимости оставить эшелон и продвигаться на восток всеми доступными способами.

Прибывший военный ждал решения матери. Он сообщил ей, что через несколько часов отходит на Жданов колонна автомашин с семьями военнослужащих. В Жданове они будут посажены на судно, направляемое через Азовское и Черное моря в Сухуми.

Быстро собрав вещи, мать и сын покинули вагон, в котором прожили почти две недели, и пошли за военным. Вечерело. В городе пахло гарью. Через час ходьбы по улицам незнакомого, но красивого города с белыми каменными домами и множеством деревьев, прибыли к месту сбора эвакуируемых семей военнослужащих. Здесь уже собрались женщины и дети, стояли автомашины – военные зеленые полуторки, приспособленные к перевозке людей.

Резкая перемена обстановки, толпа женщин и детей, разбитые бомбежкой дома, колонна военных грузовиков вызвали тревогу у мальчика. Он впервые почувствовал опасность, которую принесла война, понял, что эта опасность сохранится надолго.

Перед посадкой на машины у всех проверили документы. При проверке документов наших путешественников в списках их фамилий не оказалось. Только после разъяснений сопровождающего военного и предъявления письма наркома начальнику колонны их посадили в автомобиль рядом с водителем.

Когда стало темно, колонна автомашин тронулась в путь. На головной машине зажглись синие маскировочные огни фар, а на остальных только подсветки. Мальчик был рад, что оказался вновь в кабине грузовика, особенно после выезда колонны из города. Широкая темная степь и яркие звезды южного украинского неба окружали его. Грузовики двигались быстро и почти бесшумно по гладкой дороге. Гул моторов убаюкивал, и он заснул, крепко прижавшись к маме.

Колонна шла всю ночь без остановок. Утром, когда совсем стало светло, автомашины остановились в селе. Их укрыли маскировочными сетками, рассредоточив по дворам. Беженцы разбрелись по хатам, стараясь купить еду и найти место для сна.

Местные жители принимали их радушно и с большим сочувствием. Денег за еду брать не хотели, только за продукты, покупаемые впрок. Летнее раннее утро в мирном украинском селе успокоило и детей, и их матерей, многие из которых тревожной ночью не могли сомкнуть глаз.

Днем беженцы, укрываясь в садах и соседней роще, стараясь не привлекать внимание самолетов разведчиков, часто пролетавших над селом.

Многие купались в речке, в том числе и наши герои. Рядом купались и веселились местные ребятишки, гордо плавали гуси и ныряли утки, по берегам мирно паслось колхозное стадо коров. Казалось, что войны нет, и здесь никогда не будет. Внимательному наблюдателю могло показаться странным только одно – почти полное отсутствие мужчин.

Мирный чудесный день пролетел мгновенно. Как только стемнело, раздалась команда:

«По машинам!». Колонна автомашин выстроилась, и погрузка пассажиров прошла быстро. Даже дети, чувствуя напряженность своих мам, вели себя собранно и тихо. Сердечно простились с местными жителями, в основном с женщинами и подростками. Многие плакали при расставании, понимая, какая трудная година их всех ждет впереди.

Из села колонна направилась на юго-восток к городу Жданов, крупному порту на Азовском море. Тишина ночной степи и бесконечная глубина, и ширь звездного неба пленили внимание мальчика. Он уже мечтал о возвращении домой на высокогорную заставу Памира, где звезды светили еще ярче, а ночное небо было еще больше. Спать не хотелось, и он задавал множество вопросов водителю и маме о звездах и созвездиях, о самолетах разведчиков – «рамах», об автомашине, на которой они ехали, о войне и военных действиях.

«Где наша Красная армия? Когда мы разобьем немцев?».

На эти вопросы он получал ответы от шофера или от мамы. Они искренне были уверены, что немцев остановят, скоро разобьют и выгонят из СССР.

Июньская ночь пролетела быстро. Колонна приближалась к поселку Камыш-Заря на рассвете. Прохлада утреннего воздуха, насыщенного терпким запахом цветущих трав, восходящее яркое солнце пробудили дремлющих в грузовиках пассажиров. Красота просторов степи, покрытой колышущимися от ветра травами, в лучах восходящего солнца радовала глаза. Но эту идиллию нарушил гул моторов приближающихся самолетов. Они шли на большой высоте с востока на запад. Тяжелые бомбовозы, сопровождаемые маленькими истребителями. Начальник колонны, заметивший самолеты первым, принял их за советскую и тревожную команду: «ВОЗДУХ!!!» не подал. Грузовики продолжали движение в сторону поселка, и были хорошо видны с высоты полета самолетов. Три истребителя отделились от воздушной эскадры и стали быстро снижаться.

Только тогда, осознав смертельную опасность, начальник колонны подал сигнал тревоги.

Автомашины остановились, и пассажиры, женщины и дети, бросились врассыпную в зеленую колосающую пшеницу, спасаясь от летящих прямо на них истребителей.

Немецкие летчики, летящие на бреющем полете, хорошо видели атакуемые ими цели, и расстреливать беженцев не стали. Они направили огонь своих пулеметов на военные автомашины. Наши путешественники, дремавшие в кабине одного из грузовиков, находящегося в конце колонны, выпрыгнуть из автомашины и укрыться в степи не успели и попали под обстрел при первом же заходе самолетов. Мальчик хорошо видел, как стремительно надвигается на них истребитель и трассы пулеметных очередей, поджигающих грузовики. Мама прикрыла собой сына и прижала к полу кабины, когда немецкий самолет с черно – белыми крестами пронесся над ними. Боковое стекло кабины разлетелось вдребезги, а на брезентовой крыше образовались дыры от пуль.

После первого захода истребители подожгли три машины, и пошли на разворот.

Воспользовавшись минутным затишьем, мать с сыном бросились из кабины в спасительную канаву на обочине дороги и прижались к земле. И как раз вовремя.

Истребители пошли на второй заход. Спустившись совсем близко к земле, они огнем из пулеметов расстреливали грузовики, которые загорались как спичечные коробки.

Пролетели они совсем низко над нашими героями, обдав их смерчем горячего воздуха.

Машина, в которой еще минуту назад они укрывались, запылала.

Третьего захода самолетов, которого все беженцы, прижавшись к земле, со страхом ожидали, не было. Истребители, истратив весь боекомплект, оставшийся после главного рейда, взмыли вверх, нагоняя эскортируемые бомбардировщики.

Наступила тишина.

Медленно, с опаской оглядываясь на небо, беженцы возвращались к остаткам колонны.

Из двенадцати грузовиков уцелели только семь. Несли раненых детей и взрослых.

Сопровождавший беженцев врач и несколько женщин с санитарными сумками оказывали им помощь. Все были живы, но получили ранения, пять человек.

На оставшиеся автомашины погрузились все беженцы, хотя и пришлось сильно потесниться. В кабинах разместили раненых, а все остальные уселись на деревянных скамьях из досок в кузовах. Потрепанная налетом автоколонна тронулась к ближайшему укрытию –

поселку Камыш-Заря, к которому благополучно прибыла через два часа. Эти два часа страха и напряжения, вызванные движением в светлое время суток в ожидании нового налета, были эквивалентны многим часам продвижения ночью.

Рассредоточившись по поселку и укрыв автомашины маскировочными сетками, отнесли тяжелораненых в местную больницу и начали устраиваться на отдых в домах местных граждан.

Наши герои остались живы и невредимы, но потеряли весь багаж. Осталась только небольшая полевая сумка с документами и деньгами, с которой мать никогда не расставалась.

Налет произвел переворот в сознании всех беженцев. Теперь они ясно поняли, какой смертельной опасности подвергаются, передвигаясь днем на военных грузовиках.

Местные жители помогали беженцам как могли. Кормили, поили молоком и колодезной водой. Устраивали на отдых. Начальник колонны обратился за помощью в местный сельсовет с просьбой выделить транспорт для доставки беженцев в порт Жданов, находящийся в ста километрах. Ехать детям в переполненных грузовиках еще две ночи было невозможно.

Председатель сельсовета, пожилой прихрамывающий мужчина в военной форме без знаков различия, после долгих переговоров с начальником колонны и звонков в районный центр, выделил три подводы и одну грузовую полуприцепку.

Было принято решение, что грузовики будут двигаться ночью, а подводы и днем, и ночью, в надежде, что они не привлекут внимания немецких истребителей.

Беженцам предоставили выбор, каким транспортом двигаться дальше. На подводы распределили, прежде всего, тех, чьи автомашины сгорели. В их число попали и наши путешественники. Елена Стрелец не стала настаивать на продолжение поездки в автомобиле, считая, что справедливо пересест на подводу, так как их грузовик сгорел.

После обеда, в полдень, чтобы не терять времени, на телегах, наполненных свежим сеном, наскоро соорудив из досок скамьи, отправились в путь. Караван из трех повозок, по десять пассажиров в каждой, с упряжкой из двух лошадей, растянулся вдоль проселочной дороги на Володарское – Жданов.

Ярко светило июльское солнце, пахло скошенными травами и громко трещали цукаты.

Такая езда не была новостью для нашего героя. Мирный пейзаж летней степи успокоил мальчика после глубокого потрясения, полученного во время авианалета. Он прилег в сено на дне телеги, быстро катящейся по сельской дороге, и крепко уснул.

Поздним вечером караван остановился в поле у реки. Решили дать передохнуть лошадям и детям, которым езда на таком транспорте не была привычной. Возницы распрягли лошадей, и повели их на водопой, а наши путешественники расположились у стогов сена и готовились к ужину и краткому ночлегу. Яркая половинка луны хорошо освещала окружившую их степь. Поужинав запасенными продуктами, беженцы забрались в душистые стога свежескошенного сена и опьяненные острыми запахами трав, лунным сиянием и мирной тишиной наступившей ночи, крепко уснули. Ночная прохлада не помешал им.

На рассвете, в утренней дымке, быстро собравшись, караван тронулся в путь.

А тем временем немецкие войска стремительно продвигались на восток. Уже был взят Минск, осажден Киев. Усилились бомбежки городов, железных дорог, крупных промышленных центров, автострад. Каждый день над беженцами, продвигавшимися по «безопасным» проселочным дорогам, пролетали вражеские эскадрильи, а разведочные самолеты – рамы, казались, висели неподвижно в воздухе. Шел 15-й день Великой Отечественной войны.

К полудню подводы подошли к роше, где решили укрыться и переждать жару. До Жданова оставалось 43-й километра. Лошадей распрягли и дали им возможность попасться. Телеги не укрывали, считая, что для истребителей они не представляют интереса.

Пока мамы готовили обед в роше, наш герой, привыкший к Средне – Азиатской жаре, нежился под ласковым летним украинским солнцем, лежа в соломе на дне телеги. Он наблюдал за ястребами, высоко парящими в голубой лазури неба.

Его внимание привлекла черная точка на горизонте, быстро приближавшаяся с востока. Через несколько минут уже отчетливо были видны контуры самолета, низко летевшего прямо на него. Напуганный недавним авиа налетом, мальчик вскочил со дна подводы и уже хотел броситься в рощу, в укрытие, но увидел красные звезды на крыльях самолета. Он обрадовался своему красному самолету, как родному брату, встал во весь рост и начал приветственно махать руками.

Ни испугаться, ни удивиться он не успел, когда длинная пулеметная очередь разрежала тишину, и трассы пуль подняли пыль рядом с повозкой, на которой стоял мальчик, приветственно машущий руками.

Фашистский истребитель, замаскированный под советский ястребок, рыскавший по дорогам в поиске военных целей, помчался дальше. Ребенок в телеге его не заинтересовал.

Мать, бледная как полотно, бросилась к сыну, а тот спокойно улыбался, не понимая, что был на волосок от смерти, и только Провидение его спасло. Господь Бог к нему был милостив и на этот раз.

Обстрел обоза ясно показал всем, что передвигаться даже по проселочным дорогам днем опасно. Не запрягая лошадей, возницы спрятали повозки под деревья, укрыли зеленью. Решили ждать вечера и двигаться ночью. Почти полная луна позволяла это сделать.

Обоз тронулся в путь в 22–00. Было еще светло от солнечного заката, но сумерки и ночь наступили быстро. Отдохнувшие и сытые лошади бежали резво. Лунные тени от повозок отражались на дороге и были похожи на корабли, плывущие по степи.

Дети и взрослые дремали после дневных переживаний, а наш мальчик крепко спал, удобно устроившись в соломе на дне повозки. Сегодня он был героем дня, хотя совершенно не осознавал этого.

К утру обоз прибыл в село Першотравенное, где возчики отпустили лошадей на пастбище и замаскировали подводы. Беженцы разбрелись по хатам в поисках пищи и места для отдыха после бессонной ночи. Наш герой, выспавшийся ночью, бродил вокруг домика, где приютили его мать, мгновенно заснувшую, после вчерашних треволнений. Хозяева накормили его и с жалостью провожали его и маму, когда вечером караван вновь тронулся в путь. Ранним утром 17 июля благополучно прибыли в крупный порт на Азовском море Жданов.

Город был заполнен беженцами и войсками. Промышленные объекты бомбили, но порт и его окрестности, охраняемые плотным кольцом аэростатов и зенитной артиллерией, оставались не тронутыми и исправно работали. Здесь уже находилась главная часть их группы, прибывшая на автомашинах.

Вечером ждали посадки на судно, чтобы плыть через Азовское море в Черное и далее на Сухуми. Вокруг порта скопились толпы волнующихся беженцев. Местные власти едва справлялись с их потоком. Вход в порт усиленно охранялся войсками НКВД.

Весь день мать с сыном бродили по городу и отдыхали в городском парке. Удалось приобрести легкую одежду и продукты для рейса на корабле. К 20–00 вернулись к порту, где присоединились к своей группе, которая значительно поредела. Часть группы направили на железнодорожную станцию для отправки в Ростов, а оставшуюся готовили к посадке на пароход.

Вход в порт проводился по спискам. У всех строго проверяли документы.

В 22–00 поднялись на борт танкера «Азов», забитого пассажирами. Размещались на открытых палубах, в трюмах, в каютах и даже в служебных помещениях.

Наших путешественников поместили на шлюпочной палубе, у спасательных плотов, ближе к корме. Отсюда хорошо было видно здание управления портом и суда, стоящие у причалов.

Мальчик впервые поднялся на борт судна. Возбужденная толпа пассажиров, теснота, неустроенность и накопившаяся усталость за день хождения по городу не располагали к любованию морем, вода которого здесь в порту имела кирпично-серую окраску.

В 23–00 судно отошло от причала. Три маленьких буксира тащили его на выход из порта. Когда танкер вывели и развернули носом к каналу, раздался мощный гул главного двигателя. Плавание началось. Берег стал медленно удаляться и вскоре исчез в темноте.

Азовское море очень мелководное. Крупнотоннажные суда могут проходить его только по центральному каналу, идущему от Керчи до Жданова, Таганрога.

Ветер и прохлада ночи заставили мальчика и его мать покинуть шлюпочную палубу и спуститься в трюм, битком набитый беженцами. Увидев спускающихся по трапу женщину с ребенком, пожилой моряк в офицерской форме сказал, что мест в трюме нет. Он предложил им до утра провести время в своей каюте, которая будет свободна, пока он занят на вахте. Это было очень своевременно, так как наши герои валились с ног от усталости.

В маленькой каюте было тепло и уютно. Такого комфорта они давно были лишены и, умывшись, свалились на маленький узкий диван и флотскую койку, которые им теперь казались царскими ложами.

В 8–00 хозяин каюты разбудил своих гостей, напоил чаем и угостил мальчика принесенными с камбуза яблоками. Солнце давно взошло, ветер утих, и можно было отправляться на палубу.

Поблагодарив моряка, наши странники вышли на свежий морской воздух. Они оба в море были впервые и были поражены бесконечной зеркальной гладью голубовато-зеленой воды, растянувшейся до горизонта со всех сторон.

«Мама, смотри какая красота, как в горах!» – воскликнул сын.

Было действительно очень красиво вокруг. Тишина, бескрайний простор и покой, которого им так не хватало на земле в последние 20-суток войны. Мама согласилась с необычным сравнением моря с горами, сделанного сыном. Совершенно разные стихии, но объединяла их великая красота, которая правила ими.

К вечеру танкер «Азов» подошел к Керченскому проливу. Проведя весь день на палубе, любуясь морским простором, наши путешественники проводили огромное красное солнце, скрывшееся за керченские сопки.

Керченский пролив очень мелководный и узкий. Для крупных судов здесь прорыт канал, по которому они могут переходить из Азовского в Черное море. Канал обозначен буями, красные и зеленые огни которых мигали вдоль всего пути.

Ночью вошли в Черное море, Танкер начало покачивать крупной зыбью, оставшейся после недавно прошедшего здесь шторма. Пассажиры почувствовали перемену обстановки. Плавная изнуряющая качка для многих из них была весьма непривычна. Несколько часов спустя, мальчику стало плохо.

Воспользовавшись утренним приглашением пожилого штурмана, мама отвела сына в штурманскую каюту и уложила на диван. Ей так же стало плохо. Тошнота подступала к самому горлу. Но приходилось держаться, хотя в каюте, расположенной на нижней палубе, было значительно спокойнее, чем наверху.

Судно быстро продвигалось на юг, не смотря на свежий встречный ветер. На следующее утро наш герой почувствовал себя лучше. Вместе с матерью они поднялись на главную палубу, освобождая каюту для штурмана, который отдыхал в дневное время после ночной вахты.

При «смене вахты» в каюте, штурман посоветовал устроиться на палубе лицом к ветру по ходу судна и вручил нашим «бедолагам» подсоленные сухари.

«Так легче будет привыкать к качке», сказал он.

«Больше двигайтесь и постарайтесь что-то делать», добавил он на прощанье.

Свежий морской воздух оживил, а вид пенящихся волн восхитил мальчика. Но качало значительно сильнее, чем вчера. Шторм разыгрался не на шутку. Танкер водоизмещением 5000 тонн кренился от сильных волн и юго-западного ветра, порывы которого достигали 20–25 м/с.

Удалось укрыться от ветра за трубой на шлюпочной палубе. Здесь, под жарким июльским солнцем они любовались мощью разбушевавшейся стихии и читали взятую у штурмана книгу «Чукоккола», которую он купил для своего внука, того же возраста, что и наш герой.

К вечеру шторм немного утих. Благодаря соленым сухарям тошнота улеглась, но есть не хотелось. А вот жажда нарастала. Штурман несколько раз подходил к мальчику и его матери и предлагал спуститься в его каюту. Но они вежливо отказывались, не желая лишний раз его стеснять. Однако к 20–00, когда штурман заступил на вахту, они спустились в его каюту. Выпив приготовленного для них чая, улеглись спать, испытывая блаженство от защищенности и возможности, наконец, прилечь в тишине каюты.

Спали они так крепко, что не услышали, когда ранним утром штурман открыл дверь каюты и позвал их на выход.

Судно стояло у причала в порту Сухуми. Началась его разгрузка, и сход пассажиров на берег. Попрощавшись со штурманом и сердечно поблагодарив его за гостеприимство, наши путешественники влились в поток беженцев, спускавшихся по трапу на берег. Море было совершенно спокойным, светло синим, а вокруг возвышались зеленые горы.

Вдали хорошо были видны снежные вершины Кавказского хребта.

Пальмы окружали порт плотным кольцом. Все дышало миром и божественной красотой.

У наших путешественников от этой благодати даже дух перехватило. После всего пережитого, мирный пейзаж казался не реальным. И если бы не усталый и озабоченный вид беженцев, война, бомбежки и налеты фашистских самолетов, массовая эвакуация здесь казались бы абстрактными понятиями.

Выбравшись из общей толпы пассажиров на площадь, группа, прибывшая из Днепропетровска, собралась у здания порта. Здесь их коллективная поездка заканчивалась. Эвакуированные погрузились в поданные автомашины, и их развезли в заранее подготовленные квартиры в домах, как в самом Сухуми, так и в его окрестностях, уплотнив местных жителей.

Начальник группы подошел к нашим путешественникам и вручил им пакет с билетами на поезд Сухуми–Тбилиси, и пожелал благополучного возвращения домой. Он предупредил, что в Тбилиси их будут встречать.

Поезд уходил поздно вечером. Поэтому решили посмотреть этот сказочный город и сделать самые необходимые покупки в дорогу. После обстрела колонны вещей у них не осталось. Простившись с начальником колонны, наши путешественники пошли на рынок, одновременно осматривая город. Дома были белые кирпичные, одноэтажные и отделены друг от друга большими садовыми участками. Фруктовые деревья прогибались от плодов вишни, яблок, абрикосов, слив, груш, мандаринов. Фруктовые деревья росли не только на участках, но и вдоль улиц, так, что можно было срывать плоды и есть прямо с деревьев. Никто не запрещал. Проходившие местные жители с удивлением и некоторой жалостью смотрели на мать с ребенком, срывающих и жадно поглощающих фрукты. Они сразу же узнавали в них беженцев.

На рынок пришли к полудню. Разнообразие, обилие овощей и фруктов поразили их. Стоял обычный для восточных и южных базаров гвалт. Темпераментная смесь грузинского, абхазского, армянского и русского языков придавали рынку особый колорит Закавказья.

Запасшись продуктами и самыми необходимыми в дороге вещами, пообедав в городской столовой, отправились на набережную и пляж. Спокойная гладь морской синевы радовала глаз. На пляже было мало купающихся, только шелест волн нарушал тишину. Устроившись на песке под беседкой, они искупались, придя в восторг от теплой и ласковой морской воды. О войне в таком райском месте даже вспоминать не хотелось. Вся окружающая их природа излучала тепло, негу, покой.

Греясь на песке, они сладко дремали, отходя все дальше от пережитых ими трагических событий.

Незаметно наступил вечер. Красное солнце опустилось в море и скрылось за горизонтом, подарив нашим путешественникам на прощанье незабываемое зрелище – вспышку зеленого луча на фиолетовом небосклоне. Этот прекрасный добрый вестник моря мальчику запомнился на всю жизнь.

Поезд отходил поздно вечером. Прошлись по вечерним улицам Сухуми, мимо зоопарка, где располагался знаменитый обезьяний питомник.

Крики диких зверей среди пальм, влажная теплота морского воздуха создавали нереальное ощущение близости настоящих джунглей.

Наш герой, годы спустя, вспоминал этот пейзаж, когда в юношеском возрасте читал книги о путешествиях в тропических странах.

На станцию пришли за час до отправления поезда. Здесь царил обычная вокзальная суматоха. Но никаких беженцев не было видно. О войне напоминали лишь грозные плакаты и лозунги, да еще призывники, толпившиеся у теплушек, и провожающие их родные с заплаканными глазами.

В купейном вагоне, где они расположились, грузинское гостеприимство, чистота постелей, фрукты и нарзан на столике, до глубины души поразили наших путешественников, а мать растрогалась до слез, которые показались у нее на глазах.

После длительной прогулки по городу и всех приятных переживаний от вновь вернувшейся мирной жизни, наши герои уснули так крепко, что до самого Тбилиси не просыпались на промежуточных станциях и остановках.

Только когда до Тбилиси оставалось ехать 30 минут, проводник разбудил их, громко постучав в дверь и прокричав: – Тбилиси, Тбилисо, Тбилиси!

Пассажиры засуетились, собирая вещи, но матери с сыном собирать было нечего. Нужно было только умыться. В окне были хорошо видны горные массивы, покрытые густой темной зеленью. Белые каменные дома и домики взбирались высоко от дороги по горным склонам. Внизу от железной дороги виднелась стремительная горная река. Весь пейзаж напоминал мальчику «его» горы. Но здесь зелени было гораздо больше, горы ниже и все вокруг радовало глаз своей мягкостью, а не подавляло величием, дикой и суровой красотой как в горах Памира.

Поезд остановился на вокзале, где на путях стояло еще несколько составов.

В вагон вошел молодой высокий грузин в военной форме НКВД, с двумя кубиками на петлицах.

Вежливо поздоровавшись при входе в купе, он передал Елене Стрелец пакет с билетами до Баку и деньгами, спросил, чем может помочь. Вероятно письмо наркома СССР, на его малой родине, было особенно весомым. Это чувствовалось во внимательном отношении встретившего их военного.

До отхода поезда в Баку оставалось три часа. Он предложил показать город и пригласил мать с сыном в автомашину, стоящую у входа на вокзал. Удивленно заметив полное отсутствие вещей у прибывших, лейтенант что-то кратко приказал водителю. Они поехали вдоль центральной улицы имени Ленина к большому военному магазину – военторгу. Здесь купили небольшой чемодан и маленький рюкзак и наполнили их всеми необходимыми в дороге вещами, включая летнюю одежду для молодой женщины и ее сына. Сделав необходимые покупки, отправились на самую высокую точку города, в парк имени Сталина, где гигантский монумент вождя обозревал Тбилиси, раскинувшийся у его ног. Военный пригласил гостей в ресторан, расположенный в парке, откуда открывался вид на столицу Грузии, и заказал завтрак. Пока его готовили, он с гордостью хозяина рассказывал о наиболее интересных местах и памятниках архитектуры этого древнего города, хорошо видимых сверху.

За интересным рассказом время пролетело очень быстро. Пора было возвращаться на вокзал.

В поезд сели за 15-минут до отхода. Любезно оказав помощь в размещении подопечных в купе вагона, лейтенант вежливо попрощался, и наши путешественники опять остались одни.

Мама разобрала наскоро сваленные в чемодан и рюкзак покупки, и поезд тронулся. До Баку ехать 18 часов. Красивые горные пейзажи сменялись зелеными равнинами. По мере продвижения к Азербайджану бурная растительность субтропиков сменялась деревьями и кустами засушливых зон. Горы становились ниже, и коричнево-желтые цвета начали преобладать над зелеными. Все настойчивей и громче звучала азербайджанская речь на станциях и даже в вагоне, где публика постепенно менялась. Наш герой и его мать хорошо понимали азербайджанскую речь, очень близкую к узбекской. Да и сами азербайджанцы по внешнему виду и по поведению напоминали узбеков, так что на станциях при покупке овощей и фруктов мать и сын обращались к ним по-узбекски, как у себя дома.

В Баку поезд прибыл рано утром. Было жарко и душно. Очень сильно пахло нефтью. На вокзале толпы беженцев рвались в порт для посадки на суда, идущие через Каспийское море в Красноводск, в Среднюю Азию. Опять вокруг разговоры только о войне, о налетах, о падении Киева и стремительном продвижении немцев к Москве.

Никто не встретил наших путешественников. Билетов на пароход у них не было. Кругом суматоха, почти давка у ворот порта. Впервые за все время путешествия мальчик испугался. Он крепко сжал руку матери и сказал:

«Мамочка, смотри меня не потеряй, ведь у меня здесь нет ни братика, ни сестрички!».

Эта детская мольба заставила мать собраться и действовать немедленно.

Она направилась прямо к военному коменданту города, резиденция которого находилась рядом с вокзальной площадью. У резиденции толпилось множество военных, которые с недоумением смотрели на женщину с ребенком, уверенно идущую прямо к охраняемому часовыми входу в комендатуру.

Подойдя к часовым, она попросила вызвать дежурного командира и срочно связать ее с представителем НКВД, который всегда находился во всех подобных организациях даже в мирное время. Уверенный и требовательный тон, с которым говорила женщина, внушил к ней доверие. Часовые были обязаны вызвать командира и представителя НКВД в любом случае, тем более при таком решительном требовании.

Через десять минут к ним подошел невысокий плотный человек в штатском. Мать предъявила ему свои документы, представилась и в свою очередь попросила представиться подошедшего. Удивленный таким поведением женщины, он не стал представляться, а пригласил ее с сыном пройти в здание комендатуры.

Их пропустили внутрь без всякой проверки и провели в большую приемную представителя органов. Кроме молодого человека азербайджанской внешности и приведшего их мужчины в комнате никого не было. Вошедшие поздоровались, и молодой человек, приветливо им ответил и произнес только одно слово: «Рассказывайте».

Вместо рассказа мать протянула письмо наркома. Взяв письмо, а затем внимательно его изучив, молодой человек сразу же подтянулся, стал серьезным и попросил гостей подождать в соседней комнате, дверь в которую вошедшие сразу не заметили.

Ожидание было не долгим, но напряженным. Минут через десять молодой человек с улыбкой пригласил мать с сыном в приемную и принес извинения, за то, что их не встретили на вокзале. Произошла путаница, пояснил он:

«Встретили не тех, а искомые не стали долго ждать и сами пришли», пытался пошутить он.

«С такой не пропадешь!» – добавил молодой человек, глядя на мать. Но, уловив суровый взгляд в ответ на неуместный комплемент, осекся и совершенно серьезно еще раз извинился.

Несколько минут спустя в кабинет вошел военный в синей форме и пригласил наших героев в «эмку», уже стоявшую у входа в комендатуру. Только в машине у них отлегло от

сердца. Металл авто и забота сильной руки мгновенно отделили их от бурлящей, пугающей толпы беженцев. Через весь город их отвезли в ведомственную гостиницу у моря, где накормили завтраком и предложили отдохнуть. Здесь было тихо и уютно, даже прохладно. Вид окружающей зелени и волнующихся коричневатых вод Каспия успокаивал.

Было еще утро, когда вошедший ординарец вручил им пакет с пропуском в порт и билетом на пароход. Он сообщил, что в 18–00 за ними придет машина, и отвезет их для посадки на судно «Революционер Фиолетов», отходящее в 20–00 на Красноводск.

До прихода машины оставалось семь часов. Решили до обеда осмотреть окрестности гостиницы и искупаться в море, хотя цвет воды и запах нефти не вдохновляли на такой подвиг. С грустью вспоминали Сухуми и черноморский пляж.

Однако, при непосредственном контакте с водой и бескрайней песчаной отмелью, оказалось все не так уж плохо. Морская вода была чистой, а коричневый цвет ей придавал микропланктон и глинистое дно. Запах нефти исходил не от воды, а от множества нефтяных вышек, видневшихся вдали.

Купание на пустынном пляже принесло облегчение после утренней сутолоки на вокзале.

Пообедав в гостиничной столовой, в город решили не ехать, а отправились в номер спать, наверстывая упущенный утренний сон. Только к 17–00 они проснулись и опять побежали к теплым каспийским водам, решив еще раз искупаться на дороге.

Автомобиль и сопровождающий их военный прибыли ровно в 18–00, как и обещали.

В порту царили суета и толчея. Тысячи людей, в основном женщины, дети, старики рвались в единственные портовые ворота. Охрана едва справлялась с этим многоликим и многоголосым потоком. Оказаться в нем было большим горем. Ведь большинство из них ехало в никуда, гонимые войной и фашистами.

Наши герои были в несравненно лучшем положении. Они возвращались домой, да еще под высоким покровительством. Но война успела опалить и их.

Автомобиль подъехал к грузовому порту в Черном городе. Здесь беженцев не было. В грузовой порт требовались специальные пропуска, и он тщательно охранялся.

Военный, сопровождающий их, предъявил удостоверение и пропуска охранникам, и машина беспрепятственно въехала на территорию грузового порта, направившись к стоящему здесь у причала т/х «Революционер Фиолетов». Судно готовилось к рейсу. Дрожь от входящего в режим главного двигателя сотрясала все судно. Посадка пассажиров еще не началась.

По высоко задранному трапу вся группа поднялась на борт судна и прошла в каюту капитана, который заранее был предупрежден об их визите. Пригласив старпома, капитан распорядился выделить для наших путешественников каюту четвертого помощника, который в рейс не шел. Их проводили в светлую, уютную каюту в носовой части судна, на второй палубе. Из большого иллюминатора хорошо было видно, как устанавливали на берегу переносные перегородки и большие трапы для организации посадки пассажиров – беженцев, направляемых в Среднюю Азию.

Через 30-минут все было готово к приему пассажиров. Ворота между грузовым и пассажирским портами открылись. Толпа беженцев хлынула вдоль перегородок к трапам.

У трапов перед посадкой на судно у всех строго проверяли документы. Когда допущенные к посадке беженцы подымались по трапам, на их усталых, а порой изможденных лицах светилась радость. Но какое горе испытывали те, кого отстраняли от посадки, можно было легко понять даже издали. Ведь они прошли тяжелой, смертельно опасной дорогой мытарств, страха и лишений, пока добрались до Баку и, наконец, до спасительного судна. И вот трагический финал – дальше их не пускают...

Отвернувшись от окна, мальчик спросил:

«Мама, почему их не пускают? Куда они едут? Зачем?».

На эти вопросы было легко ответить, но принять все это было трудно.

«Не пускают, так как документы или билеты не в порядке, едут к родным, знакомым или просто бегут от фашистов куда подальше, чтобы остаться живыми» – с горечью ответила мать.

Посадка продолжалась два часа. Пароход был забит до отказа. Шум и гам царили теперь там, где еще два часа назад был слышен только гул главной машины.

Даже в каюту доносились крики и возбужденный говор беженцев. Желания выйти из каюты не возникало. Здесь они чувствовали себя как в осажденной крепости.

В 23–00 отдали швартовые, и буксиры выволокли пароход на рейд. Задрожали переборки и подволоки от мощного гула главного двигателя, и огни причалов и улиц Баку начали медленно удаляться. Они еще долго светили вдали, прорезая своим светом темноту ночи.

Гвалт на судне постепенно стихал, и, под утро, наконец, наступила долгожданная тишина.

Яркие звезды южного неба радовали глаза, а шум воды, разрезаемой форштевнем, напоминал рокот горной реки.

Ранним утром, когда ребенок еще спал, мать вышла из каюты и направилась на палубу, забитую пассажирами, спящими прямо на полу. Ей искренне было жаль этих простых людей, оторванных войной то дома и мирной жизни.

Море вокруг было зелено-синим, но по мере восхода солнца вода приобретала голубую окраску. В эти относительно спокойные минуты, когда младшему сыну не угрожала опасность, мать могла думать о старших сыновьях и муже, которые, несомненно, уже непосредственно участвовали в войне. Особенно ее беспокоила судьба второго сына Ленечки, служившего в пограничных войсках в Либаве, и принявших на себя самый первый коварный удар фашистов. Никаких сведений от дорогих ей мужчин она пока не имела.

С подъемом солнца постепенно судно начало оживать. Плачь и крики малых детей, громкие голоса пассажиров наполнили все вокруг.

Мать вернулась в каюту, где сладко спал ее младший любимый сын.

К полудню погода начала быстро портиться. На Каспии сильные шторма налетают стремительно, и море меняется прямо на глазах. Первый же порыв ветра сорвал развешенные пассажирами вещи и большую их часть унес в море.

На палубах появились матросы во главе с боцманом и начали крепить разбросанные вещи пассажиров, призывая их спуститься с палуб в трюм для их собственной безопасности и безопасности судна, перегруженного сверх всякой меры. В трюме было очень тесно и душно, и беженцы спускались туда неохотно. Однако, когда ветер набрал полную силу, и волны высотой до 3–5 м. с яростью обрушились на судно так, что по главной и второй палубам покатались реки воды, и над судном установилась сплошная пелена брызг, всех пассажиров буквально ветром сдуло с палуб в твиндек и трюма.

Началась сильная качка, так как ветер был северным – бортовым для «Фиолетова», идущего на восток.

В душных переполненных каютах нижних палуб и твиндека качка бала тяжелым испытанием для большинства беженцев, никогда не выходивших в море. Морская болезнь их одолевала до потери сознания. Стараясь спасти от сильной бортовой качки перегруженное судно, капитан изменил курс с В на С-СВ.

Качать стало меньше. Но и тогда, спасти пассажиров от морской болезни не удалось.

Они, страдали от тошноты, выскакивали из кают и трюмов на палубы, где их окатывал теплый душ из морских брызг и потоков воды.

Особенно трудно приходилось детям и их матерям. Подыматься на открытые верхние палубы было опасно, и запрещено. Могло смыть за борт крупной волной. Об этом было объявлено по судовому радио. Но удержать страдающих морской болезнью людей не удавалось.

Наши путешественники тоже чувствовали себя плохо, но комфортные условия каюты, где хорошо работала вентиляция, скрашивали их быт. Мальчик, не смотря на подступающие

приступы тошноты, внимательно наблюдал за игрой волн и ветра, срывающего белые пенящиеся гребни над волнами.

Неожиданно его взгляд упал на главную палубу, где пожилая женщина с двумя детьми боролись с порывами ветра, стремившегося повалить их на пол, а волны смыть за борт.

Картина была страшной, мальчик в приступе отчаяния закричал: «Мама их сейчас смоем в море, они утонут!»

Мама заметила происходящее только после крика сына. Немедленно бросилась из каюты к выходу на палубу и позвала на помощь. Двое крепких матросов уже спешили к женщине с детьми. Они втащили их в пристройку на главную палубу, прежде чем очередная волна накрыла ее. Все пятеро, бледные и мокрые стояли в безопасном коридоре. Матросы ругались, объясняя пожилой даме с детьми, что шутки с бурным морем плохи. Но делали они это далеко не на литературном русском языке. Вмешалась мать, резко отдернув матросов в терминах для них вполне понятных. Затем она обратилась к пожилой даме мокрой, и едва живой от испуга. Узнав из ее сумбурных ответов, что она с детьми не может вынести качку, находясь в душном трюме, и, что лучше выброситься в море, мать пригласила всех троих в свою каюту.

Когда мокрые дети и их бабушка вошли в каюту, мальчик просиял от радости. Всю сцену спасения он хорошо видел и считал себя причастным к этому доброму делу. Особенно его обрадовало появление детей, с которыми он не общался почти весь обратный путь домой.

Это были мальчик 10-и лет, Боря и его сестра Лина, 7-лет. Всей семьей, с родителями и бабушкой, они эвакуировались из Киева. Под Таганрогом их состав разбомбили. Родители пропали (погибли), а они с бабушкой добираются в Самарканд, где живут их дальние родственники. Бабушка, Александра Ефимовна, рассказала маме о перенесенных ими страданиях и унижениях на этом тяжком пути. И когда мама слушала рассказ этой старой женщины, она окончательно поняла, в каких комфортных условиях они путешествуют в военное время, благодаря заботе отца.

Расположились все пятеро в каюте 4-ого помощника. «В тесноте, но не в обиде», – как говорится в старинной русской поговорке.

Дети бесконечно радовались прекрасным условиям в каюте и рассказывали друг другу наперебой об увиденном и пережитом ими. Казалось, они совершенно забыли о шторме, качке, недавно пережитой опасности бить смытыми волнами за борт, а погрузились в одну, только им известную страну детской фантазии для них неотделимую от реальности.

А двум женщинам было о чем поговорить после обрушившихся на них испытаний.

К вечеру налетевший шторм начал стихать, судно легло на генеральный курс, уже не рискуя быть опрокинутым.

Утром тихое и ласковое море ничем не напоминало разъяренную стихию, каким оно было вчера. Спасенные гости собрались спуститься в трюм, когда волнение улеглось, но мама, к всеобщей радости, предложила им оставаться в каюте до прибытия в Красноводск, до которого оставалось всего сутки хода.

Теперь, когда волнение улеглось, и спокойная голубовато-зеленая вода застилала весь горизонт, дети смогли выйти на свежий воздух на палубу, где устроились у самых шлюпок. Других мест не было. Измученные штормом обитатели подземелья (трюма и нижних палуб) выбрались наверх, к свежему воздуху, и их усталые тела заняли все верхние палубы.

Было жарко, грело летнее туркменское солнце, белое солнце пустыни.

Спасались чаем. Днем палуба раскалялась до 50–60 градусов С, и ее поливали из пожарных шлангов морской водой. У неосторожных пассажиров, жителей северных городов, начались тепловые удары. Судовому врачу и медсестре прибавилось работы.

Но для наших путешественников это не было серьезным испытанием. Такая температура не редкость для районов Средней Азии. А здесь морской ветерок смягчал жару.

На следующий день утром показались выжженные солнцем серо-коричневые горы Красноводска.

Судно вошло в Красноводскую бухту в 8–30 утра, но уже стояла туркменская жара. Воздух не шевелился. От раскаленных гор, как из кузнечного горна, растекался горячий воздух. Спиртовой термометр зашкалил на отметке + 50С, в тени.

Началась выгрузка пассажиров.

Памятуя наставления, полученные в Баку, Елена Стрелец ждала, когда иссякнет поток беженцев и прибудет представитель военного коменданта.

Она посоветовала своим новым попутчикам остаться в каюте и ждать. У нее созрел план помощи этим приятным и пострадавшим людям. Елена решила не расставаться с ними до приезда в Самарканд, который их маршрут в Ташкент пересекал.

Все оказалось так, как она ожидала. К ним в каюту постучал, а затем зашел мужчина в светлом льняном костюме, среднего возраста и высокого роста. Очень стройный, прямой и подтянутый, как и все туркмены. Вежливо поздоровавшись, он представился и, проверив у мамы документы, вручил ей купейные билеты на поезд Красноводск – Ташкент, деньги и письмо от мужа. Прежде чем читать письмо, мама обратилась к прибывшему представителю с просьбой, получить разрешение для поездки с ними ее родственников, которых она встретила на судне. Он внимательно проверил документы родственников и сообщил, что эту просьбу легко исполнить, если мама согласна ехать всем пятерым, в выделенном ей с сыном купе. Конечно, все были согласны. Представитель коменданта забрал документы родственников и обещал взять им билеты в течение часа. Но сообщил, что за дополнительные билеты нужно будет платить.

Только расставшись со стройным туркменом и отправив всех гулять на палубу, Елена присела на диван в каюте и с волнением начала внимательно читать письмо мужа. За долгие годы, прожитые счастливо вместе, она научилась читать его письма «между строк», т. е. понимать то, что не предназначено для других.

Письмо было очень теплым и заботливым. Отец все прекрасно знал и понимал происходящее лучше других. Он находился в действующих войсках, но, как всегда, не писал, где именно. Сообщал, что он и сыновья Семен и Генрих живы и здоровы. Письма от них ждут маму дома. Но ее насторожила тревожная фраза, которая относилась ко второму сыну: «Наши западные пограничные части так быстро меняют свои позиции, что связь с Леонидом пока установить не удалось». Она очень хорошо понимала, что это значит. Ее сердце сжалось от дурного предчувствия.

Ровно через час в каюту вошел уже известный ей представитель коменданта и вручил документы и билеты для ее родственников. Расплатившись за билеты, и сердечно поблагодарив пожилого мужчину за помощь, Елена Стрелец поднялась на шлюпочную палубу, где расположились дети и Александра Ефимовна. Она сообщила им радостную весть, что едут они все вместе, и поезд отходит в 20–00. У них оставалось еще много времени. На пароходе и в порту стояла туркменская жара +50С в тени. О прогулке по городу в такую погоду не могло быть и речи. С разрешения капитана остались на судне до посадки на поезд. Судно опустело. Матросы скатывали палубы, готовя его к очередному рейсу. Наш герой и его новые друзья всячески старались попасть под живительные струи пожарных шлангов, спасаясь от жары. От окружающих город гор горячий воздух веял как от утюга. Бухта с голубовато – зеленой морской водой, окруженная горами, была очень красивой. Но жара расплавляла эту красоту. Даже привыкшие к азиатской жаре мать и сын чувствовали себя неважно, а их новые «родственники» совсем плохо. Они не умели потеть, и их тела перегревались. Спасали только зеленый чай и морской душ.

До вечера находились в каюте, охлаждаясь под вентилятором. Но и вечер не принес желанной прохлады. Все те же +50°С.

Простившись с капитаном судна и поблагодарив его за помощь, в сопровождении представителя коменданта пешком пошли к вокзалу, который располагался в 500 м. от морского порта.

Вероятно, жара наложила свой отпечаток на поведение людей. В отличие от Бакинских батальонов на вокзале и в порту, здесь все происходило очень медленно и спокойно.

В вагон прошли почти свободно, даже документы никто не спросил, а проверили только билеты, как в мирное время. Война сюда еще не докатила своих тревог и ужасов. Туркмения, как и вся Средняя Азия, жили еще мирной жизнью.

В вагоне было нестерпимо жарко и душно, не смотря на настезь раскрытые окна.

Прощаясь, туркменский попечитель дал ряд советов:

Не пить воду, а только зеленый чай,

Тщательно мыть и осторожно есть фрукты и овощи,

Не покупать и не есть мясо. При этом он тихо произнес страшное слово ЧУМА.

При сильной жаре заворачиваться в мокрую простынь и носить ее пока не высохнет.

Мать и сын поблагодарили его по-узбекски, прижав руку к сердцу. Но это вызвало у него снисходительную усмешку.

«Мы туркмены, а не узбеки», серьезно сказал он на чистейшем русском языке.

Что это означало, мальчик узнал много лет спустя, работая на грандиозном строительстве Туркменского канала.

Распроставшись с подопечными, стройный попечитель ушел.

Расположились в купе удобно, хотя и тесновато. Дети на верхних двух полках, бабушка и мама на нижних. Вагон был переполнен. Жара и духота мучили пассажиров нещадно, до тех пор, пока поезд не тронулся и стал набирать ход. Только тогда живительный ветерок ворвался в раскрытые окна вагонов, и стало прохладнее. Памятуя полученные наставления, воду не пили, заваривали чай в кипятке, взятом из титана. Киевлянам было в диковинку пить чай в 50-и градусную жару. Но скоро они поняли, что только так можно здесь напиться. За окном сначала медленно, а затем все быстрее и быстрее замелькали домики, вагоны, автомобили, всадники на конях и верблюдах, параллельные пути, такыры и барханы, покрытые зелеными зарослями саксаула. Началась пустыня Каракумы.

Дети впервые видели пустыню и восторженными возгласами встречали большие барханы и кусты саксаула, о которых они только читали или только слышали от старших. Но все же в вагоне было жарко, особенно когда поезд останавливался на разъездах и станциях, которых по этому единственному железнодорожному маршруту сквозь пустыни было множество. Белое солнце пустыни склонилось к закату, стало оранжево – желтым, а затем красным, и опустилось за горизонт, посылая прощальные лучи в абсолютно ясное небо.

В 22–00 уже зажглись звезды. Пора было ложиться спать, но жара не спадала.

Воспользовались четвертым советом наставника. Намочили простыни, завернулись в них и легли прямо на деревянные полки, скинув матрасы. Такая процедура детей привела в восторг, прохлада высыхающих простыней их оживила. Сон был забыт, начались игры и рассказы. Старший Борис постарался удивить сестру и нового приятеля страшными сказками о приведениях, мертвецах, ведьмах и чудовищах. Однако, после действительно страшных картин, которых они насмотрелись при эвакуации, рассказы Бориса казались милыми сказками. Наконец, сон победил. Дети утомонились и крепко уснули под мерный стук колес поезда, завернувшись во влажные простыни.

Женщины еще долго беседовали, делились своими заботами, по привычке тихо разговаривая, стараясь не мешать детям, которых теперь могли разбудить разве что разрывы бомб.

Они уже незаметно стали детьми войны...

Утром поезд остановился у небольшого поселка Небит-Даг. На станции было много народа, встречающих и отъезжающих в Кызыларват, Ашхабад, Чарджоу, Бухару, Самарканд, Ташкент и далее на восток.

Здесь впервые купили и попробовали огромные туркменские дыни, вкуснее и больше которых нет нигде в мире. Продавал их высокий, прямой как тростник старик, с длинной седой бородой, одетый в стеганный черный халат и в высоченной каракулевой шапке. Дынь была целая гора. Каждая, весом от 15 до 20 кг, стоила всего 20–30 копеек. Рядом с дынями за платформой стояла телега (арба) на двух огромных колесах, с запряженным в нее одногорбым верблюдом, который, не обращая никакого внимания на поезд и суетящихся пассажиров, медленно объедал зеленые веточки саксаулового куста. Картина была типичная для жителей Туркмении, но полная экзотики для наших путешественников, особенно для детей. Верблюдов они видели разве что на картинках и в зоопарке.

Почти час ожидали встречный поезд, и только после его прибытия, отправились дальше. Кругом одни барханные пески и ровные как стол такыры.

Не смотря на непрерывное движение и открытые окна, в вагоне было очень жарко. Пришлось опять прибегнуть к помощи чая и простыней. А вот купленные дыни доставили путешественникам огромное удовольствие. Кроме них в жару есть ничего не хотелось.

Зеленый чай со сладкой дыней, стоящие на столе, гармонично вписались в пейзаж окружающей пустыни за окном вагона.

Наш герой впитывал эти новые впечатления и картины как губка, не подозревая, что уже через одиннадцать лет вновь, но уже надолго, встретиться с пустыней.

К вечеру поезд остановился на станции Кызыларват. Мама среди пограничников слышала часто поговорку: «Под землей Бог создал ад, а на земле Кызыларват!».

Кушка (самая южная точка СССР) и Кызыларват считались самыми трудными местами для пограничной службы.

Термометр на пути от Красноводска до Кызыларвата замер на высшей отметке +50°C, не опускаясь ни днем, ни ночью.

На станции было много военных в полевой форме. Они отправлялись через Красноводск – Баку – Махачкала на фронт. Опять слышалось зловещее слово ВОЙНА.

Дети при виде военных притихли, они уже хорошо знали, что такое война.

Наш герой, привыкший к военным, всегда видел в них главных защитников.

Большое количество советских военных вызывало в нем уверенность в победе над немцами. И всякой встрече с войсками он был рад. У его новых друзей вид войск вызывал тревогу. Они хорошо помнили, что их беды начались, после того как в Киев хлынули отступающие части Красной армии.

Но скоро поезд тронулся. Все пятеро сели за ужин, где дыни, чай и купленные на станции фрукты доминировали над всем остальным, что нашлось в их скромных запасах.

Мокрые простыни быстро высыхали, и их приходилось мочить снова и снова. Это было единственным спасением от жары. Ночь пролетела быстро и без каких-либо событий. На малых станциях продавали мясо баранье и верблюжье. Но покупать его боялись, помня наказ наставника.

Мальчики о чем-то долго беседовали, наконец, и они уснули, следуя примеру Лины.

Обе женщины еще долго не могли заснуть. Каждая из них переживала свои заботы и тревоги.

Но жара плавил мозг и не давала сосредоточиться на главной мысли. Далеко за полночь, в очередной раз, намочив простыни, они уснули тяжелым сном.

Утром поезд прибыл в Ашхабад, столицу Туркмении. Появились деревья и цветы в газонах на станции. Все растения искусственно поливалось. На пироне было много народа, людей разной национальности, но доминировала русская речь.

Дети в сопровождении мамы вышли на пирон. Здесь хорошо поливали, и утром было не жарко. На пироне шла бойкая торговля овощами, фруктами, дынями и огромными арбузами. Конечно, арбузы и дыни красномяски купили первым делом, но и все остальное осталось без внимания. Стоило здесь все очень дешево. Даже скуповатые киевляне отметили этот факт.

Нашему герою нравились туркмены. Высокие, стройные, прямые как жерди в высоченных каракулевых шапках и халатах, они напоминали сказочные персонажи из прочитанных ему книжек. И он не мог понять, почему узбеки и даже воинственные таджики пугали своих детей туркменами: «Будешь шалить, придет туркмен (бабай) и тебя заберет», часто говорили они... Действительно, вид у туркменских всадников на верблюдах или на конях был грациозным и воинственным, но в век танков и самолетов совершенно не страшным.

Передвигались туркмены с большим достоинством и чувством превосходства над прочими, находящимися на уровне их плеч. Совершенно не торговались и не пересчитывали деньги за проданный товар, будучи полностью уверенными, что их обмануть, не посмеют.

На станции продавали газированную воду, но детям не разрешили ее пить.

Прогуливались по пиرونу, разминая соскучившиеся по ходьбе ноги. Час пролетел быстро.

Поезд тронулся, и замелькали дома и улицы Ашхабада, а затем опять пески и такыры Каракумов. Но после Ашхабада стало прохладнее, и температура 30°C казалась совсем низкой. Пассажиры в поезде ожили. Дети старались выйти из вагона при первой возможности. На станциях появились деревья. Чувствовалось приближение оазисов и главной реки Средней Азии Амударьи. Вечером прибыли в Чарджоу. Здесь на вокзале и вдоль пирона было множество военных из Туркестанского округа, отправляемых на запад.

Кроме этого, ничто не напоминало о войне.

Изобилие фруктов, овощей, дынь и арбузов радовало глаза. Состав публики сменился, большинство из торгующего люда были узбеки. Наш герой почувствовал себя совсем дома. С туркменами он разговаривать не решался, хотя с трудом, но все же понимал их речь. Очень уж они были большие и гордые.

А узбеки это свои, почти родные. Оказалось, что он по ним соскучился, поэтому говорил с ними долго и с удовольствием, жестикулируя и с интонациями узбекского мальчишки (бала). Вмиг из польского барчука он превратился в настоящего «бала». Это превращение или вернее возвращение сына порадовало мать и удивило его новых друзей. Они с недоверием смотрели на этого загорелого чернявого узбеченка, в которого он превратился чудесным образом, когда купил черно-белую тубетейку и привычным движением насадил ее на голову. Он уже чувствовал себя дома, в полной безопасности и искренне радовался этому.

До Ташкента оставались сутки езды. Ожившие дети, не переставая, о чем-то спорили, говорили и носились по коридору вагона. На каждой остановке их ожидали открытия и новые пейзажи. Мост через Амударью, самую полноводную в это время года реку, проехали медленно, что позволило детям разглядеть и лодки, и малые суда, плывущие по коричневой воде. Вдоль реки и в ее окрестностях было много деревьев, подходящих к самой железной дороге. Вдали и рядом виднелись ярко-зеленные поля хлопка.

На ближайшей же станции продавали рыбу любых размеров и способов приготовления. Рыба не мясо, и запрет покупать на нее не распространялся. «Не высокая» +30°C температура воздуха пробудила аппетит, особенно у детей, которые всю поездку не ели мясного. Поэтому на копченую рыбу с овощами набросились все пятеро. Благо и хлеб был в изобилии.

После пиршества наши путешественники утомонились и заснули богатырским сном.

С каждым часом пейзаж становился приветливее. Поезд шел по территории Узбекистана между Сырдарьей и Амударьей. Здесь все земли искусственно орошались водами этих больших рек – источниками жизни. Были видны сады и поля, на которых паслись коровы, лошади

и ишаки. О войне здесь знали только по сводкам радио и из газет, да еще по мобилизации мужчин, которых призывали с каждым днем все больше и больше.

А вот теперь появились еще и беженцы.

На каждой станции их встречали эвакуаторные бригады, помогали разместиться в автомобилях и развозили по подготовленным заранее местам, где им предстояло прожить долгие годы войны.

Новые друзья, особенно бабушка, приуныли. И хотя они ехали к родственникам, которых бабушка знала, но не видела много лет, неизвестность дальнейшей жизни в Самарканде, куда они направлялись, их пугала. Елена много рассказывала бабушке об обычаях Средне-Азиатских народов, об их традиционном гостеприимстве, дала советы, как правильно вести себя, чтобы не обидеть хозяев.

«Главное, изучить местный язык (хотя бы основные обиходные термины) и обычаи. Тогда никому, а тем более пожилой женщине совершенно нечего бояться. К старым людям все народы здесь относятся с уважением и почтением много большим, чем в России и на Украине» – говорила она.

Ночь пролетела быстро, а утром открылись глазуревые древние минареты Бухары.

Это уже были исконные земли узбеков и таджиков с очень далеких времен. Здесь сохранился колорит древнего города, столицы Бухарского эмирата. Если не считать самой станции и железной дороги, то вид и неторопливая жизнь вокруг замерли на столетия.

Казалось, вот-вот на станцию въедет ходжа Насреддин на своем «говорящем» ишаке.

Наш герой с большим интересом разглядывал минареты, видневшиеся вдаль и стены дворца эмира. Но он еще не знал истории этого государства, а вот красивую и мелодичную таджикскую (фарси) речь он расслышал сразу же. По пируну степенно проходила целая группа весьма пожилых людей, одетых в белые халаты и в зеленых бархатных тюбетейках. Они говорили по-таджикски, направляясь как раз в сторону вагона, где ехали наши путешественники.

Мальчик знал, что зеленые тюбетейки носят муллы и ходжи. На Памире к таким людям относились с особым уважением.

Когда старики поравнялись с вагоном, вдоль которого прогуливался мальчик со своими приятелями, он пошел к ним на встречу, приложил правую руку к сердцу, слегка поклонился и громко поздоровался по-мусульмански на арабском языке: «А салам алейкум, а Рахматулла!

Старики повернули головы в его сторону и с доброй улыбкой ответили: «Ваалей кум, а салам». На этом местный этикет требовал закончить общение, если старшие ничего больше не говорят и не спрашивают. Но мальчику очень хотелось поговорить по-таджикски и похвастаться перед своими товарищами.

Нарушая обычаи и местный этикет, он пошел вслед за почтенными стариками, спрашивая их, куда они едут? Никто из них не обернулся в его сторону. Ожидая ответа, он продолжал идти за ними, удаляясь от вагона. Борис, старший из детей, чувствуя свою ответственность, окликнул мальчика и попросил вернуться. Русская речь и европейский вид друзей мальчика не остались незамеченными одним из стариков. Он понял, что мальчик не таджик, хотя и говорит чисто по-таджикски.

Эта догадка объясняла его странное поведение. Мудрый старик остановился, повернулся к нашему герою и сказал: «Ты очень хорошо начал, но заканчиваешь как любопытная сойка. Разве тебя не учили, как нужно разговаривать со старшими?».

«Конечно, учили, и я знаю, что виноват» – ответил он.

«Но я был на войне и видел бомбежки!» – выпалил наш герой.

Эта фраза была выкрикнута им с такой болью, что старики остановились и все разом повернулись к ребенку. Они внимательно посмотрели на него. Затем самый старший из них подошел к нему, положил раскрытую ладонь на его тюбетейку и тихо произнес:

«Бис мулла, а Рохман Рахими! (Да хранит тебя Бог!)».

Мальчик притих, успокоился и, поблагодарив дедушку, бегом вернулся к своим друзьям. Они с тревожным любопытством наблюдали эту удивительную сцену.

«Кто эти старцы, и о чем ты с ними говорил?» – спросила Лина.

«О войне и о Боге я говорил с муллами», гордо ответил он.

* * *

Поезд тронулся, вдали скрылись минареты и купола Бухары. За окном хлопковые поля, сады, камышовые тугаи вдоль каналов ирригации. В рассказах и играх незаметно летело время. Анна Ефимовна собрала небольшой багаж своих внуков и приготовилась к прибытию в Самарканд. Она так сильно волновалась, что Елене пришлось ее многократно успокаивать. Волнение бабушки можно было понять, ведь она еще несколько дней назад потеряла дочь и зятя, потеряла свой дом и все нажитое тяжким многолетним трудом.

В Самарканд поезд прибыл по расписанию, ровно в 20–00. Здесь из вагонов вышло много беженцев, которые резко выделялись среди местных жителей и лицами (нет загара, светлые волосы и глаза) и одеждой (очень теплой для этих краев в июльскую жару) и странными котомками с вещами, а главное тревожным выражением глаз, полных боли и страданий.

Наши путешественники помогли своим попутчикам выйти из вагона. Все пятеро стояли рядом на пироне в ожидании встречающих Анну Ефимовну родственников.

Долго никто к ним не подходил. Они уже начали волноваться, но в этот момент к вагону подошла очень пожилая дама в старомодной широкополой соломенной шляпе и молодой мужчина, в летней форме, чем-то очень похожий на женщину. Дама внимательно оглядела всех, остановила взгляд на бабушке и подошла к ней.

«Аня?» – тихо и неуверенно спросила она.

«Фрида!» – выкрикнула бабушка.

Старые женщины, не видевшие друг друга почти 30-лет, обнялись и заплакали.

Потом в объятия заключили детей, представленных бабушкой.

Казалось, о наших путешественниках совсем забыли, и они, улыбаясь, отошли в сторону, очень обрадованные теплой встрече бабушки и детей с их родными.

И только тогда, когда молодой летчик взял нехитрые пожитки прибывших и уже собирался уйти, бабушка Аня вспомнила о своих «спасителях». Она подошла к ним, обняла мать и сына, расцеловала их и сердечно поблагодарила. Внуки последовали ее примеру.

Еще долго мать и сын смотрели вслед этим хорошим людям, приятно осознавая, что смогли им помочь.

Самарканд от станции укрывала густая зелень высоченных тополей и чинар.

Поезд тронулся и быстро набрал крейсерскую скорость. За окном мелькали кишлаки, железнодорожные поселки и небольшие города, очень похожие друг на друга.

Вечером проехали большой мост через Сырдарью.

Жарким утром 12 июля 1941 г. поезд прибыл в Ташкент. От Гродно до Ташкента добрались за двадцать два дня. А по насыщенности событиями эти дни были равны нескольким годам нормальной мирной жизни.

Наших героев уже ждали. С нетерпением ждали этой встречи и они, желая вновь оказаться в кругу родных людей, после долгой и трудной поездки.

На пироне выстроилась почти вся многочисленная папина родня, но без мужчин.

Мужчины уже были призваны в армию для защиты отечества на фронтах войны, и находились за тысячи километров от дома.

Встречали сноху и племянника, брата с огромным любопытством и радостью, как родных, вернувшихся с войны. И это были совсем другие люди, чем при первой встрече.

Город утопал в зелени деревьев и в цветах. Все поливалось заботливыми руками жителей по несколько раз в день. Поэтому в тени многочисленных парков, садов, в чайханах над большими арыками было прохладно, не смотря на 35°С жару.

Вся большая семья отправилась по традиции к Главтети Тамаре, где прибывших решили разместить и оставить на длительное время, прежде чем они возвратятся на Памир.

В тенистом дворе Главтети на берегу большого арыка Салар было прохладно. Его холодные воды понижали температуру окружающего воздуха на 10–12 градусов С.

Там был уже накрыт длинный стол, и готовился плов, запах которого приятно щекотал ноздри.

Умывшись с дороги, гости прошли к столу, во главе которого сидела очень старая, сторбленнная временем, совершенно седая бабушка Гита, мать отца и еще одиннадцати детей, большая часть которых находилась за этим столом.

Мама хорошо знала бабушку с момента приезда в Ташкент в 20-году.

Она ярко помнила трудную историю, когда после возвращения с гражданской войны мужа, его отец не признал ее законной женой, т. к. он женился без его разрешения на женщине другого рода и племени, недостойного гордым левитам – племени еврейских раввинов. А вот бабушка Гита признала 1блетнюю Эльку сразу, и не ошиблась.

Старая бабушка Гита расцеловалась с прибывшей невесткой, дрожащими руками обняла самого на тот момент младшего из многочисленных внуков и что-то тихо сказала на непонятном мальчику языке. И хотя слова были совершенно другими, он почувствовал в них тот же смысл, что и в прощальных словах старого муллы, который его напутствовал в Бухаре. Бабушке было 93 года, и он хорошо запомнил на всю жизнь ее дрожащие холодные руки, с длинными пальцами, обтянутые коричневой сухой кожей, похожей на пергамент.

Рядом с бабушкой сидела Глав тётя, истинная хозяйка этого дома и тоя. К сожалению, ее муж, дядя Матвей, весельчак, балагур и заводила подобных компаний, и старший сын Лев, уже отбыли в армию. Глав тётю мальчик признал своей еще в прошлый визит и старался к ней быть поближе.

К середине дня дети, отделившись от взрослых, пошли купаться в Саларе. Мальчик уже порядком устал от расспросов своих сестер и братьев о поездке, особенно о войне, и с огромной радостью окунулся в прохладную воду реки. Вода была коричневой и совсем не ледяной как в родной Коксу. Удовольствие от купания и игр в воде со своими кузенами он получил огромное. Ведь после последнего купания в Немане, он ни разу не окунался в реку. С грустью он подумал о кузене Залманке и кузине Ривке, оставшихся в Гродно. Мальчик тяжело вздохнул от своих тяжелых мыслей и тут же оказался в воде, куда его толкнул старший братишка Гриша.

Здесь уж было не до воспоминаний, нужно было скорее плыть к берегу. Вода в Саларе текла очень быстро.

Накупавшись и набегавшись, дети вернулись к столу и как раз вовремя. Плов был готов.

На этот раз настоящий узбекский плов из барашка. Аромат плова разносился на весь двор.

Казалось, что за месяц войны здесь ничего не изменилось. Да и что могло измениться в многовековом укладе жизни этих людей, этого древнего библейского народа, пережившего множества войн и нашествий? Но это только казалось. Почти в каждой семье кто-то уже ушел на фронт, кто-то готовился к мобилизации. А по радио сообщали о тяжелых боях и потере городов, республик, областей. Немцы стремительно продвигались к Москве. А здесь праздничный стол с пловом...

Не смотря на настойчивые приглашения Главтети погостить подольше, мама решила возвращаться домой, на заставу, через три дня. На вокзале в военной комендатуре она получила билеты до Оша, через Сталинабад (ныне Душанбе), куда хотела попасть и навестить старых

друзей. В Ташкенте за три дня побывали в гостях далеко не у всех родственников и друзей мамы.

Перед отъездом мама очень серьезно и долго беседовала с Глав тётёй Тамарой, которая собиралась идти на фронт медсестрой. Она предложила Елене с сыном переехать в Ташкент, к ней в дом, где в кругу родственников пережить военные годы. Так будет легче всем и безопаснее. Ведь на заставе никого нет, ни отца, ни старших сыновей. Да и младшему начинать учебу в школе лучше было бы в Ташкенте, в столице Средней Азии.

Доводы были очень разумные, Глав тётя всегда считалась самой серьезной и ответственной в большом семействе Каганов. Но мама, все взвесила, и с благодарностью отказалась. 16.07. 41 вечерним поездом выехали в Сталинабад.

* * *

Железная дорога в Сталинабад из Ташкента шла сложными путями, через Самарканд, Бухару, Каган, Карши, Термез, и заняла двое суток.

В Сталинабаде пробыли трое суток, жили в ведомственной гостинице погранвойск. Мама решала какие-то свои служебные дела, связанные со школой. Сын сопровождал ее во все учреждения или подолгу скучал, ожидая в гостинице, когда мама освободится.

Побывали в цирке, приехавшем из Киева в эвакуацию, и в детском местном театре кукол, где ставили замечательный спектакль «Лампа Аладдина».

Но уже хотелось домой, в горы, на заставу. Дом был брошен, пора было готовиться к новому учебному году. Мама с нетерпением ждала возможности прочесть письма от отца и сыновей, ожидавшие ее дома. Особенно она волновалась о судьбе Леонида.

20.07. 41 выехали в Ош, получив в пограничном управлении разрешение на проезд к постоянному месту жительства, через Хорог, на заставу с названием «Памир-5».

Поезд до Оша продвигался медленно. Дорога была сложной, однопутевой. На всех станциях приходилось останавливаться, пропуская встречные поезда. Чаще всего это были военные эшелоны. В вагоне и на станциях звучала знакомая узбекская, таджикская, русская речь, продавались фрукты и овощи. Все выше становились горы вокруг, пересекаемые маршрутом, все быстрее течение рек и прозрачнее вода в них.

Чувствовалось, что скоро будут дома.

В Оше пробыли всего один день в ожидании попутного транспорта в Хорог. Город утопал в зелени, но из-за отсутствия дождей она покрылась серым налетом пыли. Клубы пыли подымались на всех дорогах, пролегающих по лессовому грунту.

Ранним утром 22.07, ровно через месяц после начала войны, наши путешественники выехали на грузовой пограничной автомашине в Хорог. Машина везла снаряжение, предназначенное для пополнения запасов на заставе, и должна была прибыть в ближайший к заставе населенный пункт, до которого уже доходил автомобильный тракт.

Круто вверх, серпантинами ехал грузовик по Памирскому тракту.

Чем выше подымался он, тем выше становились горы вокруг, глубже и круче ущелья. С каждым километром, пройденным вверх, радостней становилось мальчику. Он уже ощущал благоговейное дыхание родных гор, слышал шум горных рек, видел вдали снежные вершины и рядом на перевалах ярко зеленые альпийские луга, покрытые цветами. Он был дома, и счастье переполняло его. Мать с радостью наблюдала за переменой настроения мальчика.

Она и сама была рада возвращению домой, но радость ее омрачала мысль, что возвращаются они к пустому дому, где их никто не ждет из самых родных людей, уже ушедших в военную жизнь.

На высокогорной дороге пейзажи быстро сменялись, один красивее другого.

То над дорогой нависали гранитные или базальтовые скалы и далеко внизу в ущелье виднелось синее русло горной реки, извивающейся как змея, то на перевалах открывался великолепный вид горных хребтов, возвышающихся один над другим и уходящих вдаль к снежным вершинам Памира.

На крутых подъемах часто перегревался мотор, и приходилось делать остановки. На остановках готовили еду, бродили вокруг, собирая цветы и изредка фрукты в тугаях у рек.

Ночевали в «кемпингах», выстроенных через каждые 50 км этой высокогорной дороги. Конечно, удобства там были минимальные, но можно было выспаться на кровати (железной солдатской койке) или поесть горячую пищу, которую можно было сварить или подогреть самим на плите, всегда обеспеченной дровами.

Путь от Оша до Хорога (550 км) преодолели за четыре дня. Хорог встретил их жаркой погодой, ледяной водой Гента и Шахдары, изобилием фруктов и овощей, а также продуктов скотоводов киргизов: сыров, айрана, кумыса, катыка, козьего и коровьего молока.

Мама приготовила прекрасный завтрак из этих продуктов и настоящих узбекских лепешек. Позавтракав вместе с водителем, который оказался на редкость молчаливым, продолжили путь по южному ответвлению Памирского тракта. Оно было построено совсем недавно, уже после отъезда наших героев в Польшу, вдоль берегов реки Пяндж, и вело к крупным кишлакам.

Еще два дня пробивались по этой горной дороге, совсем недавно бывшей только караванным путем для гужевого транспорта. На 180-ом км на юг от Хорога в поселке Лянгар машинная дорога закончилась, дальше продолжалась караванная тропа. Оставалось еще 100 км вдоль реки Памир, через рудник Бекташ до заставы. Здесь в Лянгаре, на высоте 3000 м, простились с хмурым, но очень умелым водителем, и пересели на высланную за ними повозку с парой пограничных лошадей во главе со знакомым старшиной.

Встретили мама и сын старшину срочной службы Ивана как близкого родственника, чем не мало смутили этого коренастого и широкоплечего русского парня лет 27.

По дороге домой ему пришлось отвечать на тысячу вопросов, которые задавали то мать, то сын наперебой, начиная со здоровья командира заставы Алексея Федоровича Бондаренко, до любимой собаки, огромной казахской овчарки, волкодава Пальмы.

До заставы добирались два дня, проходя по 50-т км в день и переночевав в кишлаке, расположенном на пути домой.

Вот, наконец, показался поселок горняков Бекташ, где добывали флюорит. Здесь переждали жару и пообедали в столовой рудника. Там всегда хорошо кормили.

Мама не могла не зайти в школу, где вела математику. О ее приезде в школе уже знали и ждали. Она привезла из Сталинабада новые учебники и методические пособия, дополнения к программам и инструкции по обучению в военных условиях. После краткой беседы с директором и передачи документов, отправились знакомой дорогой домой.

Еще час, и длинное кольцо пути застава Памир-5 – Гродно – Памир-5 замкнулось.

28.07.41 они вернулись домой.

Огромная казахская овчарка Пальма бросилась им на встречу прямо у ворот заставы, и чуть не сбила маму, поднявшись от радости на задние лапы во весь свой рост, стараясь облизать мамино лицо. Затем нежно ткнулась своей огромной мордой в лицо мальчика, которого знала с рождения и берегла как собственного детеныша.

В сопровождении Ивана и Пальмы открыли дверь и вошли в дом. К удивлению мамы, все было аккуратно сложено на свои места и чисто убрано. Дело соседей, с благодарностью подумала мама, увидев прибранный дом, вазу с цветами на круглом столе в гостиной и пачку писем рядом с ней.

Уложив вещи, мама с волнением села за письма, а сын вместе с Пальмой пошел в соседнюю комнату, в которой он теперь, с отъездом братьев, был хозяин.

Все здесь было на своих местах, как оставил он почти полгода назад. Вот только сам он стал совсем другим. Это трудное путешествие закалило мальчика, расширило его представление об окружающем мире и о себе самом.

Даже любимая деревянная черная лошадь воспринималась им со снисходительной улыбкой юноши, рассматривающего свои детские игрушки.

Конечно, юношей он еще не стал, но раннее безоблачное детство закончилось. Он уже был мальчиком военного времени.

Глава 2. Школьные годы

Мама читала и перечитывала письма старших братьев и мужа. И чем больше она читала, тем суровой и жестче становилось ее лицо. Война, во всей своей ужасной реальности пришла в ее дом, в ее семью. Елена хорошо помнила ужасы первой империалистической и гражданской войн. Война с белофиннами, в которой участвовал отец, была короткой и очень далекой. И вот опять жесточайшая война, которая, судя по письмам мужа, будет долгой и самой тяжелой из всех пережитых. Она непосредственно угрожала жизни ее сыновей, мужа, родителей и всей ее родне, уже в полной мере испытывающих ужас фашистского нашествия. Только сейчас, оказавшись дома, в тишине родных стен, Елена поняла до глубины материнского сердца, угрожающую ее семье смертельную опасность. Поняла до конца слова мудрой Главтети о той ответственности за оставшегося с ней единственного сына, которую она теперь несет одна.

Но решение было принято, и она о нем не жалела. Да и осталась она не одна. Ведь застава всегда жила единой большой семьей, способной сплотившись перенести лихую годину.

Эта мысль придала ей силы и уверенность.

Неожиданно созрело твердое решение направить младшего сына в школу раньше установленного срока, не в восемь, а в шесть лет, которые ему должны были исполниться как раз в начале сентября.

А жизнь на заставе пока мало изменилась. Однако суровые военные будни добрались и в эту глушь, за 6000 км от фронта. Многие военные с заставы были направлены в действующие армии. Численность заставы была сокращена. Некоторые семьи военнослужащих, отправленных на фронт, уехали с заставы к родственникам в разные города великой страны. Меньше стало детей в детском саду. Но главные приятели нашего героя остались, и уезжать не думали. Вся их веселая ватага носилась по окружающим окрестностям, купалась в голубой ледяной воде Коксу, притоке реки Пяндж, делала налеты на ближайшие сады и бахчи, где зрели вкуснейшие сливы, яблоки, груши, дыни и арбузы. И когда мальчик рассказывал друзьям о своем путешествии, они не могли поверить многим его словам, так как, здесь на заставе, трудно вообразить все, что ему довелось увидеть и пережить. И, конечно, в огромные туркменские арбузы и дыни, весом в 20–25 кг и больше, они поверить не могли, считая их плодом фантазии приятеля. Ведь здесь, на Памире, на высоте 3000 м, такие большие ягоды не росли.

Последний месяц лета пролетел очень быстро. Решение матери послать сына учиться в школе в эту осень он принял с восторгом и поделился этой радостной новостью со своими приятелями. Старшие из них уже учились в школе, но его ровесники прониклись этой идеей и начали просить своих родителей направить их в школу с 6-и лет.

Мамы этих ребят попросили Елену Моисеевну, как молодые женщины величали ее, разъяснить такое решение. Ведь учебная нагрузка на еще не окрепший детский организм очень вредна здоровью. Елена старалась веско обосновать свое решение, учитывая новые обстоятельства военного времени. В результате почти все ровесники и друзья нашего героя пошли в школу тоже с шести лет, в сентябре 41.

Занятия первого класса проводились прямо на заставе, в Ленинской комнате, с 9 и до 12 утра. Это было очень удобно, совсем рядом с домом, хотя формально этот класс числился в полной средней школе Бекташа. Класс вела куратор, Евдокия Алексеевна Пятницкая, профессиональный педагог начальных классов с большим стажем, жена местного командира.

Таким образом, в первом классе на заставе оказались дети разного возраста от 6 и до 8 лет, причем только мальчики, всего 12 человек. Девочек, этого возраста не было.

Занятия велись на общественных началах, заработную плату учителям не платили.

К общему удивлению, шестилетки ни в чем не уступали своим восьмилетним одноклассникам. Так как класс по численности получился маленьким, то каждому ученику уделялось

внимания больше, чем в обычной начальной школе, а присутствие восьмилеток подтягивало младших. В результате дети хорошо успевали по всем предметам. Ученическая жизнь потекла своим чередом.

К шести годам наш герой уже умел немного считать и читать, но писал очень плохо.

Евдокии Алексеевне приходилось заниматься с ним дополнительно.

Время летело быстро. Поздней осенью на заставу прибыли последние обозы с продовольствием. Они ничем не отличались от обозов мирного времени. Елена Моисеевна получила свой зимний паек и как жена командира, и как мать сыновей офицеров – фронтовиков. Таким образом, первую военную зиму продовольствием они были обеспечены. Кроме того, как обычно, на зиму были заготовлены сухофрукты и травы.

Во все зимние месяцы заставка могла получать продовольствие только с рудника в Бекташе, но там всегда обеспечение было хуже, чем «на границе».

Вести от родных с фронта поступали реже и реже, а о Леониде вообще не было информации.

Мама много работала в школе в Бекташе, поэтому сыну приходилось помогать по дому.

Просыпался он в 7–00 утра, делал зарядку, умывался и завтракал вместе с мамой. Затем к 8–00 он шел в школу. Уроки арифметики всегда были первыми, до 9–30 (два урока). На первом уроке разбирали домашние задания, а на втором проходили новый материал.

Мама уезжала на конных тележке или санях в школу в Бекташ в 8–30 и работала там до позднего вечера, в две смены. Весь день сын был предоставлен себе и находился под присмотром соседей. После школы возвращался домой к 12–00, разогревал на керосинке обед, заранее приготовленный мамой, затем выходил гулять с приятелями.

Это были самые радостные часы. Играм и шалостям не было ни числа, ни конца.

Чаще всего играли в войну, попеременно, становились то красными, то немцами. Но побеждать хотелось всем. И когда побеждали немцы, красным было очень стыдно.

После отдыха, домашние уроки, часа два, а затем снова игры до ужина 19–00.

Жизнь строго по часам была законом на заставе, она приучала ребят ценить и уметь правильно использовать время, дороже которого ничего нет.

После ужина – чтение книг, письмо (дополнительные занятия) и ожидание прихода мамы в 20–00. Мама возвращалась всегда бодрой после 5-и км «пробежки» из Бекташа с тяжелым портфелем с тетрадками. Сын ее встречал с радостью, старался взять портфель из маминых рук и тут же рассказывал о своих делах в школе и дома. Потом вместе ужинали, беседовали о проблемах сына. Мама проверяла его дневник, выполненные домашние задания, которые иногда просила его переделать, исправить.

Всегда старалась объяснить, в чем ошибка, почему необходимо переделать. Но никогда не ругала за ошибки.

«На ошибках учатся», любила повторять она.

В 22–00 отбой. За соблюдением режима мама следила очень строго.

Уложив сына спать, она до глубокой ночи проверяла тетради, принесенные из Бекташской школы.

Так текли дни, месяцы, первые учебные годы.

В первом же классе наш герой подружился с Аркадием Тумановым, коренастым, белокурым, голубоглазым парнишкой, который выделялся из шумной ватаги первоклассников. Казалось, что АРТ (так Аркадия называл наш герой) много старше других, гораздо сильнее и выносливее. Его не было слышно в шумных играх. Держался он особняком, независимо от других, и жил какой-то своей особой жизнью. Никогда не старался навязать свои интересы другим, но никто не мог командовать им. Даже ученики старше его и учителя относились к нему почти как к взрослому, понимая самобытность и внутреннюю духовную силу этого ребенка.

Жил Аркадий с бабушкой, «Мамусей», как он звал ее. Отец и старший брат, профессиональные военные, были на фронтах почти с первых дней фашистского вторжения.

Мать АРТа, известный в своих кругах гидрогеолог – исследователь, не выбиралась из экспедиций и дома бывала редко.

Дружба с АРТом, основанная на разности характеров, и некоторых общих интересах, развивалась медленно, но, верно.

Все началось с рассказа мальчика о своем путешествии в Польшу, когда Евдокия Алексеевна предложила каждому первокласснику рассказать, как он провел лето. Постепенно его рассказы о поездке в Польшу начали обрастать подробностями и элементами детской фантазии, становились все более ярким и красочным, так, что привлекли внимание Аркадия.

Он пригласил ЛИКа (так АРТ называл нашего героя) к себе домой в гости, познакомил с Мамусей, затем привел на второй этаж в кабинет отца, где во всю длину одной из стен висела огромная физическая карта Российской империи и прилегающих стран.

Кабинет поразил мальчика своей необычайной композицией. Он был огромным, во всю мансарду. У ЛИКа в таком же доме, в мансарде размещалось три небольших комнаты: спальня родителей и две комнаты двух старших братьев, где в каждой кроме железной койки, тумбочки и книжных полок ничего не было. В кабинете отца Аркадия вдоль другой стены висел огромный туркменский ковер, весь увешенный старинным оружием: саблями, клинками, мушкетерами и карабинами, копьями и пистолетами. Ковер справа и слева обрамляли шкуры бурого медведя и снежного барса.

Две других стены с большими окнами, занавешены были шторами. Во всю их высоту, между окнами и вдоль стен, стояли полки, наполненные томами больших книг в старинных переплетах, коллекциями минералов и горных пород, стопками старых журналов и рулонами карт. На полу, во всю комнату, лежал огромный бело-голубой толстый персидский ковер с рисунком белого солнца в центре и расходящимися от него белыми лучами на голубом фоне. На ковре, прямо в центре белого солнца, располагался огромный коричневый глобус в оправе из орехового дерева. Вдоль стены между окнами стоял большой двух тумбовый письменный стол, с письменным прибором из красной яшмы и друзами горного хрусталя, флюорита, гранатов красного и зеленого цвета.

За столом был задвинут резной стул из черного дерева. На ковре вдоль стен лежали узбекские и таджикские расшитые подушки и свернутые одеяла из верблюжьей шерсти.

Высокий овальный арочный потолок был сделан из сосновых и арчевых бревен. Он излучал желтоватый свет и источал аромат хвои.

Маленький гость остановился как вкопанный. Он замер от неожиданной и потому фантастически прекрасной комнаты, представшей перед ним. Только в музее или сказке можно было увидеть или вообразить такое. А здесь, в нескольких десятках метров от его дома, настоящее сокровище.

АРТ наблюдал за гостем. Реакция приятеля ему понравилась. Он попросил его снять тапки, полученные при входе в дом, и пройти в кабинет отца.

«Это тайная комната, и ты никогда и никому не будешь рассказывать о ней. Клянись!» – твердо и требовательно сказал он, когда мальчики встали в центре солнца у глобуса.

Это требование было таким же неожиданным для ЛИКа, как и появление самой комнаты.

Он не нашелся, что сказать и только ответил: «ДА», бессознательно положив руку на глобус. Глобус легко повернулся вокруг своей оси, как бы принимая клятву мальчика.

«А теперь», – сказал Аркадий, – «давай попробуем по карте проложить маршрут твоего путешествия в Польшу».

ЛИК опять был удивлен и озадачен. Он никогда еще не пользовался картой и не умел обращаться с ней. АРТ, сын потомственного военного топографа еще царской школы, научился пользоваться картами почти одновременно с письмом и чтением, в пять лет.

«Ты называй мне города и поселки, по которым вы проезжали, а я нанесу на карте ваш маршрут. Будем играть в очень интересную игру – «Путешественники» – сказал он.

«О каждом населенном пункте ты будешь рассказывать, что помнишь, и будем читать, что найдем. Таким образом, изучим весь маршрут. Поехали!».

Так началась их дружба.

Почти каждый день, после уроков, пообедав, они гуляли вместе по укромным уголкам заставы и ее окрестностям, воображая себя исследователями, путешественниками, золотоискателями, индейцами, робинзонами. Характер игры определяла тематика прочитанных книг, которых в библиотеке на заставе и дома у Аркадия было множество.

Шумные детские игры и компании АРТ не любил, и постепенно от них почти отказался и наш герой. Чем старше становились мальчики, тем сложнее и интереснее становились их игры, и к ним надо было заранее готовиться, читать и изучать соответствующие книги, карты и пособия.

Поэтому все больше и больше времени они проводили в чудесном кабинете отца АРТ.

Здесь можно было найти все необходимое: от старых журналов «Вокруг света» и до «Справочника путешественника» знаменитого геолога и автора книги «Земля Санникова» академика В. А. Обручева. В доме Тумановых ЛИК стал вторым ребенком. Мамуся часто приглашала его, и пообедать, и поужинать вместе с внуком. Ей нравилась их серьезная дружба, которая обоим мальчикам заменяла и отсутствие родителей, и широкое общение с внешним миром людей, вне заставы.

Мамуся была очень странным человеком. Единственная дочь царского генерала, подвижника знаменитого полководца Скобелева, завоевавшего для России Среднюю Азию, она родилась в Санкт-Петербурге, закончила элитный женский пансион благородных девиц в Смольном, вышла замуж за блестящего офицера – деда АРТ, который был направлен в Ташкент в Туркестанское генерал-губернаторство, где и остался с молодой красавицей женой на всю жизнь.

Мамуся не покидала своего мужа в походах, отлично ездила на лошади, хорошо владела оружием, знала в совершенстве местные языки и обычаи всех основных народов Средней Азии. Она не забыла и французский. Часто, обращаясь к мальчикам, приглашая их к столу, переходила на французский, который ЛИК не знал. Это его очень сместило, так как мелодичность французского была близкой к таджикскому, но звучание слов имело совершенно нелепый смысл.

Иногда бабушка АРТ бывала очень строгой. Однажды, когда мальчики, после дневной зимней прогулки возбужденные ворвались в дом, и, не снимая шапок, из прихожей ринулись в гостиную, раздался гневный оклик: «Шапки долой перед святыми образами, козлята безрогие!» Действительно, в Красном углу гостиной висели иконы, что в те годы было редким и опасным явлением.

Сближение сына с Аркадием Тумановым и его бабушкой вызывало тревогу у матери.

Семья Тумановых, как и сама их фамилия, была очень необычной для жителей заставы.

Представители этого древнего дворянского рода занимали высокие ступени в иерархической лестнице царской России. После революции семья раскололась. Большая часть ее уехала в эмиграцию в Европу, Австралию, Америку. Меньшая, осталась служить родине России, в том числе дед и отец Аркадия, генерал и полковник царской армии.

Они остались живы после революции, при советской власти, благодаря их высокой военной квалификации, жизни вдаль от центра и искреннему уважению к ним со стороны сослуживцев, подчиненных офицеров и солдат, занявших при новом строе влиятельные посты. Однако независимость поведения и взглядов Тумановых всем были хорошо известны. Они и вызывали тревогу у матери за судьбу младшего сына, романтика, фантазера и идеалиста, совершенно не представляющего реалий окружающей его жизни.

Но крепкая дружба мальчиков, явно идущая на пользу им обоим, заслуживала симпатии и уважения, и мать не препятствовала ей.

Друзья быстро подрастали и физически, и духовно. Четко обрисовался круг их интересов: исследования, поиск, путешествия, приключения, как и у большинства мальчишек того времени. Вот только относились к ним они очень серьезно.

Жизнь в горных условиях уже сама хорошо закаляет физически. Но мальчикам это казалось недостаточным. Начитавшись книжек о знаменитых путешественниках Папанине, Нансене, Амундсене, Скоте, Пржевальском, Мушкетове, Ливингстоне, Семенове-Тяньшаньском, они усиленно занимались физкультурой, закаливанием, готовясь к грядущим походам.

Но главное, они много читали и мечтали о своих собственных походах и будущих путешествиях. Любимой игрой мальчиков было, сидя в кабинете отца АРТа, намечать маршрут путешествия и собирать все сведения, что могли найти о местах, пересекаемых этим маршрутом: геологии, географии, истории. На основании собранных данных готовили альбом, в который вписывали самое главное, начиная со схемы маршрута и до дневника виртуального путешествия, который вели в походе.

Первый свой реальный поход («путешествие») они совершили уже после окончания первого класса, который закончили с похвальными грамотами в мае 1942 г. Мальчики самостоятельно прошли от заставы в Бекташ, но не по главной дороге, а по извилистой мало хоженной тропе внизу вдоль берегов Коксу. Эту тропу они сами нашли на схеме района заставы, найденной в кабинете отца АРТа (дяди Коли). Тщательно готовились к походу по Коксу всю последнюю четверть учебного года. Продовольствие, спички, котелок и ножи заготовили заранее. Не забыли о финансовой поддержке, которую составили деньги, сэкономленные на пончиках, по 10 копеек в день, всего 6 рублей.

Ранним июньским утром, одевшись по-походному, они направились прямо к Коксу по дорожке, используемой всеми жителями заставы для спуска к реке. На идущих к реке детей никто из дозорных на заставе не обратил внимания. Обычная прогулка детей к реке, купаться. Но купаться мальчики и не думали. Они пошли вдоль берега и скоро исчезли в тугаях, где, перейдя через речку по висячему мосту, вышли на заброшенную тропу, ведущую вниз по берегу Коксу к Бекташу. Когда-то эта тропа была единственным проходом по реке. Но с появлением рудника и поселка Бекташ к заставе проложили прямую дорогу поверху, над рекой, а тропу забросили. Но на топографической карте она осталась, где ее и обнаружили мальчики. И вот теперь они «наслаждались» плодами своего открытия, продираясь сквозь густые заросли ежевики, шиповника, кустов держи дерева и лиан дикого винограда, которыми поросла тропа.

Пробирались медленно, временами останавливаясь в нерешительности перед штурмом очередного препятствия. Но каждый раз АРТ подбадривал или подгонял ЛИКа, когда тот уже был готов вернуться.

По висячему мосту тропа повернула на другой берег реки и поднялась высоко над водой.

Здесь она была чистой без зарослей. Ребята начали продвигаться быстрее и радостнее.

Мальчики получили огромное удовольствие, когда с высоты очередного висячего моста, уводящего тропу на другую сторону ущелья, открылся прекрасный вид на извилистую синюю ленту реки далеко внизу. На мосту они долго стояли, любуясь пейзажем и переводя дыхание от быстрой ходьбы, совершенно не подозревая, какой опасности подвергались, проходя по заброшенным висячим мостикам и мостам, с подгнившими досками и тросами.

Но проведение хранило их.

При очередном спуске к реке, в тугаях они остановились на привал. Собрали диких слив и яблок, сухих веток и разожгли костер. В котелке сварили компот, охладили его в протоке и пообедали, запивая компотом заготовленные впрок пончики и бутерброды.

Стоял знойный июньский полдень. Казалось, что до Бекташа осталось совсем немного. Ведь по прямой дороге идти туда от заставы часа полтора, два. А они уже были почти пять часов в пути и порядком устали.

Решили искупаться и отдохнуть, пережидая жару. Незаметно мальчики уснули и проспали часа три. Первым проснулся Аркадий, взглянул на солнце и разбудил товарища.

АРТ понял, что по извилистой тропе им придется идти еще долго, и нужно торопиться. Затухив тлеющий костер, продолжили поход. Еще несколько раз подымались вверх и спускались к реке, проходили по висячим мостикам и аврингам.

АРТ старался подбодрить уставшего от долгой ходьбы приятеля, делая частые привалы, на которых рассказывал все, что знал о встреченных растениях, камнях, обнаженных породах, скалах. И хотя они, готовясь к походу, читали об этом вместе, уставшему ЛИКу было не до того. Однако темп ходьбы АРТ не сбавлял.

Час ходьбы, 15 минут отдыха. Усталые и измученные, но с чувством победы они вышли к Бекташу только к восьми часам вечера и направились к маминей школе.

А в это время их уже разыскивали по всем окрестностям. Через несколько часов после ухода мальчиков на реку, Мамуся, ожидавшая их к обеду, и, не дождавшись внука, сама спустилась к Коксу. Но мальчиков нигде не было. Она встревожилась и обратилась к начальнику заставы. Начался их поиск в ближней зоне. Предположить, что ребята ушли далеко, никто не мог. Искали пограничники тщательно, профессионально. Даже привлекли к поиску служебных собак. Вышли к заброшенной тропе, где след оборвался у притока Коксу, который мальчики перешли вброд. Здесь поиск прекратили. Казалось совершенно невероятным, что семилетние мальчишки пойдут дальше по заросшей заброшенной тропе. Поиск перенесли в окрестности заставы, по соседним горам и дороге на Бекташ.

Начальник заставы позвонил в управление района и на погранпост в Бекташ о ЧП.

Однако наши путешественники ничего об этих поисках не знали, и были страшно удивлены, когда на пути в школу их встретил пограничный наряд, два рядовых с собакой.

Пограничники и собака мальчикам были знакомы, и они обрадовались встрече, но были озадачены восклицанием: «Наконец то, объявились, голубчики!».

Все вместе вошли в школу, где был телефон. Мама еще сидела в учительской и проверяла экзаменационные контрольные работы по алгебре выпускников 10-ого класса. Она ничего не знала о розысках сына, т. к. ее решили не беспокоить и зря не отрывать от важного дела.

Увидев столь представительную делегацию, мама побледнела. Она, прежде всего, подумала о прибытии черной вести с фронта о ком-либо из родных мужчин.

Но, подумав и взглядевшись в усталые и счастливые лица мальчиков, одежда которых была порвана во многих местах, а на руках видны были свежие царапины, Елена Моисеевна все поняла, успокоилась и строго, по-учительски, спросила: «Где же вы бродили, путешественники?»

Не уловив в строгом тоне матери металлических нот, предшествующих наказанию, мальчики наперебой, но достаточно подробно и последовательно рассказали все.

Рассказ получился эмоциональным, красочным и звучал, как красивый рассказ из книги приключений, который они только что прочли. Мама и пограничники слушали с интересом и удивлением этих очень юных следопытов. Ругать их за «подвиг» никто не решился. Позвонили командиру заставы о находке и попросили сообщить Мамусе о завершении поисков.

На заставу вернулись поздно вечером все вместе на телеге, запряженной двумя лошадьми.

И только тогда, когда наш герой ложился спать, хорошо отмытый в душе, мама очень серьезно и тихо сказала:

«Никогда больше так не делай, сын. Это очень опасно для всех и для тебя самого в первую очередь. Нужно всегда предупреждать о своих планах, прежде всего самых близких людей, чтобы они не волновались и могли помочь вовремя!».

Так в июне 1942 г. благополучно закончилось первое самостоятельное путешествие ЛИКа и его друга АРТа.

Зима 42 г. выдалась на редкость суровой. Морозы достигали – 30 С°. Дули очень сильные ветры, непривычные даже для коренных жителей этих мест.

До школы на заставе иногда приходилось пробиваться сквозь пургу, в сопровождении взрослых, а в Бекташ только на крытых санях.

Не хватало угля и дров. Совсем плохо обстояло дело с обеспечением продуктами. Пайки на заставе были сокращены до минимума. Но их выдавали регулярно. Взрослые всячески старались обеспечить детей хотя бы самым необходимым.

В конце декабря в середине дня, когда ЛИК возвращался домой из школы, была солнечная, тихая, но холодная погода. Пообедав дома, мальчик направился гулять. Он ждал своего друга АРТа, но тщетно. Идти к Аркадию домой он не хотел. Знал, что Мамуся начнет его кормить, хотя ей самой с внуком жилось голодно.

Прождав минут 30, ЛИК решил погулять в окрестном парке, посаженном пограничниками в год основания заставы «Памир-5», в 1922 году. Через двадцать лет деревья стали большими и раскидистыми, а парк – любимым местом отдыха жителей заставы.

Любил этот парк и наш герой, куда и направился побродить в послеобеденный отдых.

Неожиданно с гор налетел сильнейший порыв ветра, который чуть не сбил мальчика с ног.

Согнувшись и охватив голову руками, он смог спрятаться за ближайшим стволом толстенной арчи.

Так он переждал порыв ветра, зная, что долго дуть с такой силой ветер не будет.

Вдруг, совсем рядом, раздался сильный треск, как выстрел из миномета, и соседний тополь стал крениться, оседать и затем с грохотом рухнул на землю.

Облако веток и обломков веток пронеслось мимо мальчика, но старая арча надежно укрывала его. ЛИК ждал, когда порывы ветра ослабнут. Однако ветер все дул и дул с прежней силой.

Наконец, ветер ослаб, а затем стих также неожиданно как налетел. Мальчик решил скорее бежать домой, но одна мысль остановила его.

«Ведь это мое дерево, я первый увидел, как оно упало». Дома дров и угля почти не осталось. Это дерево им с мамой было очень нужно.

Мальчик решил остаться ждать маму или кого-нибудь, чтобы сказать, что это его дерево. Он ждал, ждал долго, долго, замерзая и обливаясь слезами, но, не желая оставить свой пост. Только в шесть часов вечера, когда уже стемнело, вернувшаяся с работы мать обнаружила сына в парке, стоящим у сваленного тополя. Мальчик весь дрожал и слезы замерзали у него на щеках.

Увидев мать, он бросился к ней с криком: «Это наше дерево! Это наше дерево! Это наше дерево! Я первым нашел его!».

Мама обняла мальчика, стараясь своим теплом его согреть. Увела домой, повторяя вслед ему: «Умница, молодец, это действительно наше дерево. Какой ты молодец, настоящий мужчина! Воин на посту!».

Дома немедленно была согрета вода, сын погружен в импровизированную ванну. Мать напоила его чаем с малиной и медом, укутала всеми одеялами, легла рядом, стараясь согреть его своим телом. Она чувствовала, что сын тяжело заболевает.

Всю ночь он горел и бредил, повторяя: «Это мое дерево! Это мое дерево! Это мое дерево!».

Утром жар не спал. Вызванный военный врач, всегда дежуривший на заставе, осмотрел и выслушал ребенка. Диагноз был однозначным: «Двусторонняя пневмония!»

Немедленно в лазарет, или в больницу в Бекташ».

Выбрали лазарет, везти мальчика в больницу по холодному воздуху в санях было опасно.

Борьба с пневмонией продолжалась месяц. О дереве мальчик не вспоминал. Но, когда однажды, вернувшись из лазарета домой, мать увидела у порога дома груды аккуратно нарубленных и сложенных дров, стало понятно, что львиную долю при дележе дерева женсовет выделил ее сыну. АРТ ежедневно навещал своего друга в лазарете, помогая готовить домашние задания, чтобы больной не отстал от класса в учебе и скорее выздоравливал.

Для того чтобы хорошо кормить сына, что необходимо при пневмонии, на рынке в Бекташе мать выменивала на продукты все ценные вещи, которые только были дома. Не спала и недоедала сама так, что теряла сознание и стала опухать от голода.

Но пухла от голода не только одна она. В эту лютую зиму, от голода пухла большая часть жителей заставы и Бекташа, где запасы продуктов кончились, а завезти их из Хорога зимой было невозможно. И только в марте, когда открылась дорога в Хорог, на заставу была завезена кормовая сахарная свекла (огромное количество) и черепахи из пустынь Узбекистана.

Именно эти экзотические продукты спасли многие жизни жителям высокогорных районов Памира, в том числе и нашего героя. Только в конце марта, благодаря крепким черепашным бульонам и отварам сахарной свеклы, он встал на ноги.

Как верно говорится в русских пословицах: «Одна беда не ходит».

Не успели залечиться душевные и физические травмы от болезни сына и голода, когда пришла большая беда. Днем, когда мать была в школе, а сын делал уроки, в дом постучал вестовой, разносивший почту. Спросил мать, но получив ответ об ее отсутствии, немного замаялся, а потом вручил пакет сыну, попросив передать матери просьбу зайти в штаб заставы распечатать. ЛИК положил пакет на стол в гостиной у вазы с цветущими веточками урюка, которые он подготовил к ее приходу из школы.

Вечером, когда мама вернулась, она сразу же обратила внимание на цветы и пакет. Сердце ее часто билось, предчувствуя беду. Усилив воли заставила себя раздеться, расспросить сына о школьных делах, поблагодарила за цветы. Только после этого ритуала, ставшего неотъемлемой частью их жизни, Елена Моисеевна взяла пакет и поднялась наверх, в спальню. Плотно закрыв дверь, она села за туалетный столик и дрожащими руками вскрыла пакет. Она уже знала его содержимое. Краткая записка из военкомата гласила: «На ваш запрос сообщаем, что ваш сын, старший лейтенант, Каган Леонид Иоханинович, пал смертью храбрых в бою за свободу и независимость нашей Родины под Лебавой в июне 1941 года. Точная дата смерти не установлена».

К этой записке прилагался аттестат на получение продуктов и льгот, как матери павшего офицера.

Мать сидела не шевелясь, как каменная. Она давно готовила себя к этой вести, но ниточки надежды на чудо оставались где-то в уголках сознания. И вот теперь они оборвались.

Нет больше сына, которого она так хотела видеть музыкантом, известным скрипачом.

У него были большие способности к музыке, как и у самой Елены. Он параллельно со школой окончил музыкальное училище, а, учась в пограничной академии, брал уроки в московской консерватории.

Мысленно она перебирала всю жизнь Леночки, вспоминая все до деталей. Его длинные тонкие пальцы, стройную тонкую и гибкую фигуру, длинные каштановые слегка выющиеся волосы, которые она так любила гладить.

Она просидела неподвижно до утра. И только в 7–00 спустилась вниз, в комнату младшего сына и подняла его.

«Пора на зарядку, сын» – с необычной твердостью сказала она. На ее черных волосах появилась первая большая седая прядь, которую с удивлением заметил сын.

«Мама, ты покрасила волосы?» – спросил он.

«Нет, сын, это жизнь их покрасила», ответила мать.

* * *

Учебный 42–43 год пролетел без ЧП. ЛИК с другом по-прежнему много времени проводили в романтическом кабинете отца АРТа, с упоением читая приключенческие рассказы и повести в старых журналах «Вокруг света», изучая карты и выбирая маршруты виртуальных путешествий.

Близилось лето 43 года, пора походов и экспедиций. ЛИК и АРТ закончили второй класс с похвальными грамотами. Правда, над русским языком нашему герою приходилось много трудиться. Мальчики завершали подготовку ко второму походу, которую начали еще зимой. В этот раз они решили пройти не вниз, а вверх по Коксу, по той же тропе, до стрелки, где сливались горные реки Чиралма и Майдонтал, давая начало Коксу.

На стрелке располагался гидрометео пост и жила семья смотрителя. Это было дикое и красивейшее место. Мамуся его хорошо знала, не раз бывала и останавливалась там еще со своим мужем. Именно она, видя серьезность увлечений мальчиков, рекомендовала им совершить поход на Чиралму.

До стрелки, по извилистой тропе было порядка 100 км, т. е. три дня перехода как минимум, при 6–7 часовых ежедневных переходах.

Для восьмилетних мальчишек это уже было суровое испытание. Кроме того, требовалось провести три ночевки на маршруте. Следовательно, иметь постельные принадлежности, запас еды на трое суток, в надежде, что едой на обратный путь можно будет запастись на посту.

С учетом всего необходимого расчетный вес рюкзаков достигал 15и кг на каждого, не считая «сабли», сделанной мальчиками из обруча, для рубки кустов и зарослей на мало используемой заросшей тропе.

План своего путешествия мальчики, наученные горьким опытом прошлого года, не скрывали от родных.

Особенно активно в его подготовке участвовала Мамуся. В конечном итоге, она решила сама принять участие в этом походе.

После окончания учебы в школе, первого июня решили отправиться в путь. Мама ЛИКа очень беспокоилась за сына, недавно переболевшего пневмонией. Но Мамуся смогла убедить Елену отпустить сына в поход, под свою личную ответственность.

И вот наступил долгожданный день.

Ранним утром 01.06.43 спустились к Коксу и медленно пошли вверх по течению тяжело нагруженные рюкзаками с провиантом. Первым шел АРТ, за ним ЛИК. Мамуся замыкала шествие.

За заставой, где заканчивалась дорога, тропа активно использовалась для прохода и проезда на лошадях и ослах к селениям, расположенным вверх по течению реки.

Поэтому, подготовленные мальчиками сабли (мечете) не понадобились к радости Мамуси и печали ее юных друзей.

Рюкзаки были тяжелые. Больше 10-и кг детям их возраста нести не рекомендовалось, а фактически получалось почти в 1.5 раза больше. А Мамуся, желая разгрузить детей, набила свой рюкзак до 20-и кг, несмотря на весьма почтенный возраст.

Шли очень медленно, строго соблюдая график движения: 45 минут ходьбы и 15 минут отдыха. В час дня, с началом жары, сделали первый долгий привал до 16 часов вечера, когда

жара начала спадать. На ночлег остановились за час до наступления темноты, т. е. в 20–30. Таким образом, за светлый день прошли 7 часов, по 4 км в час, всего 28 км.

В первый день идти было очень трудно всем. На 15-минутный отдых валились как подкошенные. Старались не пить горную воду, т. к. жажду она не утоляла, а расслабляла тело и двигаться совершенно не хотелось.

Для первого привала выбрали очень красивую песчаную косу, покрытую густым тугаем из диких фруктовых деревьев. Переведя дыхание и отдохнув в прохладной тени, искупались в заводи реки, где вода успевала прогреться, и не была ледяной, как в центральном течении. Мамуся особенно тщательно следила за ЛИКом, помня о перенесенной им болезни.

Собрали фрукты, сварили крутой и терпкий компот (сахар сэкономили), охладили его в реке и только тогда напились «до ушей». Дневной продолжительный отдых в тени деревьев у горной реки – один из самых приятных часов похода.

Удалось сварить перловый суп из концентратов и говяжьей тушенки, сделать салат из взятых помидор и собранных на тропе горного лука, чеснока и кислятки (стебли гигантского горного лопуха). Отдохнув и утолив жажду, принялись за обед.

Воистину, аппетит приходит во время еды. Все, что было приготовлено, съели без остатка, хотя в первый час привала хотелось только пить, а о еде даже думать не могли.

Теперь наступило время послеобеденного сна. Расстелив кошму на песке, чтобы отпугнуть грозных ядовитых насекомых (скорпионов, каракуртов, фаланг) и змей, уснули крепким сном. И когда Мамуся, проснувшись первой, начала будить мальчиков, они долго не могли прийти в себя. Только к 10–00 снялись с привала и продолжили путь вверх по реке. Первые полчаса шли очень медленно, постепенно отходя от крепкого ночного сна. Но затем пошли быстрее по мере того, как становилось прохладнее. К 20–00 стало очень прохладно. На очередном 15-и минутном отдыхе пришлось даже надеть шерстяные свитера. В горах климат резко континентальный. Летом, днем жарко, а ночью очень холодно.

На ночлег выбрали ровную площадку повыше от воды. Набрали хвороста и пару толстых сухих стволов деревьев, вынесенных на берег бурной рекой во время майского половодья и ливней. Разожгли костер. Толстые стволы деревьев сложили в центре костра под острым углом, чтобы горели всю ночь, сохраняя тепло и огонь.

Подготовили сухую траву для подстилок и разровняли камни на площадке. Большие камни из гранита положили в костер, чтобы они раскалились. Приготовили ужин, гречневую кашу из концентратов и тушенки, салат и чай со свежесобранными пахучими травами и веточками лимонника. Поставили легкую палатку – гималайку. Камни у костра разложили полукругом так, что его выпуклая сторона была направлена к реке, откуда уже ощутимо тянул холодный воздух.

Камни закидали травой и хворостом и подожгли, чтобы сохранить тепло на всю ночь.

Теперь можно было укладываться спать, либо в палатку, либо у костра рядом с горячими камнями и горящими бревнами, где было тепло и уютно.

Мальчики выбрали костер, и Мамуся расположилась с ними, не решаясь оставить их одних в первую в их жизни ночь у костра.

Все оделись в байковые костюмы, расстелили кошму и шерстяные одеяла на собранную траву и сухую хвою арчи и, накрывшись второй половиной одеял, попытались заснуть.

Но это оказалось совсем не легким делом. Даже сильная усталость после первого трудного перехода не усыпила их. Мальчики широко раскрытыми глазами смотрели на огромные яркие звезды на черном небосклоне, разрезаемом на две части млечным путем. Они прислушивались к каждому шороху, каждому крику ночных птиц и зверей.

Им было тревожно и радостно от широты и таинственности огромного мира, открывшегося перед ними.

А Мамуся тоже не спала, вспоминая свои многочисленные походы с мужем по горам и равнинам Средней Азии.

Только поздно ночью сон победил разыгравшиеся воображения путешественников, и они уснули. Июньские ночи коротки. Бабушка проснулась первой, подбросила веток в тлеющий костер, и отправилась умываться к реке. Мальчики крепко спали, с головой завернувшись в одеяла. Когда она вернулась, костер уже пылал. Приготовить завтрак ей не составляло труда, но она решила научить своих юных подопечных походной жизни. В 8–00 разбудила мальчиков, которые с большой неохотой просыпались. Но, вспомнив, где они находятся, ребята сбросили одеяла и побежали к реке умываться. Их счастливый звонкий смех был слышен сквозь шум реки.

«Теперь будем готовить завтрак», сказала Мамуся мальчикам, вернувшимся бодрыми и радостными.

«Что будете есть?».

Решили сварить перловую кашу из концентратов и чай с травами.

«Первым готовит Аркаша, а посуду мыть будет Когушка», так бабушка ласково называла нашего героя.

Походная жизнь потекла по строгому расписанию.

На третий день идти было значительно легче, хотя утром все мышцы ног болели и ныли.

Дневной привал провели опять в лесных зарослях у Коксу. Здесь впервые увидели горных коз, спускавшихся к реке на водопой. Бабушка сделала их фото своей старинной «лейкой».

За день прошли 30-ть км и остановились на ночлег в мрачном ущелье, с отвесными скалами по обоим берегам реки. Подготовили площадку для ночлега и разожгли костер. Ужин приготовили быстро и еще быстрее съели его.

Но спать не хотелось. Еще было светло. АРТ, руководствуясь наставлениями «Справочника путешественника» Обручева, решил пройти по тропе вверх и внимательно оглядеть нависающие над местом ночлега скалы. ЛИК последовал за ним. Пройдя минут 15, они увидели сверху, что над самой их площадкой нависает огромный валун, готовый сорваться вниз при малейшем толчке или порыве ветра. Снизу, с площадки, где они остановились, валун был не виден.

Бегом спустились к месту ночлега, где Мамуся уже расстилала кошму.

«Нужно немедленно покинуть это опасное место. Прямо над нами висит валун!», сказал Аркадий.

Бабушка колебалась.

«Уже темно, куда же мы пойдем?» ответила она. Но АРТ настаивал. Мамуся нехотя согласилась.

«Этот валун может здесь провисеть еще сотни лет», думала она.

Но плохой пример детям подавать не хотелось. Пришлось наскоро собирать рюкзаки и почти час идти в потемках, пока нашли безопасное место стоянки. Разжигали костер в темноте. Однако техника безопасности восторжествовала.

Стех пор ЛИК всегда и везде, прежде чем останавливаться «на ночлег», внимательно изучал место и окружающих его людей, и смотрел, нет ли «валуна», способного упасть ему на голову?

Рано утром бабушка разбудила мальчиков. Было очень холодно, так как костер, подготовленный наскоро, погас. Одевшись во все, что было теплого, вновь разожгли костер, выпили терпкий чай на горных травах и продолжили путь. День прошел строго по расписанию. Прошли 30 км и только вечером, на четвертый день пути, добрались до конечной точки намеченного маршрута.

В лучах заходящего солнца красота этого места очаровала всех троих.

Узкое ущелье Коксу здесь расширилось и превратилось в долину, окруженную горами, покрытыми лесом в низовье и альпийскими лугами наверху. Вдали над ними возвышались снежные вершины Южно-Аличурского хребта.

Две небольших горных речки Чиралма и Майдонтал сливались здесь, давая начало полноводной голубой горной реке Коксу.

Над образовавшейся в месте слияния рек песчаной косой (стрелкой), на высокой скале, на берегу Майдонтала, стоял небольшой дом, сложенный из камней красного гранита и серого гнейса, с высокой треугольной крышей.

В окнах дома отражался розовый солнечный свет и приветливо манил уставших путников.

Спустились к стрелке почти в сумерках. Поднялись по тропе к дому. К ним на встречу вышла огромная серая казахская овчарка. Она не лаяла, не рычала, а уверенно шла гостям навстречу, слегка покачиваясь на толстых лапах и высоко подняв свою огромную мохнатую голову. Когда они сблизились, собака преградила тропу, внимательно наблюдая за пришедшими. Путники остановились в нерешительности.

АРТ повелительно скомандовал собаке: «Вперед, домой!».

К удивлению бабушки и ЛИКа огромная овчарка медленно развернулась и пошла к дому, ведя за собой пришедших путников.

К приходу гостей в доме все было готово. По рации на пост заранее передали о визите матери и сына их уважаемого начальника Туманова Николая Павловича. И хотя время было военное, но на посту «Майдонтал-1» мало что изменилось. Здесь все было свое, натуральное, собственного хозяйства. На посту жила дружная семья бывшего сослуживца Н. П. Туманова еще по царской армии, капитана-картографа Ржевцева Виктора Игнатьевича. В бурные революционные годы, за отказ перейти на сторону Красной армии, ему угрожала смертная казнь. Чтобы избежать наказания, Ржевцев с молодой женой и сыном бежал из Петербурга в Ташкент, где его приютил их бывший начальник Туманов Н. П., возглавивший после революции гидрометео службу Средней Азии. Он и направил Ржевцева на дальний метеорологический пост, на Памир, убрав своего сослуживца подальше от глаз ЧК.

За 23 года отшельнической жизни на Памире и в других местах Средней Азии, семья Ржевцевых увеличилась до 9-и человек. Сейчас в 43 году отец и два старших сына сражались на фронтах войны, остальные члены семьи жили здесь, на стрелке.

Громко постучавшись в дверь, путники попытались ее открыть, но грозный рык пса остановил их. Пес поднялся на задние лапы, уперся в дверь передними и залаял. На стук и лай пса спустился к двери мальчик лет 13 и открыл незапертую дверь.

«Здравствуйте, мы вас ждем», сказал он.

Усталое, но счастливое достижением конечной цели трио «вольных туристов» вошло в полутемную прихожую. Туда по лестнице уже спускалась вся семья живущих здесь на стрелке Ржевцевых, во главе с пожилой, сухощавой, загорелой и седой женщиной Марией Васильевной.

Обе пожилые женщины, чем-то похожие друг на друга, радостно обнялись, и Мамуся сказала: «Принимай моих птенцов, Маша!».

Пятеро детей Ржевцевых уже спустились в коридор и начали знакомиться с прибывшими, помогая гостям разместиться.

Мамусю Мария Васильевна взяла в свою комнату, а мальчиков разместили на чердаке в стоге свежего сена, аромат которого разливался по всему дому.

Несмотря на поздний час, наших мальчиков запустили в заранее истопленную баньку, где под хохот и шутки хозяев отмыли и пропарили до косточек. Затем попарились Мамуся с Марусей. И только после этого традиционного на посту церемониала, вся большая и дружная семья уселась за стол, обильно уставленный уже забываемыми на заставе яствами: плов, свежайшие лепешки, виноград, яблоки, урюк, дикий миндаль. От такого изобилия еды у изголодавшихся

на заставе детей и у Мамуси слюнки покатались по губам. Почти в полной тишине под улыбки хлебосольных хозяев началось застолье, которое завершилось чудесным авторским, ржевцевским чаем на травах с натуральным сотовым медом. Такой царский прием трудно было себе представить в военное время.

На свой чердачный сеновал мальчики карабкались с трудом, так тяжел был груз съеденного за столом ужина.

Аромат свежих трав, усталость от трудного четырехдневного перехода «Памир-5» – «Майдонтал-1», банька и царский пир сделали свое дело.

Только коснувшись головой подушек, набитых соломой, мальчики крепко уснули на ароматном сеновале. Даже сильнейшая гроза с взрывами грома прямо над головами и ярким блеском молний, громкий стук ливня по крыше и в окна чердака, не могли помешать им видеть блаженные сны.

Поздно утром следующего дня мальчики проснулись. Новые друзья повели их на стрелку купаться.

Ржевцевские мальчики были на несколько лет старше гостей. Они старались опекать их самым лучшим образом.

На широкую песчаную стрелку, крайне редкое явление для верхнего течения горных рек, белые воды Чиралмы нанесли чистейший кварцевый песок, размытый ею где-то в верховьях.

Одно время здесь селились золотари, стараясь намыть драгоценный металл. Но потом отложения россыпного золота истощились, и промысел был заброшен.

А вот, купаться и загорать, на стрелке было чудесно. Здесь отсутствовали острые камни, водовороты, стремнины. Можно было смело нырять и плыть, пока не замерзнешь, хотя и вода здесь на меляке была гораздо теплее, чем в каждой из рек.

Хозяева с гордостью показывали наилучшие места для купания и личным примером вдохновляли гостей на пляжные подвиги. Веселью, шалостям и играм не было конца.

Вернулись домой только к двум часам дня, когда яркое горное солнце грело нестерпимо, и было жарко даже у горной реки. Дома уже ждал накрытый стол.

Хорошая еда не давалась Ржевцевым даром. Приходилось для этого упорно трудиться всей семьей. Держали коров, овец, коз, курей, уток. Распахивали земельные участки для посевов пшеницы и ячменя. Даже рис удавалось вырастить в искусственно созданных ими чеках на низких участках в пойме Майдонтала.

Трудиться с этим обширным хозяйством приходилось всем круглый год. Благо никакими налогами они не облагались, пользуясь привилегией для смотрителей гидрометеостанций. В военные годы иметь такие продукты как на станции было фантастикой. Мальчики и бабушка старались есть умеренно, понимая каким тяжким трудом дается этот дорогой рацион. Но после голодных месяцев жизни на заставе, удержаться было трудно.

Еда и жизнь здесь казались райскими.

30 дней на посту «Майдонтал-1» пролетели очень быстро. Мальчики подружились с юными Ржевцевыми («Ржевцами») и узнали много нового об автономной жизни в горах.

Такая жизнь им казалась наиболее романтической, полной неизвестности и героизма. К своим новым друзьям на стрелке они относились с уважением, как к взрослым, так как могли узнать от них много полезных вещей для самостоятельной жизни в горах, к которой они подсознательно уже стремились. Здесь им все нравилось. Но пора было возвращаться на заставу, домой, где ЛИКа с волнением ждала мать. И хотя она регулярно получала радиogramмы с поста, передаваемые на заставу, где сообщалось о полном благополучии ее сына, все равно она сильно беспокоилась. Ведь для нее добровольная бродячая жизнь туристов, геологов, моряков, артистов и прочих бедолаг была нонсенсом.

Е. М. серьезно беспокоилась за судьбу своего младшего сына, «попавшего под Аркашкино влияние», или точнее под влияние этой необычной, независимой и самобытной семьи Тумановых.

Как ни старались мальчики отодвинуть день расставания, но он наступил. Вечером накануне, все вещи были тщательно уложены в рюкзаки, проверено все снаряжение и провиант.

АРТ и Мамуся к этому относились очень серьезно и требовательно.

Мария Васильевна заставила Мамусю взять у нее как можно больше продуктов так, что рюкзаки опять были тяжелеными.

Ровно в 6–00 утра 21 июля 43 г. наши путешественники распрощались с чудесным местом и добрейшей семьей Ржевцевых, и пошли вниз по Майдонталу, а затем по Коксу.

Первые три километра их сопровождали старшие сыновья Ржевцевых, затем почетный караул был снят и вернулся домой. А наше трио продолжило путь, все дальше и дальше, удаляясь от гостеприимного гидрометео поста.

Вниз идти было значительно легче, несмотря на тяжелые рюкзаки. За время жизни на «Майдонтале-1» ребята, и даже бабушка, значительно окрепли, отъелись и теперь легко проходили по 30–35 км в день.

Возвращение на заставу прошло спокойно. Привалы чередовались с переходами и ночевками. Одну из ночевок провели у стана киргизов, перегонявших стада баранов и коз из долин на верхние горные пастбища (Алатау). У пастухов вдоволь напились айрана, кумыса, и наелись свежими бараньими шашлыками, взамен оставив почти весь имевшийся запас пресованного зеленого чая. На прощанье их одарили большим пакетом с твердыми, как камень белыми шариками пресованного сыра (кант), которые приятно было сосать во рту как кисло-сладкие конфеты-леденцы. Кант прекрасно сохраняется и утоляет, и жажду, и голод.

Поздним вечером 04.07.43 путешественники счастливые и гордые, полные сил после 100 км. перехода и 45и дней жизни на гидрометео посту, благополучно вернулись домой.

Зашли к Тумановым, выпили чай и, немного отдохнув, отправились домой к нашему герою, которого с нетерпением и тревогой ждала мать.

Удивительное дело, но ЛИК возвращался домой без радости, с какой-то непонятной ему глубокой тоской об оконченном походе, о чудесно проведенном времени, о настоящей жизни, полной приключений.

Но, когда Мамуся в целости и сохранности вручила ЛИКа матери, на его лице появилась счастливая радостная улыбка.

Хорошо возвращаться, когда тебя дома ждут любящие и ласковые руки матери, в объятиях которой он очутился сразу же, перейдя порог родного дома.

Е. М. нашла сына окрепшим, поправившимся и повзрослевшим, а главное полностью счастливым. И ее сердце переполнилось радостью за сына и тревогой за себя.

Бродячая жизнь, так манящая младшего сына, ее пугала.

Эмоциям от похода не было конца в течение месяца после возвращения домой.

Мальчик буквально взахлеб рассказывал об увиденном, пережитом, новом, что удалось узнать в походе. ЛИК оказался интересным рассказчиком, хотя чувствовалось, что местами он фантазирует.

Осенью, когда ребята возобновили занятия в школе, на первых уроках русского языка учительница попросила каждого из учеников 3-его «А» класса рассказать о наиболее интересных событиях прошедшего лета. Лучшим был признан рассказ нашего героя о походе по Коксу, до ее истоков, занявший почти два урока.

Евдокия Алексеевна потом сказала матери ЛИКа, что у него есть определенные литературные способности, которые желательно развивать, но пишет он крайне медленно и безграмотно.

Полетели учебные дни, очень похожие один на другой. Из тринадцати одноклассников ЛИК дружил только с Аркадием. Они все больше и больше времени проводили вместе в кабинете отца АРТа, в кратких походах вокруг заставы, в играх в путешественников, индейцев, охотников за трепангами, крокодилами, слонами и прочее.

Чтение старых журналов «Вокруг света» давало необъятные просторы для детской фантазии. Кем только они себя ни воображали?

Учились мальчики хорошо, но без любви и вдохновенья. Все это оставалось за пределами школы. АРТ избегал шумные большие детские компании и постепенно привил эту привычку ЛИКу. Однако, наш герой всегда был открыт и дружелюбен для всех ребят, что не нравилось Аркадию и вызывало в нем снисходительное отношение к другу.

Казалось, что трагические события ВОВ не касаются мальчиков. Бурная фантазия переполняла друзей, и они жили в своем придуманном внутреннем мире.

Но жесткая действительность врывается в их выдуманный мир.

23 октября 43 г. ЛИК поздно вернулся домой от АРТа. Так бывало часто, и мама, сама поздно возвращавшаяся с работы, была рада, что сын находится под надежным присмотром Мамуси у Аркадия.

Войдя в дом, он сразу же почувствовал неладное. Мама сидела в темной столовой совершенно неподвижно, уставившись невидящим взором в стену, на которой висел ее портрет вместе с сыном Генрихом, одетым в военную форму. Мальчик подошел к матери и крепко обнял ее, пытаясь вырвать из этого кошмарного столбняка.

Он долго так стоял, прижимаясь к матери и обнимая ее. Было ясно, что случилась беда, непоправимое несчастье, иначе привести мать в такой транс было невысказано.

Наконец, мама приподняла голову, ее тело приняло естественную позу, и она тихо сказала:

«Нет больше Геночки с нами, сынок».

Затем поднялась наверх, в свою комнату и плотно закрыла дверь.

Мальчик знал, что ее тревожить нельзя. Он подогрел ужин, и сам уселся за столом в столовой, вглядываясь в портрет брата с мамой. Брату на портрете было не больше 16-и лет, а мама выглядела совсем молодой, с вьющимися локонами. И вот теперь Генриха, младшего из старших братьев, нет, нет и среднего брата Леонида...

Хотя он плохо знал и мало видел своих старших братьев, но теперь понимал, что ни Ленью, ни Гену уже не увидит никогда. Было очень жалко братьев, маму и себя. Хотелось расплакаться, но уже зарождавшаяся мужская гордость не позволяла этого сделать, и поэтому становилось еще больнее на душе.

Так в тяжких раздумьях ЛИК и уснул прямо за столом.

* * *

Зима 43 г. была мягкой. Метели и жестокие морозы редко налетали на заставу.

ЛИК иногда отправлялся бродить один, т. к. начитавшись об одиночных путешествиях американца Пири к северному полюсу, мальчики начали подготовку к выполнению одиночных походов.

В воскресенье утром он отправился покататься на лыжах в парк, разбитый рядом с заставой. Ярко светило январское солнце, было тихо и относительно тепло, как это бывает в горах в солнечные дни. В парке было немного народа, все с заставы, знакомые лица. Вскоре появился и АРК.

Мальчики решили подняться по склону горы прямо над парком, где виднелись отдельные арчи, засыпанные снегом почти до вершин. Чем выше подымались, тем живописнее становились и шире открывались просторы окрестных гор, а заставка становилась все меньше и

меньше. Наконец, поднялись на самый гребень ближайшего водораздельного хребта. Отсюда открывалась панорама на соседние гребни хребтов, а вдали над ними сверкали белоснежные пики далеких вершин Памира. От такой красоты и величия у мальчиков перехватило дыхание.

Впервые они стояли на такой высоте и любовались большим миром окружающих их гор.

Подъем занял много времени, мальчики и не заметили, как солнце начало клониться к закату. Январский день короток, особенно в узких горных долинах. Первым озадачился АРТ. Застава виднелась далеко внизу. Начали немедленно спускаться. Но снег к вечеру подмерз, скольжение лыж увеличилось, и мальчики быстро набирали скорость при спуске, что было опасно. Приходилось часто останавливаться, чтобы сбить скорость.

Только в сумерках добрались до парка, а домой вернулись при свете звезд. Все обошлось на этот раз благополучно, но дома их ждала приличная головомойка от Мамуси и Е. М.

Ведь ушли они кататься на лыжах на пару часов, а пропали на весь день.

Но это было их первое самостоятельное восхождение и можно было за него перенести упреки родных, о волнениях которых они еще не догадывались.

Весной, когда пробуждаются зеленные растения и тает снег, ребята любили собирать подснежники, затем тюльпаны, маки.

В воскресенье они отправлялись в однодневный поход в ближайшие окрестности, если позволяла погода. Если погода была плохой, то проводили время в кабинете у отца АРТа.

Там был неисчерпаемый источник знаний. Особенно им нравилось изучать карты, которых в кабинете было множество, от мелкомасштабной физической карты мира, до крупномасштабных топографических карт районов Памира и Соседних районов Средней Азии, еще царского издания.

Именно эти карты и вызывали наибольший интерес. По ним пролагались маршруты будущих экспедиций.

Выбирали континент, страну, район или область (волость), город и начинали собирать о нем все сведения, какие можно было достать в кабинете, где несколько больших полок во всю стену занимали книги по географии и Большая Российская энциклопедия, или в библиотеке на заставе. Выписывали главную информацию, делали зарисовки карт и даже фотографий местных достопримечательностей. Работали отдельно и вместе, пока наконец, не получалось полное представление о районе исследований. И чем старше становились мальчики, тем интереснее получались их виртуальные путешествия.

Много лет спустя, отправляясь в дальние экспедиции, ЛИК с улыбкой просматривал детские записи о странах и континентах, в которых ему теперь действительно предстояло побывать, и с удивлением и гордостью находил в них много интересного и даже неожиданного для себя, бывалого морского бродяги, геофизика – океанолога.

Приближалось лето, мальчики тщательно готовились к очередному реальному походу.

Они решили повторить прошлогодний маршрут на гидрометео пост Майдонтал-1, но самостоятельно без бабушки. В секрете от старших, друзья изготовили самодельные пистолеты – «поджигало» и учились стрелять из них. Порох нашли в доме АРТа, пули отлили из свинца, разделив свинцовый кабель, найденный в заброшенном руднике Бекташа.

Поджигало изготовлялось из медной трубки, диаметром 10мм, длиной 200мм. Один из концов трубки подгибался и запрессовывался. В 10мм от запрессованного конца в трубке просверливалось отверстие диаметром 1мм для поджога пороха, а в запрессованной части в 5мм от конца высверливалась дырочка для гвоздика. Трубка крепилась к деревянной ручке, вырезанной в форме пистолета. Запрессованный конец фиксировался гвоздиком, вбиваемым в рукоятку, а сама трубка крепилась витками проволоки, обматываемой вокруг ложа. Вот и вся конструкция.

Для выстрела трубка набивалась порохом до половины и запрессовывалась пыжом. Затем в трубку вставляли свинцовую пулю и затыкали вторым пыжом. У запального отверстия встав-

лялась головка спички. Поджигало в полной боевой готовности. Необходимо его направить на цель, чиркнуть коробком по спичечной головке и произойдет выстрел.

Мощность такого микро фитильного ружья достаточна, чтобы пуля пробила двух дюймовую доску, на расстоянии 30-и м.

Одним словом, получалось грозное оружие, опасное как для противника, так и для стреляющего, ибо при передозировке пороха или чрезмерном усилии при закладке пули в трубку, ствол могло раздуть и разорвать, поранив или убив стрелка!!!

Но разве есть такая сила, которая остановит мальчишек, выросших среди военных, отказаться от личного оружия, даже чрезвычайно опасного. Особенно тогда, когда опасность еще не осознается.

Наши герои изготовили два поджигала, запаслись порохом и пулями, и к обороне в самостоятельном походе были готовы.

Тренировки по стрельбе и тир они устроили в отдаленном от заставы месте, в парке, стараясь не привлекать внимания старших. Стрельбы проводили почти каждый день тайно от всех, особенно от Мамуси и Е. М. Дабы сохранить тайну придумали кодовые слова для пороха (витка), пуль (бульник), спичек (кирпичик) и т. п.

Уже через месяц учебных стрельб, мальчики могли попадать в стандартную мишень с расстояния 35–40 м.

До конца учебного года было еще далеко.

«Нужно прочесть о первопроходцах по рекам Пяндж, Памир, Гент, Шахдара и их притоках Айгоинг, Майдонтал, Коксу, Угам, Чаткал», однажды предложил АРТ.

«Тогда наш поход будет началом большой экспедиции по этим рекам, которую мы будем проводить несколько лет, до окончания школы», – продолжил он свою мысль.

Такой план казался мальчикам грандиозным. Даже на глобусе он был заметен.

Начали с расспросов Мамуси. Оказалось, что еще прадед АРТа генерал Туманов, а затем дед и, наконец, отец принимали участие в экспедициях знаменитых русских путешественников – исследовавших горные районы Средней Азии: Пржевальского, Козлова, Мушкетова, Семёнова-Тяньшаньского и др.

Таким образом, мальчики почувствовали себя сопричастными с историческими географическими открытиями горных районов Средней Азии.

Для этого нужно было начать с изучения домашних архивов Тумановых, которые бережно хранили в этой семье.

Поиски начались. На заставе хранились только самые поздние документы конца 19 – начала 20-го века. Большая часть архива Тумановых оставалась в Ташкенте, где у них сохранился большой дом, в котором они жили постоянно в течение 150 лет.

А пока, главными источниками были рассказы Мамуси и книги (дневники) знаменитых путешественников, которые они нашли в библиотеках дяди Коли и на заставе.

Такое серьезное увлечение мальчиков своими «тайными» делами не осталось незамеченным куратором класса Евдокией Алексеевной. Они были совершенно равнодушными к внеклассной деятельности учеников и всячески сторонились ее. Им хотелось поскорее закончить уроки и уединиться либо в ближайших окрестностях заставы, либо в доме АРТа.

В годы советской власти, такое открытое равнодушие к коллективным делам было опасно, и преданная своему делу учительница волновалась за будущее этих романтических детей.

Однако шла война. Хотя и за тысячи километров от дома нашего героя ее отзвуки доходили и до заставы.

Очередная беда пришла в апреле. Мама получила письмо от отца, в котором он сообщал о полученном ранении, что находится в госпитале, в Ташкенте, и после выписки, возможно,

приедет домой в отпуск. Что за ранение, отец не сообщал. Но слово «в отпуск» говорило о том, что отец вернется в строй, в армию. Значит ранение не очень тяжелое.

Мама после смерти Генриха постарела, стала почти седой и суровой. Очень редко можно было услышать ее смех, но не звонкий, заразительный и счастливый, как это бывало раньше до войны, а больше похожий на плачь. Письмо о ранении мужа она встретила с двойным чувством: «Слава Богу, что жив!» и «Возможно, для него эта ужасная война закончена?». Ехать в Ташкент мама не могла. Отец находился под внимательным присмотром своих родных, и она за него была спокойна. О самом ранении думать не было сил. Лишь бы остался жив.

Мать и сын начали готовиться к встрече отца.

* * *

Отец, Йоханан Лейзерович Коэн (Коган), был старше матери на 15 лет. Он происходил из древней еврейской семьи Коэнов, которые более двух тысяч лет назад бежали из Иудеи в древнюю Согдиану, в Среднюю Азию, где сейчас располагались Узбекистан, Таджикистан и Туркмения. Местные молодые народы относились к древним поселенцам, сартам, почтительно, хотя и считали их инородцами и не мусульманами (ехудий). Однако никаких притеснений и ограничений (как евреи на западе царской России) сарты не испытывали. А для царской администрации они были одним из многих покоренных и верноподданных народов.

Отец был пятым ребенком (вторым сыном) в многодетной семье. В почтенной семье его считали хулиганом, так как он не соблюдал семейных правил и укладов.

С раннего детства курил, не ходил в синагогу, безобразничал на улицах с местной молодежью, играл в карты, плохо учился. Но он был смел, решителен, находчив и остроумен, предан семье и близким друзьям.

Как говорила Глав тётя, карманы его штанов были всегда набиты камнями и махоркой. Прекрасно ездил на лошадях верхом, и обожал их. Его отец, дед Лейзер, крутой и набожный человек, был поставщиком ахалтекинских (туркменских) лошадей в армию Его Императорского Величества. Он не любил отца за его свободолюбие и непреклонность. Однако ценил за преданность семье и смелость. Никто лучше отца не мог объездить дикого туркменского жеребца. Процесс объезда дикаря доставлял большое удовольствие и деду, и отцу.

В 16 лет отец получил ножевые ранения в уличной драке и едва остался жив. Окончил он только четыре класса еврейской (сартской) духовно – приходской школы, и больше учиться не хотел. Он много читал, особенно газеты, и, обладая прекрасной памятью и острым умом, не уступал в интеллекте образованным людям.

Говорил он четко, ясно выражая свои мысли на иврите, тюркских языках, фарси (иранском, таджикском), русском. Он был смугл, среднего роста, худощав и поджарист как большинство уроженцев Средней Азии.

В первую Мировую войну он ушел в 26 лет, подпрапорщиком в кавалерию, в Туркестанскую дивизию. Воевал, участвовал в Брусиловском прорыве, был награжден георгиевским крестом 3-ей степени. В 1915 г. вступил в партию большевиков и связал с ней всю свою жизнь. Принимал активное участие в революции и гражданской войне.

После революции был направлен в ЧК. Устанавливал советскую власть на Украине и в Средней Азии, участвовал в войне с белофиннами. Имел награды.

С Еленой Стрелец, беженкой из Польши, познакомился в 1916 г. на Украине, женились в 1918 г., и как в свадебное путешествие они были направлены на Туркестанский фронт, в Ташкент, где и проживали до 1934 года. Там у них родились три старших сына. Младший родился на заставе «Памир-5» в 1935, куда отца перевели из Ташкента в 1935 году.

Отец, для нашего героя, был любимой, но далекой и непонятной личностью. Дома он бывал редко. Появлялся и уезжал неожиданно, очень легко и просто. Мог уехать на два, три

месяца, как будто бы вышел на дневную прогулку. Но он всегда был в курсе семейных дел и в трудную минуту оказывался рядом. В обычной обстановке главной в доме, несомненно, была мать. Но стоило случиться чему-либо серьезному, совершенно незаметно все решения принимал отец, но устами матери.

Он никогда не повышал голос, не ругался и не командовал. Добрая и приветливая улыбка почти всегда была у него на лице. В военной форме сын его никогда не видел, за исключением одного раза, на торжественном собрании, посвященном дню Красной Армии в 40 г.

С младшим сыном он был особенно ласков, как и с мамой. Старших сыновей беззаветно любил и гордился их успехами. В июне 41 был направлен в действующую армию, так и не повидав жену и младшего сына, возвращавшихся в это время из поездки в Польшу.

Именно благодаря своевременному вмешательству отца, мать и сын остались живы, в самую последнюю минуту перед началом войны выехав из Польши.

И вот, после двух лет разлуки им предстояло встретиться вновь. Собственно, и дата приезда была неизвестна, и особых приготовлений не могло быть, но приятное напряжение, как в ожидании большого праздника, как например, нового года, уже наступило.

Наш герой хорошо учился, а в месяц до приезда отца старался получать только «пятерки».

Весь класс и учительница знали об ожидаемом приезде отца ЛИКа. Многие из соучеников, у которых отцы были на фронте, даже завидовали.

АРТ к приезду отца ЛИКа предложил завершить альбом об их летнем путешествии на «Майдонтал-1». Торопились проявить все фото, делали зарисовки и выписки из книг и дневников знаменитых путешественников по этим краям, записывали свои воспоминания. Тетрадь – дневник получилась толстенная и красочная.

Отец приехал, как всегда, без предупреждения и несмотря на то, что его ждали, неожиданно.

На заставу уже пробили автомобильную дорогу, и он приехал на штабном газике. Одет был в полевую военную форму сотрудников НКВД. Черная борода закрывала шрам на его лице, левый глаз был закрыт черной повязкой. Он приехал утром, когда и жена, и младший сын были в школе. Открыл дом своими ключами, просил не срывать с уроков жену и сына, проезжая проходную заставы. У дома его с великой радостью встретила старая Альфа. Отец зашел в дом и сел за столом в столовой, где висели портреты сыновей Леонида и Генриха с матерью. Долго смотрел на эти портреты, не шевелясь. Затем перешел в кухню, распаковал свои нехитрые пожитки и выложил продукты, полученные на дорогу в госпитале. Поставил разогреть чайник на плите и поднялся наверх. В шкафу выбрал домашний костюм и отправился в душ. Казалось, что он вернулся с короткой прогулки, так безошибочно и точно он действовал в родном доме, где не был два года. Согрев воду и приняв душ, отец переоделся в спортивный фланелевый костюм, свернул козью ножку, набил ее махоркой и присел к столу на кухне, заваривая крепкий чай. Он развернул привезенные газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда» и принялся ждать сына и жену, перелистывая страницы газет.

В 12–30 в дом влетел сын. По незапертой двери и поведению Альфы он понял, что дома отец. Оставив портфель в прихожей и быстро сняв верхнюю одежду, побежал в столовую, а затем на кухню. Ему на встречу шел отец, улыбаясь и раскрыв руки для объятий.

От неожиданности и совершенно незнакомого вида отца, мальчик остановился, перевел дыхание и, убедившись, что это действительно его отец, бросился к нему в объятия.

Отец высоко поднял сына на вытянутых руках и сказал:

«Какой же ты стал большой и тяжелый, Кебан. Скоро я тебя и поднять не смогу. Совсем юноша!».

Потом с трудом опустил сына на пол, крепко обнял и расцеловал.

Сын приглядывался к незнакомой внешности отца. Черная повязка на правом глазу и черная борода делали его похожим на пирата Джона Сильвера. Но он чувствовал, что огромная доброта, забота и теплота исходят от него так же, как это было прежде. Да, это был его отец.

Сели пить чай с американской сгущенкой и печеньем, привезенными отцом.

Сын старался быть серьезным и взрослым, хотя радость распирала его. Хотелось броситься отцу на шею, обнимать, баловаться. Но он уже был «большой и тяжелый» и должен был вести себя соответственно.

И сын начал рассказывать обо всем, что произошло с момента как, они расстались:

О поездке в Польшу,
О войне и возвращении домой,
О жизни на заставе,
О голоде в зиму 42,
Об учебе в школе,
О своем лучшем друге Аркадии Туманове,
О Мамусе и походах,
О маме и ее жизни.

Рассказу не было конца. Мальчик не мог остановиться. А отец внимательно слушал и не перебивал, не задавал вопросов и только сердцем чувствовал, что происходило с его женой и сыном за эти два суровых года войны. Понимал, как легко их мог потерять так же, как потерял двоих любимых старших сыновей. Он сидел неподвижно, глядя куда-то вдаль. Иногда сыну даже казалось, что отец его не слышит.

Но как только он хотел остановиться, немедленно встречал полый внимания и любви взгляд отца, и продолжал рассказ.

Так продолжалось несколько часов, пока мальчик не остановился. Отец поднял на него вопросительный взгляд.

«Мама», тихо сказал сын.

Отец повернулся, в дверях в кухню, где вот уж несколько часов он слушал исповедь сына, стояла неподвижно, прислонившись к стене, его Елена, любимая жена, мать его четырех сыновей.

Отец встал и обнял мать, не говоря ни слова. Так они стояли молча несколько минут крепко прижавшись друг к другу. Затем отец помог маме снять пальто, и они все втроем уселись за праздничный стол, на который поставили все, что было в доме самое вкусное.

Теперь очередь рассказывать была матери.

Но говорить ей было трудно. За каждым словом стояли боль и переживания, скрываемые все это время от сына.

О гибели старших сыновей вообще не говорили ни слова. Но каждый из родителей чувствовал их присутствие рядом, и от этого боль потери становилась невыносимой.

По сути дела, мать повторила рассказ сына, с небольшими нюансами, которые ему не могли быть известны.

Далеко за полночь, проведив заранее сына спать, родители продолжали тихо беседовать.

Не одна чашка чая была выпита, не одна горькая слеза матери пролита.

Отец слушал и слушал. И только тогда, когда он почувствовал, что главное уже сказано, он прошел с женой наверх в их спальню. Два года войны могут быть эквивалентны десяти годам разлуки в мирное время. И родители это чувствовали, пытаясь помочь друг другу преодолеть стену, выросшую за эти два года. Они долго лежали молча, держась за руки и стараясь унять тревогу и боль от долгой разлуки. Пережитое мешало физической близости. Только под утро они уснули, каждый в своем мире надежд и ожиданий.

Школьный день начинался с 8–30, и сыну нужно было встать в 7–00, чтобы выполнить все утренние процедуры. Мама и отец уже были на ногах. Отец всегда спал очень мало, сегодня проснулся раньше всех, подбросил угля в голландскую печь, разогрел воду.

Он понимал, что его семья несравненно лучше устроена, чем миллионы других семей, находящихся в оккупации, вынужденных беженствовать, покинув родные дома.

Но и его семье приходилось не сладко. Хотелось им чем-то помочь, защитить, побаловать. Но война – суровое испытание для всех.

Отец был счастлив видеть своего младшего сына здоровым, возмужавшим и полным детского и даже юношеского задора и романтизма. Его дружба с семьей Тумановых очень радовала отца.

Он знал давно и уважал эту дворянскую, гордую, образованную и воистину интеллигентную русскую семью, с которой Каганов связывали долгие годы соседства, взаимопомощи и взаимоважания в течение трех поколений.

Началось с прадеда АРТа, который во времена царского завоевания Бухарского эмирата, спас от верной казни деда отца, т. е. прадеда нашего героя.

Прадед служил в казначействе бухарского эмира. Был по доносу обвинен в казнокрадстве, и ему угрожала смертная казнь. Но генерал-губернатор Бухары, Петр Туманов, который должен был утвердить приговор эмира, поверил рассказу казначея – сарта, отложил казнь, назначил новое разбирательство, доказавшее невиновность Симона Кагана, и спасшее ему жизнь.

Неоднократно пути Тумановых и Каганов, коренных жителей Средней Азии, пересекались на протяжении почти 150 лет.

Последнее было в Елизаветограде на Украине в 1917, когда разъяренные солдаты хотели расстрелять боевого царского офицера, за то, что он не желал снять погоны и награды и перейти служить в Красную армию. Комиссар полка Йоханан (Иоанн) Каган, отстоял царского полковника, картографа – геодезиста Николая Павловича Туманова, поручившись за него. И вот четвертое поколение Тумановых и Каганов вместе смело входит в большую жизнь.

Проводив сына и жену в школу, отец включил радиоприемник ФЭД и начал последовательно прослушивать новости из Москвы, Лондона (ББСИ), Анкары, Тегерана, Ташкента, Кабула.

Он легко понимал языки этих радиостанций и умел синтезировать информацию так, чтобы получить реальную картину событий на фронтах ВОВ. Шла весна 43. Сталинградская битва была в полном разгаре. Слово Сталинград звучало на всех языках.

Но отцу сейчас, как и ранее, с самого начала ВОВ, было ясно, что фашизм будет побежден. Но сколько еще жизней замечательных молодых людей потребуется для этой победы???. На фронте сейчас сражался его самый любимый и самый старший, первенец Семен. Как сложится его судьба, гвардии капитана бронетанковых войск, брошенных сейчас под Сталинград?

Отец с раннего детства был безбожником, атеистом, затем коммунистом. Но, думая о старшем сыне, он ловил себя на мысли, что готов молить Господа, Аллаха, Иегову, Будду, Христа спасти жизнь старшему сыну.

В 12–00 вернулся из школы самый младший сын. Он бегом возвращался домой, чтобы скорее увидеть отца. В руках он держал толстенный альбом – дневник о походе 42 г. на «Майдонтал-1».

Едва открыв дверь дома, он позвал отца, и после приветствия, вручил ему этот альбом. «Это наш тебе подарок, папа» – с гордостью сказал он.

Отец с большим интересом взял альбом и стал изучать его содержание. Удивлению, восхищению и гордости за младшего сына и его друга Аркадия у Йоханана не было границ.

«Какие же вы молодцы, какие же вы умницы, какие же вы замечательные натуралисты – путешественники!» с восторгом повторял он, перелистывая страницы альбома.

Забыв об обеде, отец и сын читали дневник, рассматривали фото и зарисовки, выполненные АРТом и Мамусей. Мальчик непрерывно комментировал и дополнял написанное, сфотографированное и зарисованное. Смотреть на сына, чувствовать его волнение и энтузиазм, его радость от познания окружающего мира было для отца большим счастьем.

Так они просидели вместе несколько часов, до прихода мамы.

Когда Е. М. вошла и увидела мужа и сына за альбомом, о подготовке которого она много раз слышала, она прослезилась. В это военное время такую мирную домашнюю идиллию мать могла видеть только в своих мечтах или во сне.

Она отдала отцу, вставшему ей на встречу, свой тяжеленный портфель, набитый тетрадками, скинула пальто, и все трое отправились на кухню приготовить обед.

Теперь настала очередь отца рассказать о своей жизни за прошедшие два года.

Он был краток, т. к. о своей работе всегда говорил очень скупно. Зато охотно рассказывал о событиях, в которых принимал участие, и о людях, с которыми встречался и воевал.

Он не мог многое рассказать, что действительно ему приходилось видеть и делать.

После отъезда из заставы в Ташкент, в штабе округа он был направлен в войска Ленинградского фронта, где, как и во всей армии царили неразбериха и паника в связи со стремительным продвижением немцев вглубь страны. Только приезд Маршала Жукова, приказ Сталина: «Ни шагу назад!» и создание заградительных отрядов (СМЕРШ) позволили прекратить панику и остановить немцев на самых подступах к Ленинграду и Москве.

В наших частях оказалось мало профессиональных военных после чисток 36–37 г.

«Много патриотизма и мало умения и специальных знаний в армейских частях», сказал отец.

«Отсюда и просчеты крупных военных начальников разных рангов, полученных не по заслугам, знаниям и опыту, а по личной преданности вождю».

Справиться с этим удалось только к началу 42 года, когда отбросили немцев от Москвы, благодаря сибирским и дальневосточным дивизиям, хорошо обученным на опыте Халкингола и прекрасно экипированным для ведения войны в суровых зимних условиях. Но 42 был самым тяжелым годом по потерям.

Отец остановил рассказ, вспоминая Генриха, Леонида.

После паузы начал рассказывать об отдельных эпизодах войны.

В его рассказах немцы выглядели не дураками и сумасшедшими, как их показывали в прессе и военных фильмах тех лет, а как прекрасно обученные, дисциплинированные офицеры, генералы, солдаты, отлично экипированные и вооруженные лучшей военной техникой.

Он не мог при патриотическом воспитании младшего сына говорить о том, как под Москвой и в других крупных городах ополченцам выдавали одну старую трехлинейку на троих. Как косили из пулеметов свои отступающие части заградительные отряды, как горели наши фанерные самолеты и «картонные» танки.

Только в 42 г. с поступлением американской и английской техники и продовольствия по ЛЕНДЛИЗУ, с перестройкой всей промышленности страны на военные рельсы, появились первые «Кобры» и «Студебекеры», «Яки» и «Лавочкины», лучшие танки Т-34 и знаменитые «Катюши». Армия становилась хорошо вооруженной и обстрелянной.

Слушая внимательно эти общие рассказы, сын прямо спросил отца:

«Папа, а ты сам убивал фашистов?».

«Да, пришлось» – с горечью ответил отец. Этот ответ показался сыну странным, но просить рассказать подробно он не решился.

К удивлению слушателей, отец неожиданно перешел к рассказу о жизни в военное время у наших соседей в Афганистане, Турции, Иране. О том, что эти страны спокойно и хорошо живут и не вступят в войну на стороне Германии, пока немцы не возьмут Сталинград, Баку, Грузию и Армению. А этого немцам сделать не удастся никогда.

Большой кровью и огромными жертвами мы остановили панику и неразбериху на фронтах, теперь остановили немцев под Сталинградом и погоним их домой, в Германию.

«Наше дело правое!», повторил крылатую фразу отец, взглянув серьезно на сына.

«Мы победим!», завершил ее сын.

Быстро пролетело время отпуска. Отец побывал у Тумановых и в семьях всех своих сослуживцев на заставе.

Так же как буднично приехал, так же легко и уехал, наскоро простившись с сыном и женой, как будто уезжал в кратковременную обычную командировку, а не на фронт. И вновь они остались одни.

2А класс закончил учебу 20 мая 43. К этому моменту АРТ и ЛИК полностью подготовились к самостоятельному походу на Майдонта-1.

Даже поджигала были обстреляны и снабжены порохом и пулями. Мальчикам было 8 и 10-лет. У коренных жителей Средней Азии это был уже серьезный возраст для подростков, почти юношей. А для европейцев это был еще детский возраст. Поэтому самым сложным было уговорить мать ЛИКа и Мамусю отпустить мальчиков в самостоятельный поход на целый месяц, как они предполагали. Предварительные беседы оканчивались отрицательными результатами. Женщины не доверяли им их собственные жизни.

Но это мальчиков не обескураживало. Было принято решение идти в любом случае, но об уходе сообщить после выхода в путь. Выход был назначен на 01 июня 43 г.

Все походные вещи собрали дома у АРТа. ЛИК изредка ночевал у Тумановых, и его предупреждение, что он останется на ночь у Аркадия, у матери не вызвало тревоги. Тем временем мальчики заранее собрали рюкзаки и вынесли их к берегу Коксу, спрятав в потаенном месте. 31.05 они провели дома у АРТа в отцовском кабинете, сверяя маршрут с крупномасштабной картой окрестностей заставы Памир-5, найденной в кабинете Николая Павловича. Здесь же они сочинили подробное письмо Е. М. и Мамусе, о своем походе и просили их не сердиться и не волноваться. Указали срок возвращения 01.07.43. Письмо положили на видное место в гостиной, и ранним (6–00) утром 01.06, когда Мамуся еще спала, отправились в путь, спустившись к Коксу прямо с тыльной стороны заставы. Шли они без вещей, поэтому их появление и спуск к реке не вызвал никаких подозрений у пограничного дозора на заставе. Раннее утреннее купание в реке было обычным для мальчиков.

Из тайника достали рюкзаки и перкалевую палатку – гималайку, взвалили все снаряжение на свои хрупкие плечи, и поход начался.

Путь был знаком, но за год тропа местами густо заросла держидеревом и ежевикой так, что приходилось останавливаться и браться за маленький походный топорик.

Первые несколько километров шли очень медленно, часто останавливались на короткий привал. В 12–00 выбрали место для дневного отдыха. Здесь река разбивалась на несколько русел, проходящих по небольшой плоской котловине, заросшей тугаем.

Выбрали открытую поляну рядом с небольшим озерцом, под кроной деревьев. Расстелили палатку и поверх нее положили одеяло из верблюжьей шерсти.

Разожгли костер, сварили первый брикет супа-пюре горохового и компот из собранных яблок и слив. Перед обедом искупались в найденном озерце, где вода была почти теплой, и плотно пообедав, заснули сном праведников.

Усталость 5-и часового перехода с тяжеленными рюкзаками и волнения, связанные с подготовкой похода, и побегом, сделали свое дело. Мальчики проспали до 17–00 вечера. До темноты оставалось еще 5 часов. Решили продолжить движение. Но далеко не ушли из-за усталости первого дня пути. Вечерело, когда решили остановиться на ночлег.

Выбрали ровную площадку у реки, покрытую песком. Собрали побольше хвороста и высохших стволов небольших деревьев, вырванных и принесенных сюда в период весеннего

паводка реки. Подготовили место для палатки, расстелив на песок сухую и свежесрезанную траву. Поставили палатку, растянув ее на камнях, покрывающих все русло и берега реки.

Костер поставили со стороны реки, откуда уже тянул холодный ветерок. Сложили «стенку» из камней полукругом у костра так, чтобы палатка прикрывалась ими от ветра и нагревалась теплом, разогретых огнем костра камней. Все сделали «по науке», по «Справочнику путешественника», тщательно изученному ими перед походом.

Но до темноты еще было несколько часов светлого времени, стояли самые длительные июньские дни. АРТ предложил пройтись по ближайшей окрестности вдоль реки, собрать еще хвороста и фруктов, а возможно и принесенные сюда течением минералы. Направились вверх по протокам, каждый выбрал себе свою. Договорились встретиться через час, полтора у палатки.

ЛИК шел очень медленно и осторожно. И хотя он уже пытался ранее приучить себя к одиночной жизни вблизи заставы, но здесь, в совершенно незнакомом и необитаемом месте, он чувствовал тревогу после расставания с другом. Но еще ярко светило солнце, пели вечерние песни птицы, от запаха цветущих трав и треска цикад становилось спокойно и радостно на душе. Он почувствовал прилив уверенности, прибавил шаг и двинулся вдоль протоки. Незаметно уходил все выше и выше, собирая дикий лук и яблоки. Даже удалось найти образцы красной яшмы и халцедона. На одной из извилин протоки тяжело поднялась в воздух стая кегликов, прилетевших сюда на водопой.

«Как плохо без ружья!» – подумал ЛИК. «Такие жирные кеглики (горные куропатки) пошли бы на ужин».

Незаметно он перешел с одной протоки на другую, где нашел заросли кислятки (разновидность гигантского лопуха, толстый стебель которого наполнен кисло-сладким соком). Он срезал несколько толстых стеблей этой травы, прекрасно утоляющей жажду, и немедленно съел один. Рот и горло освежил приятный сок. Удалось найти большой образец чистого кварца. О времени ЛИК вспомнил, когда солнце коснулось гор, и повернул назад.

В горах ночь наступает быстро. Остаться на ночь одному было страшно, и мальчик торопился вниз по протоке. Он прошел час, и еще час. Стало совсем темно, и только полная луна освещала путь. Резко похолодало, как обычно ночью высоко в горах.

ЛИК остановился, стараясь собраться с мыслями и подавить охватившую его тело дрожь.

«Вниз было идти легче, и он почти бежал, значит место стоянки он уже прошел, пропустил», рассуждал мальчик.

«Нужно возвращаться назад» – решил он.

«Но почему не увидел палатку, костер, АРТ?».

И только сейчас он вспомнил момент, когда перешел на другую протоку. Положение стало серьезным. Остаться на ночь одному было страшно и холодно.

ЛИК еще раз припомнил момент смены протоки и понял, что палатка стоит на соседней протоке справа. Пробираясь сквозь кусты и проваливаясь в углубления между камнями, он вернулся на первую протоку и побрел вверх.

А тем временем АРТ, давно вернувшийся к палатке, понял, что его друг заблудился.

Он подбрасывал хворост в огонь костра, стараясь поднять столб пламени как можно выше, чтобы костер был виден издали. Когда стало совсем темно, АРТ достал поджигало и начал периодически через каждые 15 минут стрелять из него.

Резкий звук выстрелов, многократно повторенный эхом, далеко разнесся по окрестности.

Услышав выстрелы, наш герой сразу же понял, что это сигналы друга. Он определил, что выстрелы звучат вверх по течению реки, и он идет правильно. Через 30 минут в небе стало заметно зарево костра, а еще через 30 минут ЛИК как привидение вышел из зарослей прямо к костру, где его встретил порядком наволнованный АРТ.

«Где тебя шайтан носит?» – спросил он друга строго. Но в его голосе звучала радость от встречи и благополучного окончания инцидента. Мальчики обнялись.

АРТ уже давно сварил кашу с тушенкой и заварил душистый чай. Костер пылал ярко. Было тепло и даже жарко у костра. Каменная стенка тоже нагрелась и приятно дышала жаром, преграждая поток холодного воздуха от реки к палатке.

Поужинали и, сложив ножницами два толстых ствола в костер, улеглись в палатку, закрыв вход в нее на все пуговицы. В палатке было тепло и уютно. Завернувшись в одеяло и прижавшись друг к другу, мальчики крепко уснули после нескольких часов серьезных переживаний.

Рано утром, как только солнце показалось из-за гор, ЛИК разбудил друга, и они вылезли из палатки. Костер еще горел. Толстые стволы, скрещенные друг с другом, сохраняли огонь. Мальчики умылись в протоке, разогрели вчерашнюю кашу и сварили свежий чай. Кашу сдобрили собранным горным луком и вкусно позавтракали. Быстро собрали палатку, упаковали рюкзаки, залили костер и двинулись по тропе вверх по Коксу. Солнце подымалось все выше, и становилось тепло.

А тем временем на заставе началась тревога. Не обнаружив мальчиков дома и прочитав прощальное письмо с просьбой не волноваться, Е. М. и Мамуся не знали, что делать.

Нужно было подымать по тревоге спасателей. Ведь дети сбежали, и один лишь Бог знал, что с ними может произойти. Но на заставе осталось не много военнослужащих, напряженно делающих свою работу по охране границы. Кроме того, о планах детей обе женщины знали давно, но не решались поверить в реальность их осуществления. Поэтому письмо и сам факт ухода мальчиков в дальний поход не были неожиданными.

Первым приняла решение Мамуся, бабушка Аркадия.

«Елена, мальчики готовились к этому походу целый год, всесторонне и тщательно.

Я их видела в походе год назад. Уже тогда они были в хорошей форме. А сейчас, несомненно, в гораздо лучшей. Причин для серьезного беспокойства за ребят нет. Возвращение силой принесет им огромное разочарование и неверие в себя, что может иметь далеко идущие последствия. Ведь они растут мужчинами. Как мать и педагог ты должна понимать это. Они молодцы, и я горжусь своим внуком!», сказала Мамуся.

Мать нашего героя крепко задумалась. Первой ее реакцией было немедленно вернуть сына, за которого у нее болело сердце. После потери двух старших сыновей, ранения мужа и участия в самом пекле войны, в Сталинграде, первенца Симочки, ЛИК был ее единственной надеждой. Но слова мудрой и уважаемой старшей Тумановой имели глубокий смысл.

Преодолевая свои тревожные чувства, она согласилась с Мамусей не возвращать детей. Решили просить командира заставы оповестить посты по Коксу, а главное, радировать на Майдонтал-1 и предупредить их о приходе мальчиков.

А мальчики тем временем отмеряли километры по тропе вверх по Коксу к стрелке, месту слияния Чиралмы и Майдонтала и образования этой полноводной реки.

Отдыхали днем у красивого водопада Гулькам, где пелена брызг перекрывала нижнюю его часть. Здесь было прохладно. От грохота воды закладывало уши. Переждав самое пекло середины дня в прохладе водопада, отправились дальше в 17–00. За день прошли 28 км.

На ночлег остановились опять в месте расширения ущелья, в плоской котловине, сплошь покрытой валунами и галькой. Здесь Коксу разделялась на три протоки, центральная из которых имела пологие берега и была выбрана для ночной стоянки.

Удалось найти песчаную отмель, на которой и установили палатку, развели костер и соорудили заградительную стенку из камней, для защиты от холодного воздуха.

Сварили кашу и компот. Уселись у костра и долго обсуждали увиденное за день. Главное – водопад Гулькам. Под потоком воды там скрывалась глубокая пещера, о которой они знали из рассказов Мамуси. Но добраться до нее в этот раз мальчики не могли. Нужна была специальная

подготовка и специальное снаряжение. Однако, посмотреть на водопад со стороны стенки было очень заманчивым. Наступила ночь, но залезать в палатку не хотелось.

АРТ прекрасно знал звездное небо и мог бесконечно много и интересно рассказывать о планетах, звездах, созвездиях. Но все же длительный переход и усталость взяли свое.

Мальчики подложили ножницами два толстых ствола деревьев в костер, чтобы горел до утра. Залезли в палатку и улеглись на шерстяное одеяло. Под головами рюкзаки и рядом заряженные поджигала.

Тихо спустился ночной туман с горных вершин. Сон поглотил наших героев. И они не слышали, когда большой черный медведь приблизился палатке, принюхиваясь к запаху пищи. Он несколько раз обошел вокруг горящего костра, но близко подойти к палатке и огню не решился. Оставив метки, косолапый ушел в чащу тугая. Наступила тишина, нарушаемая только звонким шумом реки.

Наутро мальчики встали поздно. Поэтому до дневной жары прошли всего 12 км. График у них получался менее плотным, чем в походе прошлого года. Но это позволило больше внимания уделять окружающей природе. Старательно собирали минералы, полезные травы, наблюдали за дикими козами и любовались красивыми пейзажами. После 45-и минут перехода, отдыхали 20–30 минут. Такой легкий режим похода способствовал общему укреплению сил и подготовке к более тяжелой части пути.

Вечером добрались до «Каменного мешка», месту, где Коксу узким лезвием прорезалась сквозь гранитные скалы. Высокие отвесные стены давили своей суровой красотой и дикой силой. Тропа поднялась высоко над водой. Местами только авринги соединяли тропу. Мальчики помнили это место еще с прошлогоднего похода и старались пройти его как можно быстрее, чтобы засветло выбрать место для ночлега. И это им удалось несмотря на то, что в одном месте пришлось буквально ползти по разрушенному аврингу на высоте 50 метров над рекущей в узком ущелье рекой. Когда они вышли из теснины Каменного мешка, мальчики вздохнули с облегчением. В раздавшемся ущелье еще светило вечернее желтое солнце, Коксу звонко шумела, и здесь можно было выбрать удобное место для палатки и ночлега.

Быстро сбросили рюкзаки, собрали сухие ветки и стволы деревьев, сухую траву для костра и подстилки под палатку. Затем побродили по тугаю, срывая яблоки и сливы для компота. Искупались в мелкой заводи, где вода была теплой, и принялись готовить ужин.

Шел третий день пути. По плану сегодня вечером они должны были прибыть на гидрометеопост Майдонтал-1. Щадящий режим передвижения задержал их на сутки.

Наших юных путешественников это не огорчало. Но на посту их ждали именно сегодня, согласно сообщению с заставы. Поэтому там к вечеру Ржевцевы начали волноваться.

Для мальчиков ночь прошла совершенно спокойно. Длительный переход и волнения в Каменном мешке на авринге способствовали отличному сну в теплой палатке, поставленной по всем правилам походного искусства.

Утром четвертого дня похода мальчики уже были в отличной спортивной форме.

Быстро разогрели завтрак, приготовленный еще с вечера, поели, свернули палатку, залили костер и двинулись в путь. Сегодня они решили добраться до поста, где их уже с волнением ожидали. Шли быстро, делая привалы на 15 минут через час ходьбы.

Утром этого же дня Мария Васильевна Ржевцева, не дождавшись мальчиков вчера вечером, решила отправить им на встречу «спасательный» отряд из трех братьев, во главе со старшим сыном Виктором. Этот отряд из постоянно живущих на природе мальчиков двигался очень быстро. Здесь они знали буквально каждый поворот тропы, каждый камень. Ровно в полдень «спасатели» встретились с нашими путешественниками.

Радости было через край. Еще в прошлом году мальчики сдружились, и год разлуки укрепил эту дружбу. АРТ и ЛИК не раз вспоминали в походе советы Ржевцевых, а самостоятельный приход мальчиков на стрелку вызвал уважение у истинных жителей гор.

Хозяева забрали рюкзаки у наших героев, и все почти бегом припустились на пост, до которого оставалось 15 км. К 17–00 радушная Мария Васильевна уж встречала накрытым столом гостей и своих сыновей.

Немедленно направили радиogramму на заставу о благополучном приходе детей на Майдонтал-1. И как раз своевременно, ибо Е. М. уже готова была просить командира заставы выслать спасательный отряд пограничников, т. к. дети не прибыли на пост своевременно. И только убедительные доводы Мамуси подождать до вечера, остановили ее. Бродячая жизнь сына была непонятна матери и страшила ее. Даже после получения долгожданной утешительной радиogramмы Е. М. не могла успокоиться. И было от чего. Ведь ЛИКу только в сентябре должно было исполниться 8 лет, а пропадает он неизвестно где.

На гидрометеопосту мальчики прожили все лето, а не 30 дней как планировали. Гостеприимные Ржевцевы их не отпускали. Мария Васильевна решила подкормить этих «заставных заморышей», дать им окрепнуть перед новым учебным годом.

Она вовлекла их во все хозяйственные дела. Мальчики подымались на альпийские луга и снежные перевалы, сопровождаемые старшими «ржевцами», учились, как можно выжить в трудных ситуациях в горах: во время ливней, неожиданных камнепадах, паводках рек. Но главное, они поняли, что жизнь в горах – это не развлечение, а прежде всего упорный ежедневный труд, который при умении и настойчивости всегда с троицей вознаградиться. Только упорно трудясь, в горах можно выжить и жить почти автономно, независимо от внешнего мира.

Пример семьи Ржевцевых все эти три месяца убеждал их лучше любых даже самых интересных книг.

Домой они вернулись крепкими телом и духом. Эту перемену сразу же заметили мать ЛИКа и бабушка АРТа. Даже Е. М. осталась довольной переменной, произошедшей с сыном.

Поход 43 стал рубежом между детством и отрочеством.

Глава 3. Отрочество

Учебный год 43–44 г. начался как обычно. Ученикам 3А класса поручили написать сочинение: «Как я провел лето». Яркие впечатления и дневники трех месяцев жизни на гидрометеопосту позволили нашим путешественникам написать домашние сочинения, чтение которых заняло по три учебных часа каждое. Одноклассники, которые сами жили на заставе и много времени проводили в окрестных горах, хорошо понимали каждое событие, описанное в сочинениях, и слушали внимательно с большим интересом.

Они активно сопереживали их вместе с авторами сочинений.

Однако лучшим Евдокия Алексеевна посчитала сочинение Бориса Бондаренко, описавшего свою жизнь в Ташкенте во время летних каникул.

АРТ и ЛИК не могли понять, что интересного в сочинении Бориса и в его жизни в большом городе, да еще летом. Но особенно они не огорчились, хотя большинству одноклассников сочинение Бондаренко понравилось. Ведь попасть в большой город в это трудное военное время было несбыточной мечтой для многих.

Потекли школьные будни.

В третьем классе появились уроки географии СССР и естествознания. На них накопленные знания и опыт походов наших героев проявлялись особенно ярко. По этим предметам они далеко вперед ушли от своих сверстников, и Евдокия Алексеевна для них специально готовила более сложные вопросы и задания.

Из 13 учеников класса мальчики так и не могли крепко подружиться с кем-либо еще. Их отношения были самодостаточны для обоих. Поэтому они не принимали активного участия в обще классных мероприятиях, что вызывало тревогу у куратора.

«Индивидуализм чистой воды», часто говорила она Е. М. и Мамусе при встрече и на родительских собраниях. Особенно неприятными эти резюме были для Е. М., тоже учительницы и активной общественной деятельницы. Она не раз задумывалась над этими замечаниями Евдокии Алексеевны.

«Все это влияние Тумановых», думала мать.

«Но плохо ли это?», задавала она себе вопрос, на который не могла уверенно ответить.

Учебные дни были очень похожи и летели очень быстро. Зима наступила рано. В конце ноября уже лежал снег.

Мальчики, начитавшись Пири, Папанина, Амундсена и Скота о сонно-лыжных походах к полюсам Земли и зимовках на льдинах, решили серьезно научиться ходить на лыжах. Они устраивали короткие однодневные походы на лыжах и санках в окрестности заставы, воображая себя полярниками.

Для ЛИКа один из таких походов закончился печально. Он сильно переохладился и опять серьезно заболел пневмонией. Этот недуг пришлось лечить почти два месяца.

Болезнь дается человеку для осмысления жизни. И если болезнь случается в ранние годы, то она помогает сосредоточиться на главном и победить недуг.

ЛИК болел тяжело. Две недели температура держалась в интервале 38.5–39.0 С°, спадая только ночью, когда он потел так сильно, что приходилось менять трижды за ночь его нательное и постельное белье. Лекарств не было. Травы, мед, медвежий жир, кумыс заменяли лекарства. Мать делала все возможное, чтобы облегчить состояние сына.

Часто ночами ее подменяла Мамуся. Первые две недели были самыми опасными.

Затем кризис миновал благополучно, но еще долго длился процесс выздоровления.

Именно в это время Аркадий приносил ему самые интересные книги из библиотеки отца.

Книги и дневники Пржевальского, Козлова, Ливингстона, Семенова-Тяньшаньского и других знаменитых путешественников. ЛИК читал эти книги с упоением, совершенно забывая

о болезни. Именно тогда у него родилась большая мечта стать исследователем Земли, путешественником. Эта мечта стала путеводной звездой всей его жизни.

Еще не успел он поправиться после болезни, еще не ходил в школу (благо мама математику вела с ним дома, а Евдокия Алексеевна была частым гостем), а они с АРТом уже планировали новый поход.

Только в апреле 1944 г. ЛИК начал регулярно посещать школу.

Полярного путешественника пока из него не получилось. Нужно было серьезно заняться здоровьем. Чем теплее становилась погода, тем быстрее крепили силы нашего героя.

В мае он уже был совершенно здоров. В июне, успешно закончив 3-ий класс, мальчики решили вновь идти на стрелку, к месту слияния Чиралмы и Майдонтала. И опять пришлось преодолеть упорное возражение матери ЛИКа, которая была напугана длительной болезнью сына. И только обстоятельная беседа с Мамусей, и положительный опыт прошлогоднего похода, и жизнь мальчиков на гидрометеопосту, позволили нашему герою получить разрешение матери на очередной поход.

На этот раз мальчики уходили в поход открыто, торжественно провожаемые родными и одноклассниками. За плечами рюкзаки, палатка. Провожающие их мальчишки открыто им завидовали, но соученики не были готовы к такому походу, да и Ржевцевы не смогли бы принять больше двух человек в эту суровую пору.

Шел 1944 г., разгорелась невидимая до этого гигантская битва на Курской дуге. А сюда долетали только слабые отблески войны, когда на заставу приходили похоронки.

Переход на пост занял ровно три дня. Весь маршрут прошли точно по намеченному графику. Прибыли на третий день поздно вечером. Их ждали и встречали как родных людей, членов большой семьи.

Чтобы окончательно покончить с последствиями болезни, ЛИКа подкармливали барсучьим жиром, и мальчики часто вместе с младшими ржевцами устраивали ночные охоты за барсуками.

Днем с помощью верного пса искали барсучьи норы. Если в норе укрывался барсук, то пес лаял и лапами старался разрыть нору. Однако это псу не удавалось сделать. У выходов из норы ставили силки (маленькие капканы) или лассо, так, что, отправляясь на ночную охоту, барсук попадал в капкан или в петлю. Ловили ровно столько барсуков, сколько было нужно для приготовления жира. Мясо и шкура использовались для еды и изготовления шапок и даже шуб.

Еще одной новостью для гостей была охота за дикими козами, которые здесь водились в большом количестве.

С вечера, во главе со старшим Ржевцевым Виктором, отправлялись в засаду у водопоя на реке Чиралма. Место водопоя Ржевцевы хорошо знали уже многие годы и тщательно берегли.

Прятались в засаду вечером и ждали утра. Ранним утром в час рассвета козы строем в цепочку спускались с гор к реке на водопой. Напившись впрок, на весь жаркий день, козы цепочкой по одной, круто подымались вверх по тропе к альпийским лугам на пастбище.

Только тогда, когда у водопоя оставалась одна коза, замыкающая их строй, именно в этот момент, раздавался меткий выстрел. Коза бездыханно валилась к ногам охотников, а остальные козы, не успев даже испугаться и понять опасность, спокойно продолжали путь вверх на пастбище. Таким образом, засада оставалась тайной для коз.

Величественное зрелище спускавшихся к воде горных коз и весь пейзаж раннего утра в диких горах настолько захватили нашего героя, что он забыл о цели своего пребывания в этом месте. И когда настала его очередь стрелять, он замешкался, пропустил нужный момент. Добыча была бы упущена, если бы не меткий выстрел АРТы. Коза мягко ткнулась головой в камни. Охотники подождали, когда стадо поднялось высоко по склону и только тогда подошли к добыче. Быстро оттащили тушу козы вниз по течению реки и там разделали. С богатой добычей вернулись домой на стрелку и с гордостью вручили ее хозяйке.

Все лето ребята прожили на гидрометео посту. Они участвовали во всех делах и трудах семьи Ржевцевых. Но главное, много времени проводили в локальных походах по красивейшим окрестностям, где им открывались неповторимые виды горных ущелий, перевалов и вершин. Они собрали богатые гербарии полезных горных трав, коллекции минералов и горных пород. Особую гордость коллекции составляли друзы кварца различных цветов, от черного (мориона), до желто солнечного (раухтопаза).

Чудесное лето пролетело незаметно. 25 августа отправились в обратный путь, будучи уже отлично подготовленными к длительным переходам. Обратный путь вниз по Коксу до заставы «Памир-5» они преодолели за двое суток и один светлый день так, что 28. 08. к вечеру они целыми и здоровыми прибыли домой, к великой радости Е. М. и Мамуси.

Е. М. нашла сына здоровым, крепким, сильно подросшим и почти сформировавшимся юношей.

Занятия в школе начались традиционно 1 сентября. Радость свободного общения с одноклассниками вне уроков дополнялась рассказами учеников о летних каникулах на уроках, которыми всегда Евдокия Алексеевна начинала учебный год.

На этот раз рассказы наших героев были насыщены таким количеством приключений, что трудно было поверить в их реальность, хотя слушали о них одноклассники и учительница с большим интересом.

Особо удался рассказ об охоте на диких коз, сочиненный АРТом. В голодные военные годы у ребят не возникала мысль о жалости к животным, добываемых для пропитания.

А вот желание поохотиться было большим. И меткий выстрел высоко ценился.

Полетели учебные дни, похожие один на другой. Мальчики проводили все свободное время в прогулках вокруг заставы и в чудесном кабинете Николая Павловича Туманова.

В хмурый ноябрьский день 44-ого пришла черная весть о гибели самого старшего брата ЛИКа Семена, командира танковой группы, «павшего смертью храбрых при освобождении города Кировограда УССР», к которому было приписано место рождение ЛИКа.

После потери старшего сына Е. М. постарела на десять. Она замкнулась и с головой ушла в работу, проклиная немецких фашистов. ЛИК остро переживал и потерю старшего брата, и страдания мамы. Он сам стал старше и серьезнее своих лет. Это прежде всего заметил его друг АРТ, который до этого момента относился к нему как к младшему брату.

Школьные годы на заставе пролетали быстро, так же, как и отдельные дни, заполненные учебой, походами и подготовкой к ним. Мальчики быстро становились юношами.

День победы над фашисткой Германией (9 мая 1945 г.) они встретили на заставе в кругу ликующих ее обитателей всех национальностей, должностей и возрастов.

Этим солнечным незабываемым утром ЛИК проснулся необычно поздно от громкого говора домашнего репродуктора, в экстренных случаях включаемого принудительно для объявления тревог или чрезвычайных сообщений.

Первое, что он увидел, была мама, сидящая за столом в гостиной и горько плакавшая. Мгновенно его пронзила тревожная мысль о несчастье с отцом. Познавший горечь потери трех старших братьев, сын бросился к матери, стараясь ее успокоить и унять собственную тревогу.

Но по радио прозвучали торжественно величественные слова, произнесенные знаменитым диктором военных лет Левитаном: «Наше дело правое, мы ПОБЕДИЛИ!».

ЛИК остановился и посмотрел на маму. Почему она плачет, ведь такая великая радость?

Но мама встала, пошла ему навстречу, крепко обняла и сказала: «Победа сын, долгожданная победа, но как же она нам дорого далась... и он все понял.

Ни Семен, ни Леонид, ни Генрих, ни миллионы других героев не дожили до победы, отдав свои жизни за нее. Вот о чем плакала мать в этот счастливый день.

На заставе гремели хаотично выстрелы салюта, взмывали ввысь сигнальные ракеты. Все жители этого маленького горного военного поселка вышли на плац, где слушали центральный большой и черный репродуктор, несущий такую благостную и долгожданную весть.

Все обнимались, целовались, танцевали. Занятия в школе были отменены. Вот почему мама оказалась дома и не будила его в привычные 7–00 утра.

Вечером тут же на плацу общими усилиями накрыли праздничные столы, за которыми собрались все жители заставы, веселились и плакали одновременно. Почти в каждой семье этого заброшенного в горах поселка, находящегося за тысячи км от фронтов ВОВ, было по кому лить слезы. Но ликование от такой дорогой победы было всеобщим.

Учебный 44–45 год был знаменательным не только днем победы, но и окончанием начальной школы, 4-ого класса. На выпускных экзаменах, на которых присутствовали учителя Бекташской полной средней школы, где четвероклассникам предстояло продолжить учебу, наш герой по всем предметам получил пятерки и был награжден похвальной грамотой. Итак, начальная школа была закончена.

Предстоял долгожданный поход на стрелку, на «Майдонтал-1».

К этому походу друзья готовились тщательно, собирая не только всю информацию о полюбившихся им местах, но и о людях, с которыми им предстояло встречаться.

Именно это и привело к удивительным открытиям. Рассказы мамуси о судьбе семей Ржевцевых, Тумановых, Макеевых (одноклассника наших героев) были не похожи на рассказы о судьбах «бывших людей» в учебниках, в школе, дома у ЛИКа.

Но в отличие от стандартных стереотипов «бывших» из учебников, перед юношами возникали образы сильных, образованных, честных и гордых людей, истинных героев России, патриотов своей родины. Но даже 10-летним мальчишкам – юношам было понятно, что родиной этих людей была другая не советская Россия, не СССР. Только одна Мамуся, из всех окружающих их взрослых, могла позволить себе такое им рассказывать.

Однако эти новые сведения обогащали воображение мальчиков, расширяли их кругозор и выбор героев для подражания.

Лето опять провели на гидрометео посту у Ржевцевых. После рассказов Мамуси отношение к хозяевам было особенно почтительным.

Конечно, в общих играх и походах у мальчиков вырабатывался единый критерий истинных ценностей, независимо от предыстории жизни их семей. Но Ржевцевы получали домашнее образование, жили на лоне нетронутой цивилизацией природы и были гораздо свободнее в выборе.

Знаменательным событием лета 45 для юношей была встреча с горным бурым медведем, которые в большом количестве водились в тугаях Майдонтала и Чиралмы.

В конце лета ЛИК и АРТ направились вверх по Чиралме собрать в тугаях фрукты диких яблонь и груш, в изобилии растущих вдоль этой реки. Ушли далеко от стрелки и решили заночевать у реки, предварительно предупредив Ржевцевых, чтобы они не волновались.

Поставили палатку, разожгли костер, приготовили ужин. Гречневая каша с тушенкой и пара кегликов, подстреленных днем, были съедены с большим удовольствием проголодавшись за дневной переход друзьями. К концу лета друзья были в отличной спортивной форме, и 30 км. переход за день для них не был в тягость.

Ночь выдалась на редкость тихой и полнолунной. Было совсем светло так, что можно было читать книгу с крупным шрифтом. Несмотря на длинный переход спать не хотелось.

Решили испытать себя на испуг, пройтись по реке и посмотреть на ночной пейзаж при лунном сиянии.

Пока луна находилась над ущельем, прорытом стремительной Чиралмой, было светло и фантастически красиво. Казалось, что лунный свет озаряет совершенно незнакомый пейзаж горной местности на другой планете. Причудливые тени от гор, скал, деревьев и огромных

валунов, оставшихся вдоль реки еще со времен ледникового периода, придавали пейзажу загадочный, изотерический вид. Мальчики, очарованные этим сказочным зрелищем, продвигались вперед медленно, стараясь все же не уходить за зону видимости костра.

Было очень «тихо», если не считать вечный шум стремительной горной реки.

Неожиданно их внимание привлекла быстро передвигающаяся тень огромного медведя, спешащего к воде. Они хорошо знали, что медведи очень свирепые и непредсказуемые звери, способные напасть на любую тварь, включая и человека. Мальчики замерли. Приготовили к бою ружье и поджигала. Медведь почувствовал запах человека, остановился, сел на задние лапы и стал крутить высоко задранной головой, стараясь точно определить направление, откуда исходит неприятный запах. Затем он встал на четыре ноги и побрел в сторону ребят. Наши юноши напряглись всем телом в ожидании надвигающейся на них опасности. Решили не бежать, а если потребуется, встретить косолапого огнем из двух стволов охотничьего ружья и поджигал. АРТ зарядил ружье жакановыми патронами и передал свое поджигало ЛИКу.

«Будем стрелять я из ружья, а ты из поджигал только в крайнем случае, если мишка не остановится на наш крик», сказал он.

Когда медведь приблизился метров на 35, мальчики, набрав полные легкие воздуха, громко закричали: «Уах!!!», имитируя выстрел. Но это не остановило приближающегося зверя. Он на мгновение остановился, а затем бросился в сторону ребят. АРТ действовал быстро, хладнокровно и спокойно. Когда до зверя оставалось метров 20, он скомандовал: «Огонь!» и разрядил в медведя один ствол, а через пять секунд другой. Первый заряд жакана 12-ого калибра остановил зверя, а второй опрокинул его. Затем раздался сухой выстрел из поджигала. ЛИК направил пулю в голову зверя, как это делал он много раз по мишени на тренировочных стрельбах. Медведь заревел, пытаясь встать на задние лапы, но второй выстрел ЛИКа из второго поджигала уложил его вновь на землю. Аркадий быстро перезарядил ружье и как опытный охотник выжидал, что будет делать медведь. ЛИК выхватил из ножен широкий охотничий тесак и тоже напряженно ждал. Перезаряжать поджигала было невозможно и нечем. Но зверь не шевелился. Так неподвижно, готовые к бою с медведем они простояли пять минут, которые показались им долгими часами.

Наконец ЛИК спросил: «ОН сдох, или претворяется, готовясь к нападению?».

АРТ молчал, продолжая держать зверя на мушке.

Прошли еще долгие десять минут ожидания. Медведь не шевелился.

Мальчики не решились подойти к нему и побежали к костру. Подбросили в огонь сухих веток так, что огонь поднялся высоко в воздух, озаряя ярким красным пламенем серебристый лунный пейзаж. К такому яркому костру медведь подойти не решиться, знали юноши и почувствовали себя, наконец, в безопасности. Напряжение борьбы спало. Они победили хищного, сильного и опасного зверя. Бурная радость победы охватила их. Мальчики смеялись, прыгали вокруг костра, дико танцевали. Древние инстинкты первобытных охотников пробудились в них.

Было уже поздно, но спать в эту бурную лунную ночь было невозможно. И только когда начало светать и сильно похолодало, подбросив очередную порцию веток в костер, юноши забрались в палатку и крепко уснули, держа наготове ружье и перезаряженные поджигала.

Рано утром, вооружившись, юноши направились к месту битвы с медведем. Медвежья туша лежала неподвижно. На шкуре были видны две большие дыры от разорвавшихся жаканов. Один глаз медведя был выбит пулей, выпущенной из поджигала, другой смотрел неподвижно остекленелым взглядом. Отверстия от пули второго выстрела из поджигала не было видно. Мальчики молча стояли над тушей поверженного зверя. Теперь чувство радости от победы сменилось жалостью к убитому мишке.

«Что будем делать с этой тушей?» спросил ЛИК.

«Нужно разделить ее. Часть мяса отнесем на пост. За оставшимся мясом придем все вместе с нашими друзьями со стрелки. Иначе не отнести», ответил АРТ.

«Нужно торопиться, пока от жары мясо не протухло».

К разделке туши приступили немедленно. Прежде всего, вспороли брюхо и вытащили желудок и кишечник, как это советовал справочник охотника, и делали ржевцы при охоте за козами. Шкуру снимать не стали.

С большим трудом отрезали задние лапы. Решили их отнести на стрелку. Лапы оказались очень тяжелыми. Их обернули большими листьями кислятки, обвязали и каждую положили в один из больших альпийских рюкзаков, взятых для сбора фруктов.

Наскоро позавтракав, загасили костер и, взвалив на себя тяжеленные рюкзаки с добычей, начали спускаться к гидрометео посту. Благо тропа шла вниз. Иначе донести такую ношу до поста засветло не удалось. Только к вечеру они прибыли на «Майдонтал-1».

Ржевцевы были крайне удивлены и обрадованы, когда вместо яблок и груш из рюкзаков достали медвежьи лапы. Рассказ юношей о битве с медведем вызвал у них глубокое уважение к друзьям. Такие подвиги им самим совершать приходилось не часто.

Для наших героев это было первое боевое крещение.

На рассвете следующего дня отряд охотников из 7-и юношей направился вверх по Чиралме к месту, где была оставлена, туша медведя. Прибыли к месту в 17 часов. Разбили лагерь, поставили три палатки и приступили к разделке туши, которая хорошо сохранилась под листьями кислятки, набросанными на нее мальчиками перед возвращением на стрелку. К счастью, шакалы не успели обнаружить тушу и поживиться.

Работали молча, почти профессионально под руководством старшего из Ржевцевых Виктора, имевшего большой опыт в делах подобного рода.

Первым делом сняли шкуру и, расстелив ее как скатерть, разделявали тушу на отдельные части, которые густо солили, обворачивали в листья кислятки и укладывали в рюкзаки. У всех были руки в крови, и выглядели юноши как первобытные люди при разделке мамонта или пещерного медведя. К 21 часу с разделкой туши было покончено.

Собрались на ужин у костра.

Виктор, как самый старший и самый сильный, положил в свой рюкзак медвежью шкуру, наиболее тяжелую часть добычи. Все рюкзаки с мясом поставили у самой реки, где ночью была самая низкая температура. Продолжалось полнолуние. Красота окружающей природы захватывала дух. Но легли спать пораньше, чтобы встать на зоре. Ночь прошла спокойно. На рассвете, наскоро позавтракав, пустились в обратный путь.

Только поздно вечером вернулись на пост. Встречала их Мария Васильевна как победителей, героев-добытчиков.

Мясо медведя положили в морозильник, глубокий колодец, где под слоем песка круглый год сохранялся лед древнего ледника, погребенного под слоем оползня и таким образом сохранившегося до наших теплых дней.

Шкуру медведя бросили в реку отмываться, закрепив ее за камни, чтобы не унесло стремительным течением. Тетя Маша к приходу детей приготовила вкуснейшие пироги со свежей медвежатиной, которую вчера принесли АРТ и ЛИК. Голодные добытчики с великим аппетитом буквально смели пироги со стола. Знаменитый Машин чай, настой на травах, мед и пироги восстановили силы юных охотников, уставших после длительного дневного перехода с тяжелыми рюкзаками.

Все они и особенно АРТ и ЛИК были рады, что смогли обеспечить семью Ржевцевых мясом на длительный срок. Однако решили о поединке с медведем не рассказывать маме и бабушке, чтобы не волновать их и не подвергать опасности получение разрешений на следующие походы.

Учебный год 45–46 все выпускники 4-ого класса заставы начали в 5В классе Бекташской полной средней школы. Теперь на занятия в школу нужно было добираться 7 км пешком или на попутном транспорте (автомобиле, телеге, санях).

Заботливое начальство заставы для своих школьников оборудовало под автобус полуторку, которая в 8–00 увозила ребят в Бекташ, а в 13–00 возвращалась домой.

Кто не успевал на этот импровизированный автобус, добирался самостоятельно.

ЛИК частенько задерживался в школе по настоянию мамы, там обедал в школьной столовой и готовил уроки. Возвращался домой с матерью к 17–18 часам. В таких случаях вечером он отправлялся к АРТу домой, и они вместе гуляли вокруг заставы или трудились над проектом очередного похода в любимом ими кабинете дяди Коли.

В средней школе учеников обучали по – предметно разные учителя. Особенно мальчикам понравился учитель географии Валерий Павлович Миронов, прибывший по направлению после окончания Московского государственного университета (МГУ), но уже успевший повоевать на полях сражения ВОВ под Москвой, Сталинградом, Курском. Он, студентом 4-ого курса географического факультета МГУ, добровольцем ушел в Московское ополчение, один из очень немногих остался жив в подмосковных сражениях 41–42 г., воевал под Сталинградом в 43 г. и Курском в 44 г., был тяжело ранен, комиссован и вернулся в Москву летом 44. Успел закончить МГУ в 45 году и распределился по собственному выбору (как участник ВОВ) на Памир, который полюбил еще с довоенных лет, занимаясь альпинизмом.

Одевался он в военную офицерскую форму с колодками наград и ранений, но без погон. Уже одним этим он завоевал симпатии учеников, а его интересные неформальные рассказы о разных странах, и прежде всего географии, которую они начали изучать, собирали всех учеников даже после уроков, на географическом кружке, где ЛИК и АРТ были первыми.

Математику вела Елена Моисеевна (Е.М.), а русский и литературу Мария Семеновна Синюшина. Очень властная пожилая женщина, потерявшая в войне сына и мужа, и озлобившаяся на весь мир. ЛИК писал безграмотно. Особенно когда очень старался. На диктантах он допускал до 30-и ошибок и тем приводил Семеновну (СС), как ее звали в тайне ученики, в ярость. Она не могла понять, как такой прилежный ученик, сын уважаемой учительницы, способный объяснить все грамматические правила, которые он нарушил при ошибочном написании слов, допускает возмутительную безграмотность. СС решила, что мальчик делает это специально, чтобы позлить старую учительницу, пользуясь своей призрачной защищенностью в лице матери – учительницы этой же школы. Она безжалостно ставила ему единицы и выговаривала после каждого диктанта. За сочинения он традиционно получал 5 за слог и 2 или 1 за грамотность.

М. С. Синюшина подолгу разговаривала с матерью ЛИКа о его патологической или мнимой безграмотности и просила принять меры. Строгая мама заставляла сына почти ежедневно писать дополнительные диктанты, изложения и сочинения под ее присмотром, лишая его возможности проводить вечера в обществе АРТа, что раздражало и огорчало сына. Дома, при занятиях с матерью, он делал значительно меньше ошибок, чем в школе, на уроках Синюшиной.

Но поверить в предположение коллеги, о том, что ее сын делает ошибки сознательно, чтобы позлить нелюбимую учительницу, она не могла.

Одним словом, уроки русского языка стали бичом как для ЛИКа, так и его матери и серьезно отравляли им жизнь...

Однако дружба с АРТом и увлечение путешествиями скрашивали неприятности новой школьной жизни. А уроки географии доставляли радость от общения с учителем. На этих уроках, проводимых Валерием Павловичем (ВП) в форме виртуальных путешествий, было много общего с самостоятельными занятиями наших юношей в любимом кабинете дяди Коли, отца АРТа. Учителя они признали своим старшим товарищем, «вольным туристом» и готовы были

идти с ним в поход. В погожие выходные дни мальчики и юноши из географического кружка, в котором объединились ученики от 5-ого до 10-ого классов, под руководством ВП делали кратковременные вылазки в окрестные горы, где обучались навыкам походной жизни и искусством владения туристическим и альпийским снаряжением.

Долго ждать не пришлось.

В первые же осенние каникулы В. П. Миронов организовал поездку ребят на ближайший ледник в окрестностях Бекташа. Группа из 13 юношей, членов географического кружка, отправилась в 120 км в поход к леднику, расположенному на высоте 4600 м.

АРТ и ЛИК в группе были сами младшими, и ВП долго колебался в их выборе. Однако, навыки ребят, легкость и уверенность, с которой они вели себя в однодневных походах, убедили его. Он и не подозревал, что имеет дело с бывалыми туристами – путешественниками, выросшими в горах.

Когда ранним холодным ноябрьским утром группа собралась в школе, их ждала выделенная заставой автомашина, оборудованная как школьный автобус.

ВП внимательно оглядел и проинспектировал экипировку каждого из участников похода. Он был приятно удивлен и озадачен, когда на ногах наших героев вместо привычных армейских сапог или горных ботинок увидел валенки, подбитые широкими подошвами из автомобильных покрышек, и к рюкзакам прикрепленные снегоступы.

Автомашина двигалась медленно по заснеженной и местами скользкой дороге к дальнему руднику, находившемуся в 60 км от Бекташа. К полудню прибыли на рудник. Дальше к леднику шла горная тропа, покрытая глубоким снегом. По этой заснеженной тропе нужно было пройти порядка 20 км вверх к леднику, у подножья которого решено было разбить бивуак, а утром подняться на ледник и к вечеру вернуться на рудник, где их будет ждать автомашина.

Наскоро пообедав в столовой рудника, походным маршем в колонне по – одному, двинулись вдоль тропы. Впереди, учитель альпенштоком проверял прочность снегового покрова, а в конце колонны самые старшие из группы, ребята с 10-ого класса.

Шли достаточно быстро, чтобы засветло добраться до подножья ледника. ЛИК и АРТ шли впереди всех учеников сразу же за ВП, как самые младшие. Но после часа ходьбы стало ясно, что идут они быстро и легко, несмотря на тяжелые рюкзаки. Их необычная обувь с широкими подошвами обеспечивала легкость и уверенность передвижению по свежему и глубокому снегу, не давая ступням погружаться в снег. Юноши буквально наступали на пятки учителю, который в своих горных ботинках проваливался в рыхлый снег по щиколотку.

«Да вы ребятки прямо скороходы!» радостно воскликнул он на первом же привале, глядя на раскрасневшихся пятиклассников («пятак»).»

Чем выше они подымались, тем шире открывался горизонт, и взору представился фантастический пейзаж бескрайних горных цепей и снежных вершин, ослепительно блестящих под лучами яркого горного солнца. Далеко вдаль над всеми вершинами возвышался слегка подернутый дымкой белый гигант.

«Смотрите, это знаменитый семитысячник пик ЛЕНИНА», обратился к отряду ВП.

«Перед самой войной мне в составе сборной команды альпинистов Москвы под руководством Виталия Абалакова посчастливилось подняться на этот гигант, где мы установили бюст Владимира Ильича Ленина, и дали ему имя великого вождя революции», – сказал учитель.

Вся группа стояла как замороженная, любуясь открывшейся им величественной картиной гигантских гор.

ЛИК и АРТ еще не подымались так высоко никогда, и глубокое чувство восторга и гордости за неповторимую красоту и величие родных гор, где они родились и выросли, пронизывало их. Вот это и была их «малая» родина. «Крыша мира – Памир», как часто говорили тогда все вокруг. И только много позже, побывав в Тибете и Гималаях, на северном и южном

полюсах, ЛИК понял, что крыша мира не одна. Но свою малую родину он любил и гордился ею всю жизнь.

Вечерело, когда группа школьников поднялась к подножью ледника Кызылданги. Освещенные розовым светом заходящего солнца причудливые формы рельефа медленно сползающих глыб льда и полное перекрытие ими Быстрой Оксу, как называли горную реку, вдоль которой они подымались, ясно говорили о прибытии к конечной точке похода. Река вытекала из высокого ледяного грота, покрытого свежим снегом.

Приступили к разбивке лагеря. Ночевка у подножья ледника поздней осенью требовала осторожности и умения. ВП внимательно осмотрел окрестность на предмет опасности схода снежных лавин и ледопада и выбрал наиболее безопасное место на высокой ровной площадке над рекой.

Наши мальчики, привыкшие к полной самостоятельности в походе, спустились к реке, где на берегу из-под снега торчали зеленые ветки арчей, и принялись их срубить легкими походными топориками. На чукаи (валенки, подбитые автомобильными покрышками) они надели снегоступы, сплетенные из веток тала. Ноги в таком снаряжении не скользили и не проваливались. Им удалось быстро подготовить две большие охапки веток, которые связали и поволокли к месту расстановки палаток. Когда они поднялись, их уже ждали приветствия товарищей, которые последовали примеру опытных «пятак», попросив у них снегоступы.

К мальчикам подошел учитель, одобрительно отозвался об их идее подготовить ветки для подстилок под палатки и костра, но сделал резкое замечание:

«Юноши, очевидно, что в походе вы не новички, а бывалые туристы, но дисциплина должна быть равной для всех. Нельзя без разрешения старшего по группе отправляться куда вздумается, необходимо согласовывать свои действия с ним. Необходима строгая дисциплина в любом туристическом походе, особенно в горах!», сказал ВП. Он был абсолютно прав. АРТ и ЛИК хорошо это понимали. Но они не были туристами, они были здесь хозяевами, аборигенами, отлично знавшими, что нужно и можно им делать. Замечание уважаемого учителя огорчило их не по сути и не по форме. Они поняли, что находиться в большом коллективе значит утратить свободу и остроту общения с природой, потерять свою индивидуальность. Этого они инстинктивно боялись и решили впредь никогда не принимать участие в походах группой больше трех человек.

На ночь поставили палатки, разожгли костер, сварили чай и поужинали запасенными продуктами. Даже попытались петь песни под гитару, которую ВП взял с собой в поход.

Друзья с интересом и легкой иронией отнеслись к этому занятию.

«Турики, ну что от них можно ожидать», с легкой насмешкой сказал АРТ.

«Лучше посмотри, какая красота вокруг!», продолжил он, когда они отошли в сторонку от костра, широким жестом руки указывая на снежные горы, залитые ярким светом полной луны. Друзья стояли молча, любясь величественным видом снежных хребтов, озаренных чудесным сиянием.

«Вот это да!» – с восторгом воскликнул ЛИК. «Красота какая!» – завершил он.

К костру, где веселились старшие ребята, уже не хотелось. Отправились в палатку, зажгли спиртовую печурку и залезли вдвоем в теплый спальный мешок, уложенный на ветки арчи и подстеленный кошмой, которой запаслись по совету Мамуси.

Заснули в тепле и уюте гималайки, служившей им уже не один год.

Утро выдалось тихим и солнечным. В палатке было тепло, и вылезать из мешка не хотелось. Но старшие ребята, которые разместились не так удобно, ночью мерзли и периодически грелись у костра, уже были на ногах. Они разбудили «пятак», даже удивляясь и завидуя, как ловко эти пацаны устроились.

После утреннего чаепития и сборов вся группа начала подъем по леднику.

Причудливые формы глыб льда, глубокие трещины, присыпанные свежим снегом, яркие лучи солнца сделали передвижение по леднику очень интересным, но опасным.

Впереди шел ВП, альпенштоком проверяя прочность фирна и обнаруживая трещины во льду. На коротких привалах он рассказывал о происхождении ледников Памира, о их движении, росте и таянии. На одной из ровных площадок вспугнули большую стаю белых уларов, тяжело и лениво взлетающих при приближении людей. В их клекотании слышалась недовольство тем, что люди не дают им покоя даже зимой и на такой высоте.

ЛИК и АРТ пожалели, что им не разрешили взять ружья. Улары (горные индейки) изысканное лакомство горцев. И хотя они живут высоко в горах у ледникового покрова, охота на этих больших и красивых птиц всегда была и остается популярной и успешной.

ВП потребовал от ребят максимального внимания, когда трещины стали встречаться чаще. Классный альпинист, он взял в поход все необходимое альпийское снаряжение, и теперь оно пригодилось. Репшнур соединил группу в три связки, в каждой по четыре человека. Сам учитель не пристегивался, шел впереди, прощупывая фирн альпенштоком. Его тяжелые отгороженные горные ботинки проваливались в свежий снег. Иногда он сам проваливался по пояс. Мальчики смотрели с тревогой за его продвижением.

«Почему он не пристегивается к связке?», думал ЛИК. Техника альпинизма ему бала не знакома. Но он верил, что ВП делает все правильно.

В своих чукаях и снегоступах «пятаки» шли легко по рыхлому снегу в центре второй связки, рядом с двумя крепкими парнями, десятиклассниками, которые глубоко проваливались в снег в своих армейских сапогах. В связке нужно идти след в след. Но наступать в глубокие воронки следов своих напарников было неудобно и глупо. Поэтому АРТ и ЛИК легко шли слегка в стороне на расстоянии не более метра, параллельно следам старших ребят.

К полудню достигли конечной точки путешествия, крупной морены, с огромными валунами, пересекающей ледник. Здесь сделали привал, разогрели на примусе чай и припасенные концентраты, пообедали. Любовались великолепным горным пейзажем, открывшимся с высоты 4600 м. ВП рассказал о происхождении морен и конкретно о той, на которой они находились.

«В ледниковый период, несколько миллионов лет назад, образовавшиеся горные ледники быстро росли и стекали в долины так быстро, что местами срезали на своем пути возвышенные участки рельефа и волокли их на себе на многие сотни километров.

Затем, при потеплении ледники отступали, а принесенные ими гряды валунов, обломки скал, осадочные породы оставались, образуя морены».

Пора было возвращаться на рудник. Вторая ночевка на леднике в планы похода не входила. Горное солнце грело и ярко светило. Надели заранее приготовленные темные очки или черные повязки с маленькими дырочками для защиты глаз. Начали спуск.

ВП еще раз предупредил всех об опасности схода лавин и необходимости соблюдения осторожности при обходе обнаруженных трещин.

«Не забывайте идти строго след в след», повторил учитель.

Спускались медленно, проваливаясь в свежий снег, обильно выпавший ночью.

Наши мальчики в снегоступах в снег не проваливались, могли идти легко и быстро.

Но выходить из общего строя и связки они не решались, памятуя строгие указания учителя. Однако шагать по глубоким следам парней, идущих впереди, им не хотелось.

Они попросили старшеклассников из своей связки отпустить соединяющий их репшнур на большую длину, что позволило им идти в 2–3-х метрах в стороне от следов товарищей.

Спускались с ледника шесть часов, делая привалы для отдыха через каждый час.

Когда до конца ледника оставался час перехода, и уже была видна конечная морена, произошло ЧП.

АРТ, отклонившийся в сторону от следов группы метра на 3-и, неожиданно исчез.

Шедший за ним ЛИК и идущий впереди десятиклассник почувствовали резкий рывок веревки, которой они были связаны, и остановились, напрягаясь от навалившегося на них натяжения репшнура.

«АРТ провалился в трещину!», крикнул ЛИК. Все остановились. Подоспевший к ЛИКу второй десятиклассник, замыкавший связку, помог удержаться ему на ногах и перехватил веревку, натянутую под тяжестью висящего на ней АРТа. К месту падения спешили учитель и остальные связки, стараясь соблюдать максимальную осторожность.

ВП запретил всем отклоняться от следов, проделанных при спуске до момента исчезновения АРТа. Он осторожно подобрался к краю трещины, в которой увидел висящего на веревке над глубокой пропастью мальчика. В глубине слышался шум потока бегущей подо льдом реки. Мальчик висел на карабине и держался руками за веревку. Он не делал никаких движений, а старался спокойно ждать помощи сверху.

«Держись Аркадий, мы сейчас вытащим тебя, не волнуйся!», крикнул учитель.

«Я жду», громко и спокойно ответил АРТ.

Высоты он не боялся, но висел в ледниковой трещине над пропастью на веревке впервые. Чувства страха за жизнь он не испытывал, как и большинство мальчишек в этом возрасте.

Он внимательно изучал стены трещины, старался смотреть только вверх, зная, что темнота пропасти под ним «будет тянуть вниз», вызывая чувство тревоги. О таких ситуациях мальчики много читали в книгах о полярных путешествиях Скота, Нансена, Амундсена, Семенова – Тянь-шаньского.

АРТ знал, как нужно себя вести в таких случаях. Медленно и осторожно подоспевшие десятиклассники под руководством ВП начали подтягивать к краю попавшего в трещину младшего товарища. Двое парней справа от него медленно отпускали репшнур связки, а двое других слева подтягивали его «в тугую» к краю трещины, не позволяя образоваться большому прогибу веревки.

Через 35 минут операция помощи попавшему в трещину «пятак» была успешно завершена. Поднятый на поверхность ледника АРТ, побледневший, промерзший и сконфуженный, виновато улыбался. ВП не стал ему выговаривать за нарушение приказа двигаться «строго по следам», что и привело к ЧП. Теперь всем участникам похода было очевидно, что советы учителя следует выполнять строго.

«Все хорошо, что хорошо кончается», сказал ВП с облегчением, когда АРТ встал на ноги и занял свое место в связке. Группа продолжила спуск вниз и к концу дня без новых ЧП прибыла на рудник. Только здесь, после плотного ужина, укладываясь спать на жесткие койки в шахтерском общежитии, Аркадий признался ЛИКу, что висеть над пропастью в темной и холодной щели ледника малое удовольствие.

– Когда мы пойдем на ледники сами, нужно обязательно иметь альпенштоки и тщательно проверять фирн перед каждым шагом, – сказал он.

Утром грузовик, переоборудованный под школьный автобус, забрал юных туристов и благополучно доставил в Бекташ.

Чтобы не беспокоить родителей и дирекцию школы и не подвергать запретам будущие походы, решили о ЧП никому не говорить.

Наши герои тем же вечером, находясь уже в тепле родных домов, рассказывали своим близким о походе, восторженно описывая открывшиеся там пейзажи и делясь новыми знаниями о жизни ледников. О ЧП с АРТом они молчали.

К новому 46 году начали возвращаться с фронтов участники ВОВ. Отец ЛИКа приехал в декабре, как всегда незаметно, без лишнего шума и суеты. Когда мать и сын вернулись домой вечером после школьных занятий, то увидели, что в доме горит свет, и все поняли.

«Папа дома! Ура!», восторженно воскликнул ЛИК и бросился бегом в дом.

Входная дверь была не заперта. Мальчик ворвался в гостиную, где на любимом кресле – качалке сидел отец и читал газету, очень уютно и буднично, как будто и никогда не уезжал. Прежде чем броситься в его объятия сын заметил, как сильно постарел отец, сколько седины покрыло его голову и бороду. Отцу было 56 лет. Потеря трех любимых сыновей и пять тяжелейших лет войны отразились на его облике. Перед ЛИКом сидел благородный старик, с добрым и спокойным лицом философа. Отец встал навстречу сыну и крепко обнял его.

Мама замерла в дверях, наблюдая эту трогательную картину. Мысленно она видела встречу всех своих четверых сыновей с отцом, и сердце ее разрывалось от радости встречи и горечи утраты.

«Вот теперь война закончилась», сказала она, оказавшись в крепких объятиях мужа.

Так они стояли неподвижно, тесно прижавшись друг к другу, два очень сильных любящих человека, испытывающих одни и те же чувства.

Так началась мирная жизнь.

С приездом отца принципиально в жизни ЛИКа ничего не изменилось.

Ежедневные занятия в школе, виртуальные путешествия с АРТом в волшебном кабинете дяди Коли, вылазки в ближайшие окрестности вместе с Аркадием и дальние походы в составе туристической группы под руководством учителя географии Виктора Петровича (ВП).

Однако произошло одно событие, которое определило всю дальнейшую жизнь юноши. На уроках физики он неожиданно для себя легко и с увлечением познавал этот предмет и даже начал посещать кружок физики, к удивлению своего друга АРТа и радости матери. Отец никогда активно не вмешивался в жизнь сына и семьи в целом. Делал он это только в экстремальных ситуациях, когда того требовала сама жизнь. Но сын и мать прекрасно знали, что в таких ситуациях надежнее отца у них никого нет и быть не может.

Отец по-прежнему много времени проводил в длительных командировках, и его возвращение и пребывание дома было для семьи праздником.

Пятый класс закончили в начале июня. Экзамены сдавали по всем предметам. У ЛИКа по всем 5, а в диктанте по русскому 32 ошибки и как следствие 1. Переэкзаменовка на осень.

Когда об этом «выдающемся» достижении узнала мать, она очень огорчилась. Ведь весь учебный год они тщательно занимались с сыном русским языком дополнительно каждый день, а результат плачевный.

«Патологическая безграмотность!», в сердцах воскликнула мама, когда учительница русского языка Мария Семеновна Синюшина сообщила ей о результате экзамена.

Отец только весело улыбнулся, когда мама сообщила ему об этом несчастье.

«Если он пишет карова вместо корова или улеца вместо улица, нужно радоваться, что никто не подумает о быке или дворе», успокаивал он мать посмеиваясь.

«Перерастет это «несчастье», уверенно сказал отец.

«С этим нужно бороться!», гневалась мама. Но отец только весело шутил, подходя к этому вопросу философски.

Однако, экзамен по русскому языку в августе пришлось пересдавать и все лето к нему готовиться.

Но выбраться на стрелку вместе с АРТом все же удалось, хотя всего на один месяц, а не на три как они планировали.

На стрелке юношей встречали как родных. Ржевцевы искренне огорчились, когда узнали, что ЛИК прибыл только на месяц. Этот месяц старались провести активно – один за три.

Впервые была сделана попытка самостоятельно подняться на перевал Акбойтал, на высоту 4650 м. Здесь открывался путь к знаменитому леднику Федченко, сердцу Памира. Поход занял 10 дней.

Красота и величие открывшегося вида с перевала привела юношей в восторг и благоговение. Они долго стояли неподвижно и молча любовались этой дикой и могучей красотой миро-

здания. ЛИКу казалось, что он попал в ледниковый период, и, если бы им навстречу показался гигантский мамонт, преследуемый первобытными аборигенами, он бы не удивился.

Григорий, старший из Ржевцевых, руководивший этим походом, был здесь не первый раз. Он реагировал на первобытный пейзаж ледникового хаоса спокойно. Перевал Акбойтал славился своим капризным характером. И когда Гриша увидел вдаль на горизонте белое облачко, приближавшееся к ним, он встревожился. Снежная пурга на перевале не сулила им ничего хорошего. Нужно было спускаться вниз как можно быстрее. Он обратил внимание ребят на приближавшуюся опасность. Пришлось прервать любование огромным ледником, окруженным ослепительными вершинами высочайших гор Памира, и почти бегом спускаться вниз. Но как ни спешили ребята вниз, снежный заряд с порывом ледяного ветра нагнал их на высоте 3600 м. И хотя здесь уже простиралось ослепительно зеленое, окрашенное яркими маками и сиреневыми репануресами царство альпийских лугов, плотная стена снега и ледящий ветер быстро превратили его в белую пустыню.

Двигаться в пурге на морозе было трудно, но и оставаться на месте, чтобы укрыться в палатке было опасно. Неизвестно сколь долго будет бушевать пурга? К такому повороту событий группа была не готова. Все теплые вещи были надеты, куртки застегнуты на все пуговицы. Однако пронизывающий ледяной ветер проникал в самую душу. Зимних, истинно теплых вещей в поход не взяли. Ведь разгар лета. Пришлось все же рискнуть, остановиться, установить палатку и забраться в нее, укрываясь от ветра. Втроем в маленькой гималайке, тесно прижавшись друг к другу, ребята старались согреться как могли. Зажгли примус, разогрели в кастрюле свежий снег и вскипятили воду, заварили чай и пили его с медом, который предусмотрительно взял с собой в поход Григорий. Стало тепло и уютно в палатке. Только сильные порывы ветра, сотрясающие палатку, напоминали о бушевавшей снаружи пурге. Нужно было ее переждать. К счастью, пурга продолжалась только до утра. Палатку занесло снегом до самого конька, и под этим укрытием было тепло и тихо. Расстелив на полог палатки кошму и все шерстяные одеяла и закутавших в них, юноши спокойно спали.

Утром ослепительное горное летнее солнце осветило снежные вершины и запорошенные высокогорные альпийские луга. Снег начал таять под его яркими и горячими лучами.

ЛИК проснулся первым. Тишина и тепло палатки удерживали его некоторое время в сонном состоянии. Но потребность двигаться, и медицина взяли свое. Он осторожно встал, стараясь не разбудить товарищей, и вылез из палатки, предварительно потрудившись, чтобы откатать выход. Пришлось зажмурить глаза и подождать, пока они привыкнут к ослепительному свету, усиленному отражением от свежего снега. Красота окружавшей его картины привела мальчика в восторг. Он, полюбовавшись этим праздником летнего солнца и снега, вернулся в палатку и разбудил друзей.

«Проспите великую красоту, вставайте!» кричал он. Но АРТ и Гриша крепко спали и просыпаться не торопились, пригревшись в тепле и покое засыпанной снегом палатки после вчерашнего трудного перехода в пургу. Наконец, нехотя они поднялись. Но как только они выбрались на простор, ослепительно яркое солнце и вид покрытых свежим снегом вершин и альпийских лугов окончательно разбудили их, и придали прекрасное настроение, какое только бывает у здоровых молодых ребят после крепкого сна на свежем воздухе. Наскоро позавтракав и свернув палатку, начали спуск в долину. Снег выпал глубокий, пришлось надеть снегоступы, которые взяли в поход для передвижения по перевалу. Спуск продолжался до конца дня. Снег отступил уже к полудню. А вечером ночевали в стойбище пастухов киргизов, гнавших свой стада баранов и овец на высокогорные пастбища. Киргизы встретили ребят со свойственным им гостеприимством. Зарезали барашка, сварили шурпу и пожарили шашлык. Свежая еда и молодая баранина были очень кстати проголодавшимся после длительного перехода юношам. Кумыс и чай завершили трапезу. Ночевали в палатке под огромными и ярко мигающими звездами на чистом горном небе.

Утром, распрощавшись с пастухами и оставив им плитки зеленого чая, расходной валюты в горах, продолжили путь вниз, к истокам Пскема, откуда уже шла прямая дорог на стрелку. Еще два дня перехода и вечером третьего дня мальчики благополучно вернулись на гидрометию станцию.

Месяц каникул пролетел незаметно. ЛИКу нужно было возвращаться домой, чтобы готовиться к переэкзаменовке по русскому языку. В жаркое летнее утро 30 июля, распрощавшись с радушными ржевцами, ЛИК и АРТ направились домой на заставу.

Путь от стрелки до заставы ими был многократно хожен и хорошо известен. Теперь он занимал у них не более двух дней. Место ночевки, как всегда, выбрали на берегу Коксу, в тугае. Короткой летней ночью, у огня ярко пылавшего костра, мальчики прощались с походной жизнью этого лета.

Дома ЛИКа ждала подготовка к экзамену, а АРТа поездка в Туркмению, в Каракумы, в экспедицию гидрогеологов, где его мать была начальником партии.

Расставаться было жаль.

«И как тебя угораздило делать так много ошибок в диктантах и изложениях!?!», с горечью сказал АРТ.

«Ведь могли бы ехать в Туркмению вдвоем, было бы гораздо веселее, чем сидеть тебе дома за диктантами», завершил он свои сетования.

ЛИКу возвращаться домой из походов никогда не хотелось, тем более, сейчас, по столь глупому поводу. Но ничего придумать другое мальчики не могли.

Учеба, прежде всего!!!

«Ты уж хорошенько занимайся, чтобы на следующий год лето было свободным», задумчиво произнес АРТ.

ЛИК молчал, ему было стыдно своей патологической безграмотности и зато, что подвел друга. Легли спать поздно ночью, а встали рано. Весь день шли по знакомой тропе и к вечеру прибыли на заставу, где их уже ждали.

Вернулся с фронта отец АРТа. После устроенного в его честь торжественного обеда, на который была приглашена и семья Каганов, мальчики распрощались. Дядя Коля, высокий, статный и не по летам моложавый мужчина, после долгой и интересной беседы с ЛИКом разрешил ему пользоваться своим кабинетом, даже в отсутствии сына, видя с каким глубоким интересом мальчик вникает в географические «экспонаты» из его собрания книг, карт, атласов, коллекции минералов, и памятуя просьбу АРТа и Мамуси.

Перекуривая с отцом ЛИКа и с его матерью, старший Туманов серьезно произнес:

«Знаете, мои дорогие друзья, а ведь наши мальчики могут стать хорошими натуралистами – исследователями, и нам следует всячески поощрять их стремления».

На лице Елены отразилось глубокое беспокойство, а отец ЛИКа задумчиво улыбнулся.

«Все в руках Господних!», смеясь, произнес он. В устах убежденного атеиста эта библейская истина прозвучала неожиданно и странно.

Весь август ЛИК ежедневно по три часа в день готовился к переэкзаменовке по русскому языку. Е. М. старалась помочь сыну как могла. Было совершенно непонятным, почему легко объясняя свои ошибки, хорошо зная и верно применяя правила грамматики русского языка, он продолжал их делать вновь и вновь. Нужно было найти способ, как помочь сыну. И Е. М. его нашла. Сын легко владел разговорной и литературной русской речью и писал слова по звучанию, а не по правилам написания. При чтении написанного текста, он не контролировал написание слов, а произносил их вслух и проверял их звучание, совершенно не замечая собственных ошибок написания.

Логическое мышление, ярко выраженное у сына, здесь мешало сосредоточиться на поиске ошибок написания слов, а уводило его к контролю смысла текста изложения или диктанта, который мало зависел от грамматики написания отдельных слов.

Мать предложила проверять написанный текст с конца, читая каждую фразу справа налево, т. е. тоже с конца. Таким образом, логика текста разрушалась, и все внимание сосредоточивалось на написании отдельных слов. Это дало положительные результаты.

Осеннюю переэкзаменовку ЛИК прошел благополучно и был переведен в 6-ой класс.

Первый мирный учебный 45–46 год начался в Бекташе торжественной линейкой, на которой десятиклассники вносили на плечах в школу первоклашек, впервые переступающих ее порог. На линейке присутствовали заслуженные люди города: секретарь горкома ВКП(б), герои войны, шахтеры, председатели окрестных колхозов и совхозов.

Секретарь горкома, заслуженные люди в орденах и медалях, директор школы выступили с напутственными речами. ЛИК стоял в колонне своего 6В класса первым. За лето он подрос на 10 см и стал выглядеть совсем юношей.

Занятия в школе сменялись занятиями дома и виртуальными путешествиями по странам и континентам в любимом кабинете отца АРТа. Учебный год закончили благополучно, хотя по русскому письменному у ЛИКа была твердая тройка.

Лето 46 юноши решили традиционно провести на стрельке у Ржевских. Предстояло пройти по маршруту Мушкетова вверх по реке Майдонтал как можно дальше и неделю другую прожить в красивейших местах отрогов Южно – Аличурского хребта, о которых они читали в книге знаменитого путешественника и слышали не раз в рассказах Мамуси и дяди Коли.

АРТ с большим интересом неоднократно рассказывал о своей поездке в Каракумы, в гидрогеологическую экспедицию его мамы. Друзья решили, если представится такая возможность, летом вместе отправиться в Каракумы.

Вернувшийся к мирной жизни отец АРТа, Николай Павлович (дядя Коля) возглавил гидрометеорологическую службу на Памире, и теперь перед юношами открылись новые возможности посещения постов и гидрометеостанций в отдаленных районах Памира, этого высокогорного района Горно-Бадахшанской области Таджикистана.

Кроме этих больших, но пока виртуальных планов почти еженедельные вылазки в горы в составе туристической группы под руководством учителя географии (ВП), или вдвоем, делали жизнь ребят насыщенной и интересной.

Для ежедневной тренировки они часто ходили пешком из заставы в школу в Бекташе, покрывая эту 5 км дистанцию за час, а осенью или весной налегке за 40–45 минут, бегом.

Однажды зимой, в погожий декабрьский солнечный день друзья решили отправиться из школы домой на заставу пешком. Дневной автобус на заставу уже ушел, а вечернего ждать не хотелось. Шли легко и быстро. Морозец и яркое горное солнце помогали. Вокруг все белело от сверкающего свежего снега. За интересной беседой о предстоящем походе в зимние каникулы, обещанного ВП, незаметно прошли больше половины пути, когда заметили белую тень, мелькнувшую впереди в стороне от дороги. Мальчики насторожились, но ничего определенного увидеть не смогли. Однако чувство тревоги от надвигающейся опасности охватило их. Лавины быть не могло, снег был не глубоким. Но, что-то не так!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.